Михаил Карашев

БЕЛОМУКО

Книга первая

Б е л о м у к о.

Содержание:

Часть I. Детские истории из «Беломуко» на русском языке.

1. Беломуко - 3
2. Свадьба - 6
3. Сельпо - 8
4. Потоп - 10
5. Речка Курп - 13
6. Корзина - 16
7. Самолет - 19
8. Мельница - 22
9. Колодец - 26
10. Шейтануко - 29
11. Клуб - 33
12. Плотина - 36
13. Малгобек - 39
14. День победы - 43
15. Телефон - 46
16. Индейцы - 49
17. Школа - 54
18. Интернат - 59
19. Гонец - 63
20. Автошкола - 68
21. Моя кучерявая - 74

Часть II. Детские истории из «Беломуко» на кабардинском языке

1. Белэмыкъуэ - 79
2. Хьэгъуэлыгъуэ - 81
3. Сельпо - 83
4. Псыдзэ - 85

5. Курп псы цIыкIу - 87
6. Чий матэ - 89
7. Кхъухьлъатэ - 92
8. Щхьэл - 94
9. Псыкъуий - 97
10. Клуб -100
11. ПсыIущIэ - 103
12. Мэлгъэбэг - 105
13. Махуэ лъапIэ - 108
14. Телефон - 110
15. Индеецхэр - 112
16. Школ - 115
17. ХъыбарегъащIэ - 117
18. ШейтIаныкъуэ - 121
19. Си щхьэц баринэ - 125

Часть III. Истории из жизни автора.

1. Институт - 129
2. Колхоз - 135
3. Анатомия - 140
4. Зарима - 145
5. Терек - 153
6. Луховицы - 157
7. Москва - 163
8. Казань - 167
9. Ординаторы - 173
10. Нальчик - 180
11. Ереван - 184
12. Скорая - 188
13. Мастера - 192

Часть IV. Фотогалерея.

ЧАСТЬ I

Посвящается светлой памяти
Ламердонова Владимира Хизировича.

БЕЛОМУКО

Старшие ребята рассказывали нам детишкам про сказочную долину - Беломуко, находившуюся за большими холмами Терских гор, окружающих наше село Каншууей. Там огромный сад тутовых деревьев, такого сада нигде нет. Ягоды, сочные, сладкие, размером с мизинец, не чета нашим сельским кислым.

Есть там самый глубокий колодец в мире с холодной прозрачной водой. Возле колодца озера, где плавают караси и жирные сомы, кормящиеся ягнятами. На склонах долины зреют огромные, полосатые, черно-белые Терские арбузы, и, сладкие как мед, золотистые маленькие дыни. Пасутся стада барашек под охраной свирепых собак-волкодавов. Бегают зайцы по тутовому саду, дерутся – лупят друг-друга , выясняя, кто здесь главнее. На ветках тутовника сидят фазаны, куропатки под деревьями. Но нам мелкоте туда нельзя, далеко, не дойти, ужалит змея, покусают собаки, унесет орел. Нам надо подрасти еще лет на пять, чтобы туда попасть.

Эти рассказы все больше подогревали наше любопытство. Целыми днями мы мечтали и вынашивали планы, как попасть в эту “сказочную долину”.

Однажды, посовещавшись, мы пятеро ребятишек, в возрасте от трех до пяти лет, вышли за село в знойный летний день, не взяв ни воды, ни еды, в одних майках и трусиках, двинулись в строну Беломуко. Поднявшись на огромный холм, возвышающийся над селом на полкилометра, присели передохнуть на раскалённую от солнцепека, бурую, потресканную землю. От зноя, губы, язык, горло пересохло. Жажда мучила нас. Отказались идти дальше двое соседских мальчишек, им было по три года, начали плакать, побежали вниз по холму домой в село. Оставшиеся мы трое ребятишек, я, братик Вова и соседский мальчик Пытата-Володя, продолжили свой трудный путь.

Обгоревшие на солнцепеке, с пузырями от ожогов на спине, с облупившимися носами, потные, грязные, добрались через несколько часов до заветной цели. Нашли желанную долину Беломуко. Она, как и наше село, находилась в низине между высокими холмами Терских гор.

Вдалеке, внизу долины виднелся зеленеющий сад, уходящий за горизонт, недалеко от сада кошара и рядом каменный колодец. Откуда-то появились силы, с радостными криками побежали вниз по тропинкам – дорожкам, образовавшимся от редких дождевых потоков. Добежали до кошары, а здесь никого нет, ни животных, ни чабанов. Овец весной перегнали на Зольские горные пастбища Большой Кабарды. Стояли одни деревянные корыта – поилки для овец, без капельки воды, треснувшие от жары. Нашли старый колодец, без водоворота, веревок и ведер. Дно колодца не видать, кинули камень, а звука, что он долетел до дна нет, до того он глубокий. Не нашли мы никаких озер и даже луж возле колодца.

Добрались до зеленеющего тутового сада, мечтаем, что наедимся ягод, утолим жажду, и вода нам не понадобится. В саду целые джунгли крапивы и колючек. Мы почти голые, не можем подобраться к деревьям, добраться до спелых ягод, оцарапались об колючки до крови, обожглись крапивой. Пчелы, осы, оводы, миллиарды мошкары роятся над нами, вот-вот укусят, ужалят. Налетели тучи сорок и ворон, подняли невообразимый шум , каркают, трещат, клюют, бьют крыльями нас по головам на лету. Отбиваемся, отмахиваемся ветками тутовника. Бежать некуда, прячемся под деревьями в тени, на прохладной, влажной земле. Нашли какую-то грязную лужу с мутной водой, оставшуюся между деревьями после давнего дождя. В луже плавали головастики и всякие разные насекомые. Набрали в майку эту мутную воду, подняли над головой и пьем падающие из майки капельки. В таком малом возрасте, мы сообразили, что грязную воду пить нельзя, надо ее очищать, а то заболеем. Утолили жажду, отдохнули, остыли на влажной земле, подремали. Сообразили, что это сказки были про “сказочную долину”. Нет ни фазанов, ни куропаток, ни зайцев, ни арбузов, ни дынь, ни воды, нет ни одного зеленого кусточка и травы.

Везде ковыль и верблюжьи колючки. В саду бегают одичавшие собаки и кошки, шарахающиеся от нас мальчишек. На огромной высоте в

небе парят, зависшие неподвижно, грифы и орлы, охлаждающиеся холодным воздухом от зноя. Решили пора домой пока не всполошились родители. А в селе мать Пытаты – Хажан ищет любимого сыночка, пришло время покормить четырехлетнего карапуза. Давит молоко грудь. Мы, ребятишки, посмеивались над великовозрастным грудным ребенком, которого мать ловила и кормила грудью несколько раз в день. Не может мать найти сыночка, обежала всех соседей, расспросила мальчишек и выяснила, что ее родной сыночек с нами, двумя братишками, Мишей и Вовой, пошел искать райский уголок “Беломуко” . Сразу подняли шум, переполох в центре села. Сбежался народ, снарядили двух взрослых мужчин на поиски мальчиков. Поймали первого попавшегося ничейного осла, а их было великое множество, бродивших по селу. Запрягли мужики осла в бричку, погрузили арбузы, воду, кислое молоко, лепешки и поехали на поиски ушедших в поход мальчиков.

Через час, два, добрались спасатели до Беломуко. Нашли нас - маленьких ребятишек. Накормили досыта арбузами. Отмыли грязь с нас. Смазали ожоги, пузыри, царапины и ссадины кислым молоком – шху. Доставили нас к родителям в родное село. Пытата с этого дня отказался от грудного молока, напрасно его мать ждала с полной молока грудью. Пришлось Хажан бегать по селу и кормить чужих младенцев, недели две – три, пока не исчезло грудное молоко.

После таких приключений, научились мы различать где сказка, а где правда – быль. Не давали больше никому нас обманывать.

3 марта 2016 года ***Михаил Карашев***

Светлой памяти моего дяди Карашева Хажпаги Муридовича посвящается.

Послушай меня мой любимый внук Кантемир.
Расскажу тебе смешную историю, участником
которой я был в далеком детстве, в феврале 1949 года,
тогда мне было около двух лет.

С В А Д Ь Б А

Крики истошные: Едут! Едут! Гул, топот, свист. Заиграла громко кабардинская гармоника. И, я, маленький мальчик, просыпаюсь в пустой комнате, на огромной деревянной кровати-тахте у соседей, и кричу: “Мама, мама!”.

Прибежала моя мама: “Сыночек, ты проснулся?”. Не бойся, это свадьба. Дядя Хажпаго, младший брат твоего отца Хазрита женится. Надо освободить комнату для невесты. Не успели, толпа женщин, родственниц, соседок, девушек, отбиваясь от мужчин заводят, тащат в комнату невестки девушку, одетую в адыга фаща из разноцветной материи, ее лицо скрывала накидка из капрона и темной ткани.

Вдруг крики и шум усилились, толпа женщин и мужчин рассыпалась, раздвинулась, и в большой коридор дома заскочил на коне соседский парень. В комнату невестки он не смог попасть, замешкался, помешал узкий проем двери. Я сообразил, что самое надежное место под кроватью и быстро залез под нее. Незадачливого джигита вместе с конем подняли на руки и вынесли - вытащили из дома мужчины во главе с моим отцом Хазритом. Я вылез из своего укрытия. Женщины подняли накидку с невестки и перед всеми нами предстала красавица невестка с длинной косой до пола, выше всех женщин на свадьбе. Рост прибавляла невестке круглая цветная шапочка на голове. Все женщины по очереди стали знакомится с невесткой, дарить ей подарки (техьэапша). Представили ей мою маму Катю – старшую невестку вместе со мной. Меня невестка

Породнились два села, род Карашевых из села Каншууей и род Сруховых из села Инаркой. Хажпаго Карашев – жених, стройный, двадцатитрёхлетний, красивый парень, участник Великой Отечественной войны, гваридии пулеметчик, встретивший День Победы в Берлине, награжденный Орденами Отечественной Войны и Солдатской Славы.

Бабыца

Хажпаго

После возвращения из армий в родное село, он познакомился с красивой, двадцатилетней девушкой из соседнего села Сруховой Бабыцей (Женей), работавшая в колхозе учетчицей. И вот у них свадьба.

Целых три дня шла свадьба. Приходили соседи, все село, приезжали родственники из Терека, из Нальчика, поздравляли бабушку Фаризат, что оба ее сына живыми вернулись с войны, и теперь женится младший.

Родственники бросали монеты в толпу. Гости стреляли из ружей и наганов по дымоходу (Уанжаку) дома днем и ночью. К концу свадьбы Уанжака над домом не было – разрушили. Ажагафа – козел, шут, в вывернутом бараньем тулупе, с витыми козлиными рогами, в маске с красными глазами, с деревянным мечом, развлекал гостей, плясал, приставал ко всем, выводил девушек и парней из толпы, заставлял их танцевать кафу. За все три дня ажагафа так и не показал свое лицо. Потом я узнал, что это был соседский паренек – Миша Абазов.

После свадьбы два брата Хазрит и Хашпаго со своими семьями всю жизнь жили в одном дворе. Каждый год жены дарили им детей. Шестеро мальчиков у Хазрита:Михаил, Владимир, Тимофей, Валерий, Александр, Сергей. Шестеро детишек у Хашпаги: пятеро девочек: Рая, Венера, Наталья, Анна, Жанна, и один мальчик: Леонид. Нам детям жилось очень весело и дружно.

2 Января 2016 года. ***Михаил Карашев.***

Светлой памяти дяди Кажаева Азаматгери Дигалиевича, моих родителей Карашевых, Екатерине Никитичне и Хазриту Муридовичу посвящается.

Послушай меня внимательно Тамик, внучек, расскажу тебе про моего родного брата Владимира, двоюродного тебе дедушки, интересную историю со счастливым концом, приключившуюся с ним в детстве, 65 лет назад.

С Е Л Ь П О

Мне было 3 года, а братику Вове 2 года. Жили мы в далеком селе Каншууей - ныне Нижний Курп , на окраине нашей Кабардино-Балкарии, на границе с Ингушетией и Осетией. В красивейшем уголке. Не было в селе тогда ни электричества, ни газа, ни водопровода.

Но мы и не замечали таких неудобств. Свет нам давали керосиновые лампы, еду готовили на керогазах, воду доставали из глубокого колодца во дворе, крышку которого закрывали на замок, чтобы мы ребятишки туда не свалились. Мама Екатерина и папа Хазрит работали в сельской школе учителями, а нас детишек оставляли одних дома, где я присматривал за младшим братом Вовой. Целыми днями мы играли, бегали с соседской детворой на речку Курп, по оврагам, по зарослям акаций, папоротника, хотя родителями нам было строго указано: «Со двора не выходить!»

Однажды, я взял с собой маленького Вову и повел его в Сельпо, так назывался сельский магазин где продавались конфеты, лимонад, одежда, и

все что хочется купить ребенку и взрослому. Сельчане называли его “Лавкой чудес”.

В магазине заведующим и продавцом в одном лице работал папин друг Азамат. Очень добрый и красивый человек. Он часто заходил в гости к отцу. Своих детей не было, был холост. С нами детьми дружил и не стеснялся играть в прятки, жмурки и другие игры. Увидев нас братьев в магазине Азамат нам обрадовался, встретил нас как взрослых, расспрашивал как самочувствие и какими путями мы к нему попали без сопровождения взрослых? Угостил нас конфетами и лимонадом, посадил под прилавок в магазине, дал нам игрушки, чтобы мы играли и вели себя тихо. Я наигрался, попрощался с дядей Азаматом и ушел домой один, оставив заснувшего на ватных тюках под прилавком братика Вову, хотел вернуться потом и забрать его, но я быстро забыл про него. Целый день я бегал игрался с соседскими ребятами, а про братика ни разу и не вспомнил. А друг отца Азамат и не заметил, что я ушел без братика.

Вечером пришли домой папа и мама стали искать Вову, а я забыл что был с ним в магазине и тоже искал в сарае, в овраге за огородом, в зарослях акации и папоротника. Папа искал Вовочку у соседей а мама бегала по дому и по двору, заглядывала в колодец и плакала что Вовочка пропал. Все соседи переполошились тоже стали искать моего братика. Даже собаки бегали, лаяли и видимо тоже пытались найти Вову. Наконец нашелся человек который вспомнил что он видел меня и Вову в Сельпо днем. Начали меня расспрашивать, и я вспомнил что он остался спать под прилавком у дяди Азамата в магазине.

Соседи, родственники кинулись искать Азамата, еле нашли. Доставили Азамата на бричке в Сельпо. Он открыл магазин, зажег лампы керосиновые, заглядывает под прилавок. Кричит: Вова! Вова! А Вовы там нет. Одни ватные тюки лежат. Мать рыдает, пропал Вовочка совсем, нет его нигде! Папа кричит, нашел! Вот Вова! Он в вате спит! Оказывается, он залез внутрь ватного тюка, и его маленького было там не видать. Все обрадовались, начали его вытаскивать из ваты. А он весь мокрый от лимонада, липкий от конфет, дергается, загребает руками, снится ему, что он плывет в речке Курп. Даже не проснулся, когда папа нес его домой. Дядя Азамат поседел за эти 5-10 минут. Появилась красивая прядь седых волос, которая украшала его всю жизнь. Он оправдывался, что не заметил, что Вовочка остался, подумал, что он ушел со старшим братом. А отец ему советует, женись, заведи своих детей, будешь внимательнее. Дядя Азамат скоро женился, завел своих детей и всю жизнь был счастлив.

7 января 2016 года ***Михаил Карашев***

Светлой памяти моей матери Карашевой-Дигурко Екатерины Никитичне посвящаю.

П О Т О П

Невыносимая жара стояла летом над Терскими степями в Малой Кабарде, где находится мое родное село Канщууей. Земля потрескалась из-за недостатка влаги. Пыль, разносимая хажкурей (смерч) попадала в глаза. Трава пожелтела, вода в колодцах исчезла. Речка Курп пересохла, в оставшихся грязных лужах, вдоль русла реки лежали серебряной россыпью, маленькие рыбешки, разевая рты и засыпая. Листья деревьев скрутились, стали осыпаться. Только одна акация, стоящая, позади сарая, у оврага, за нашим двором, оставалась зеленой.

Воду, мутную, теплую, не вкусную, из которой нельзя было готовить еду, но годную для животных, привозили из соседних сел, расположенных вдоль реки Терек, в больших деревянных бочках, на бричках, повозках, телегах, запряжёнными ослами, быками, буйволами, лошадьми и даже единственным в селе верблюдом Карежева Хадина, живущего на окраине села (къуажакэ).

Во всем селе не высох только один родник. Тонкая струя воды подпитывала родник из трубы, вбитую в обрыв горы над высохшей речкой Курп. Днем и ночью женщины, ребятишки стояли в очереди за водой к этому роднику, который называли сельчане Водокачкой. Такой чистой, прозрачной, холодной воды нигде я больше за свою жизнь не встречал.

Нам, детворе все было нипочём. Бегали босиком по раскалённой земле, поднимая пыль, обжигая пятки, обливаясь мутной водой подвозимой из реки Терек. Вместе с девочками таскали по селу Хьанцигуащу - куклу одетую в женскую одежду, просили Тхьа (Бог) дать дождя: ЯАлыхъ, уашх къегъалъалъах ! При этом обливали себя водой. Старики, старухи села Каншууей каждый день наставляли нас малышей, чтобы мы громче просили Тхьа послать нам дождя. Но Тхьа, видимо, нас не слышал. Дождя не было два-три месяца. И, вдруг, в один ясный день все изменилось, нарастала духота, все живое попряталось в тень, в дома, в сараи, курятники. Небо потемнело. Вдалеке ударила молния, затем молнии стали бить, ближе и ближе. С каждой секундой нарастал грохот, будто подъезжал поезд. Дома кроме меня, братика Вовы и собаки Цомы никого не было. Собака заскочила в дом, спряталась под кроватью и ни за что не хотела оттуда вылезать.

Прибежала мать из школы, кричит: “Дети, не выходите из дому ! Буря идет к селу!” А сама побежала закрывать сарай, курятник, чтобы телята, куры, гуси, утки, индюки не разбежались. Вдруг молния, ударила в огромное тутовое дерево у колодца перед домом, дерево загорелось, развалилось пополам и накрыло колодец. Пошел сильный ливень, откуда то появилась вода, которая шла по нашему двору рекой. Мама не смогла вернуться в дом. Сарай и курятник начало уносить бурным потоком воды. Пришлось маме спасаться на акации. Как взрослая женщина смогла залезть на колючее дерево она не помнит.

Наш Дом находился по средине села, в самой низине. Вода шла во двор с трех сторон, со стороны Къуажьапща, со стороны Гоухьабла, и со стороны холма возвышающегося над серединой села на триста-четыреста метров. В считанные секунды двор превратился в бурлящую, мутную реку. Все поплыло: забор, ворота, сарай с телятами, курятник с курами и индюками. Унесло гусей и уток со двора. Люди истошно кричали, лаяли собаки, ревела скотина. Ливень все больше усиливался, казалось, что реки текут с неба. Несет бурлящая река к нам во двор, затем в огород, и дальше в слепой овраг, улья, бревна, доски, будки, посуду, тазики, мешки с зерном, и даже яблоки, которыми женщина из Плановского торговала возле мельницы напротив нашего дома. Какого добра мы не видели в эти минуты.

Мама на дереве кричит: “Дети, Дети не выходите !” А нам слышится: “Ловите, Ловите!” И мы, глупые ребятишки, выскочили из дому и стали ловить корыто плывущее по двору в бурной, мутной воде. Нас с братиком начало уносить потопом в къуачинаф - слепой овраг глубиной десять метров, который начинался за нашим огородом, он до верху наполнился прибывающей рекой, вода из него начала поступать к нам в огород, подступая все ближе и ближе к дому. Мы с братиком отчаянно боролись, барахтались в воде, цеплялись за деревья, и наконец, уцепились за телегу без колес, стоящую на железных осях, она и задержала нас.

Мать плачет, кричит: “Боже ! Боже ! Спаси моих детишек!” Прибежал соседский парень Мысост Охов, роста за два метра, выше парня в селе не было. Потоп был ему нипочём. Схватил он нас обоих братишек разом и принес в дом. Помог матери спуститься с акации и добраться до дома.

Потом призвали Мысоста на флот, и все четыре года, пока он служил, мы бегали к его родителям и передавали приветы ему в письмах. Всю жизнь мы с братиком были ему благодарны за наше спасение.

Через один – два часа ливень прекратился. Река со двора ушла. Появилось солнце. Перед нашими глазами предстали дома центра села – Къуажаку без заборов, ворот, курятников, сараев. Все сделанное из плетня, досок , глины, разрушил вокруг и унес без усилий потоп.

К великой радости всех, ни один житель села не пострадал. Все остались живы. Даже коровы, которые паслись на холмах, остались живы. Вечером, не найдя знакомых ворот, боялись заходить во двор. А потом мычали – плакали за пропавшими телятами. В этот день мы повзрослели.

На всю жизнь запомнил я этот страшный потоп – псыдза, как будто это было вчера

9 января 2016 года. ***Михаил Карашев***

РЕЧКА “КУРП”

В далеком детстве мы маленькие ребятишки, живущие в центре (къуэжэку) села Канщууей, все лето проводили на речке Курп возле водокачки. В этом месте речка делала петлю вокруг островка находившегося напротив водокачки. На высоких, обрывистых, глинисто - песчаных берегах островка гнездились очень красивые с ярким оперением райские птички (золотистая щурка), которых мы называли шунаф. Вся стенка обрыва островка была исщерпана тысячами нор, где гнездились эти птицы. Целыми днями мы играли, бегали по островку, собирали ракушки, миллиардами ссыпающимися из гнезд райских птичек, которые непрерывно углубляли свои норы, рыли дополнительные тоннели – запасные входы и выходы из своих гнезд. Купались в мутной, желтой воде реченки, строили запруды из глины, которых все время размывало. Ловили маленьких, серебристых рыбешек на мели, образовавшейся ниже запруды. Загорали на ровном плате островка, накалившемуся на солнцепеке как печка от угля. Сторожили гусят, чтобы их не утащили хитрые лисички и одичавшие собаки, которые скрывались в зарослях колючего кустарника, растущего в изобилии на берегах речки Курп за островком. Гусята ни на один шаг не отходили от нас ребятишек, купались вместе с нами, ныряли в образовавшемся пруду выше запруды, щипали зеленную травку, растущую на берегах речки. Недовольные взрослые гуси – родители гусят шипели на нас, что-то гоготали – говорили гусятам, чтобы они держались подальше от нас мальчишек, но гусята считали что мы их старшие братишки, понимали что им не грозит никакая опасность рядом с нами, что сороки или ястреб их не украдут и не унесут, что мы их всегда защитим. Уставшие, измученные жарой взрослые гуси

уходили к водокачке охладиться холодной водой, оставался только один сторожевой гусак, который не доверяя никому зорко следил с вершины островка за всеми, за гусятами, за ребятишками, за парящими высоко в небе ястребами, за наглыми трещащими сороками, скрывающихся в ветках кустарника.

Родители наши, занятые целыми днями тяжелой работой в колхозе предоставляли нам малышам полную свободу, лишь бы мы приходили к вечеру домой с гусиным стадом, и чтобы ни один гусенок не пропал, не заблудился. Мы малышня строго следили, чтобы к нашим гусятам не приблудился чужой гусенок от соседей. Каждый из нас знал по специальным меткам разрезам (лъабзэ) на перепонках гусиных лапок, которые делали наши родители гусятам, чей гусенок приблудился к нашим малышам. Некоторые приблудившиеся гусята соседей не хотели уходить, пищали, прятались. Если их ловили и уносили к хозяевам то они на другой день опять присоединялись к понравившейся стае гусят, с которой они подружились, проводили с ними целый день и опять вечером приходили к соседям ночевать.

Каждый день, ближе к обеду, на водопой в село возвращалось через Гуоу хьэблэ огромное стадо коров и буйволиц. Измученные жарой и жаждой, ревя и обгоняя друг-друга, подымая тучи пыли, бежали мимо почты, через узкий проулок, идущий к речке и водокачке. Толкаясь, бодаясь друг с другом сбегали с полого берега к речке. Огромные буйволицы сходу захватывали грязную трясину, образовавшуюся перед речкой, ложились в болото, кувыркались, крутились в грязи, через несколько мгновений они полностью покрывались черной грязью и превращались в страшные существа с бородами и усами из сказок Нартов. Коровы вели себя достойно, осторожно обходили болота, где в грязи лежали буйволицы, заходили в речку Курп, мелкими шажками переходили ее и через островок двигались к водокачке, куда по системе труб вбитых в гору, стоявшую над рекой, поступала ледяная прозрачная, вкусная родниковая вода. Напившись чистой родниковой воды коровы ложились на землю в тени под деревьями акаций и дурного дерева (жыг делэ), или тутовника в обилии растуших за островком, дремали, жевали жвачку, отдыхали несколько часов пока не спадала нетерпимая жара. Некоторые молодые коровы – мамаши, имевших маленьких молочных телят, в это время убегали домой покормить своих чад. Среди этих коров была наша красавица Мая, рослая, выше и крупнее всех коров, светло-коричневая, с белым пятном на лбу, с большими, умными глазами и мохнатыми ресницами. Она души не чаяла в своих двойняшках, сыночках бычках,

иногда она умудрялась по несколько раз в день прибегать тайком домой, покормив их сладким молоком и облизав сверху донизу она уходила, догоняла стадо, идущее с водокачки на зеленеющие луга, находившиеся на высоких холмах прямо за селом. Но такая тихая, сонная жизнь иногда нарушалась взявшимся ниоткуда, среди ясного неба и солнцепека, селевыми потоками (псыдзэ), которые приходили внезапно со стороны Сунженских гор из лесов, где по ночам сверкали молнии и грохотал гром. Селевой поток, состоящий из грязи, песка и камней, мчался по руслу речки курп, между высоких, обрывистых берегов образовавшимися веками, а может быть тысячилетиями. Поток захватывал все то, что попадалось на его пути, повозки, скотину, домашних птиц. Никто не мог предсказать эту страшную беду. Внезапно раздавался истошный крик сторожевого гусака, несущего охрану на самом высоком месте островка, который предупреждал всех гусят и гусин, ребятишек, коров и буйволиц о надвигающейся беде. Кричащие ребятишки, ревущая скотина, гогочущие гуси и пищащие гусята, устремлялись наверх, убегали по единственному пологому склону берега речки Курп, спасая свои жизни. Навстречу бежали перепуганные взрослые, родители, родственники, спасать нас мальчонок, скотину, гусей и гусят. Селевой поток приходил за считанные минуты и держался несколько дней. Речка Курп тихая, мелководная, внезапно превращалась в бурную, ревущую реку, которая не помещалась между ее отвесными берегами, высотой от пяти метров и более, она накрывала полностью наш любимый островок, затапливала гнезда бедных райских птиц, кругами парящими над затопленным островком, громкими криками зовущими своих птенцов, но напрасно, все уносило потоком взбесившийся речки. Через два - три дня речка успокаивалась, тихо, как ни в чем небывало, продолжала течь по древнему руслу. Несколько недель берега речки, наш любимый островок приходили в себя, очищались от грязи и ила. Многочисленные райские птички наводили порядок в своих норах, выкидывали наружу испорченные гнезда, строили новые, откладывали яички и выводили новое потомство, успевали до осени вырастить их, а затем улетали со своими детьми вдаль, за горы и моря на юг. Через две три недели мы ребятишки приходили на свой любимый остров, продолжали сторожить подросшихся гусят, а стадо коров и буйволиц, каждый полдень снова приходили на водопой на речку Курп к водокачке.

Счастливое, незабываемое, далекое детство ребятишек из села Къанщууей.

9 января 2016 года **Михаил Карашев.**

Эту смешную историю из детства посвящаю своим любимым внучкам Алине, Карине, Дарине.

К О Р З И Н А

Эта история произошла в послевоенные годы. Жили мы в селе Каншууей, в прекрасном живописном месте. Со всех сторон село окружали зеленеющие хребты Сунженских и Терских гор. Вдоль села, по правому краю протекала речка Курп, из которой мы, детишками, не вылазили целыми днями. Речка была мелкая, глубиной десять-пятнадцать сантиметров, вода теплая, рыбешек было полно. За нами братиками было невозможно усмотреть, ни наставления родителей, ни замки на дверях не могли нас удержать. Родители уходили на работу в школу, а нас оставляли дома под замком. После ухода родителей все шло у нас кувырком. Заранее мы договаривались с соседскими мальчишками, чтобы они приходили и вызволяли из закрытого дома. Нами был разработан план побега, сперва из коридора дома на чердак, с чердака во двор на свободу по лестнице, которую притаскивали соседские ребята. Что только мы не вытворяли, бегали с нашей собакой за курами, индюками, гусями, утками. Привыкшие к этой ежедневной суете, домашние птицы научились моментально прятаться в зарослях акаций, в большом овраге за огородом, или убегали к соседям, перелетев овраг.

Через дорогу жила слепая женщина Портова Дадуся. Мы с братиком помогали ей кормить птицу, приносили воду. Но в основном ее

разыгрывали, устраивая всякие козни. Заходили на цыпочках в ее комнату, а ей казалось, что это курица забрела. «Кыш, Кыш, отсюда!» - выгоняла мнимую курицу. То подсовывали в ведерочко, где она хранили яички, с десяток лишних яиц из нашего курятника, иногда в варенном виде, иногда утиные и гусиные.

Начинали хохотать, когда Дадуся обнаруживала подлог, звала нашу маму Катю на помощь: «Катя, Катя ! Забери своих мальчонок». А сама смеялась тоже над нашими шутками.

Надоело нашим родителям все, узнали от соседей про наши приключения. Решили нас отправить на перевоспитание к русскому дедушке Никите, отцу нашей мамы в селение Раздольное, примерно в двадцати километрах от нашего села Каншууей. Сколько радости испытали мы, когда гостили у дедушки. С дедом Никитой нам было весело, он все время рассказывал нам смешные истории, пел, шутил, учил нас разговаривать по русски. Язык мы понимали, но почему то не могли говорить на нем, отвечали на родном кабардинском, а дедушка хохотал до слез. Мы его сами научили за эти несколько недель разговаривать, и даже ругаться на кабардинском. Смешно до сих пор, как он ругался по нашему, на кабардинском. Дедушка работал главным конюхом, заведовал конюшней в колхозе. Кони, были огромные, тяжеловозы с мохнатыми шеями и ногами, в два -три раза больше наших сельских лошадок. Понимали его кони с полуслова, вели себя тихо, выполняли все его команды. Дед научил нас с братиком ездить верхом на этих конях. Очень живописная картина: “ Огромный конь с гордой осанкой вышагивал во дворе с маленькими ребятами на спине, уцепившимися за гриву”. Мы с братиком помогали деду, кормили коней сеном, овсом, давали воду, чистили и расчесывали специальными скребками. Благодаря деду с детства полюбили животных: лошадей, собак, коров.

После отдыха у деда мы стали помогать родителям ухаживать за домашними животными. Всему научил нас дедушка, но не смог научить разговаривать на русском, как не старался, сокрушался, что обещал родителям нашим научить, а не получилось ! Быстро пролетели радостные, веселые дни отдыха у дедули.

Однажды, он запряг самых больших, красивых коней в огромную повозку, набитую сеном, с колесами на шинах от трофейных немецких автомобилей, посадил нас с братиком в большую, плетенную, круглую корзину - мата, стоящую в повозке. Дал указание: сидеть в корзине смирно и не высовываться! Затем повез нас домой к родителям в Каншууей. По дороге он часто прикладывался к солдатской фляжке с вином, громко и заунывно пел. Ехали медленно, нас с братиком укачало, заснули, проснулись от резкого толчка, корзина выпала из повозки вместе с нами ребятишками, плавно, как на парашюте, опустилась на дорогу.

Дедушка не заметил потерю корзины с детьми, был навеселе от вина, продолжал ехать и петь. Пока мы сообразили, что случилось, повозка с дедом отъехала от нас метров на сто. Схватили мы корзину и потащили

вслед удаляющейся повозке. До сих пор смешно! Представьте себе: два маленьких мальчика, в одних трусиках, черных от загара, грязных от пыли, тащат по пустынной дороге большую корзину, выше их роста, пытаясь догнать удаляющуюся повозку с дедом, кричащих на чисто русском языке: «Деда, Деда! Стой! Вернись!» Не пропали напрасно старания дедушки. Дед нас не слышит, далеко отъехал, а наши крики если и слышны, то кажется ему, что в ближнем селе Виноградное лают собаки, кричат русские ребятишки.

Устали, запыхались, не догнали повозку мы с братиком. Сели обратно в корзину, прямо по среди дороги, стали отдыхать. Не испугались, не плакали, а смеялись, что когда дед заметит пропажу корзины и нас, помрет с перепугу! Через некоторое время, дед оглянулся, обнаружил, что там нет ни корзины, ни детей, развернулся и погнал этих больших коней, тяжеловозов, галопом, обратно по дороге, искать пропажу. Грохот, топот, пыль, будто паровоз, запряженный слонами, мчится по дороге. Нашел дед внуков радостно смеющихся, веселых, вдруг заговоривших на русском. А дед от таких потрясений разговаривать стал с нами на кабардинском, а мы отвечали ему по русски. Дедушка то плакал, то хохотал, все не мог успокоиться, что такое несчастье произошло с его любимыми внучатами. Просил не рассказывать родителям и никому про этот случай, а то плохо будет ему и нам. Не будут больше внуков пускать в гости к деду.

Я сдержал свое обещание деду, никогда не рассказывал про эту историю родителям и другим, а братик Вова был мал и быстро, даже не успев добраться до дому, все забыл.

12 января 2016 года. ***Михаил Карашев***

Светлой памяти моих бабушек, Дигурко Елене и Карашевой Фаризат посвящаю.

С А М О Л Е Т

Однажды в детстве к нам домой в Каншууей заехал родственник мамы дядя Степан, он возил барду – корм для коров из города Беслана в село Раздольное, где жила наша русская бабушка Елена. Мать попросила дядю Степана отвести меня с братиком к бабушке погостить на недельки две. Сама мать должна была ложиться в больницу чтобы подарить нам третьего братика. Отвез нас дядя Степан на родину нашей мамы в село Раздольное, это была первая поездка двух маленьких ребятишек из кабардинского села в русское. В Раздольном жили в основном украинцы, бабушка Елена была родом с Украины.

Дома отец, соседи разговаривал с нами на кабардинском, мать на русском, а в Раздольном бабушка на украинском, получалась какая то каша языков, но мы с братиком отлично ориентировались в этой каше.

Бабушка Елена, строгая женщина, встретила нас внучат настороженно, видимо наслышалась о нас, какие мы “хорошие ребятишки”, предупреждала: “Хлопцы ! Дальше двора нельзя – потеряетесь, уведут цыгане. В огород нельзя – покусают пчелы из ульев. За огород нельзя, унесет река Терек, которая протекала метрах в ста”. Получалось, что ничего нельзя. Можно было только сидеть тихо и никуда не высовываться. Нам было скучно от такой жизни, вели себя тихо и послушно, а сами вынашивали планы, как сбежать от такой вредной бабушки на свободу в Кабарду, как наказать эту злую бабушку, но бабушка Елена не спускала с нас глаз, будто читала наши мысли, предугадывала наши поступки. Не зря ее называли в своем селе знахаркой-целительницей, а в наше время таких называют экстрасенсами.

Целыми днями скучали по родному дому, по соседским ребятишкам, по другой родной кабардинской бабушке Фаризат, которая тоже была азэ

(знахарка) в своем селе Каншууей. Приходили к выводу – лучше нашей доброй бабушки Фаризат нет, которая позволяла нам все, бегать на речку Курп, где даже не утонет цыпленок, до того это речка мелкая. Играться в зарослях акаций и папоротника в овраге за нашим двором.

Благодаря этим моим двум бабушкам, наглядевшись как они лечат больных детей и своих односельчан, подсознательно в детстве я решил стать тоже лекарем, врачем и лечить больных, что и осуществил во взрослой жизни.

Сидим мы с братиком как то на заборе, скучаем и наблюдаем за самолетом-кукурузником, который взлетал из за холма за селом и обратно садился за этот холм. У нас за селом Каншууей тоже был маленький аэродром, откуда взлетал самолет опрыскивать кукурузу. И приходит к нам с братиком одновременно мысль: надо улететь на этом самолете в Каншууей, выбрали момент когда бабушка ушла в сарай кормить поросят, к которым она нас никогда и близко не подпускала, боялась, что мы их придушим.

Они были похожи на маленьких, толстеньких щенят, а нам так хотелось с ними поиграться. И вот воспользовавшись таким счастливым случаем, отсутствием бабушки, мы спрыгнули с забора и побежали по сельской улице к холму за селом. Быстрее, быстрее, подбадривали друг-друга, отбежали метров двести-триста от дома бабушки, замедлили шаг, оглядываемся и видим – бежит за нами бабушка, она сразу заметила наше исчезновение и кинулась за нами. Кричит, зовет нас ребятишек на украинском: “ Стойте, Бисовы дети ! Вернитесь, Басурмане! “. А нас догнать не может, добежали мы почти до холма за селом, и вдруг какой то мужчина, шедший нам на встречу, увидевший такую картину, убегающих от бабушки двух маленьких детей, и догоняющую их старушку, кричащую: “Держите! Держите! Ловите! Ловите!” - перехватил и передал нас плачущей бабушке.

Бабушка ругает нас всякими смешными ругательствами на украинском языке, а мы смеемся, радуемся, что устроили такое приключение, что мы ее достали, заставили переживать за нас. Позвала бабушка дядю Степана и просит чтобы он этих Бисовых детей отвез домой в Каншууей к другой бабушке, что она не может больше терпеть наши выходки, что ее эти Басурмане, Бисовы дети, сведут в могилу. Мы смеёмся, дядя Степа тоже хохочет, а бабушка все переживает о случившемся и плачет.

На другой день, рано утром, подъехал дядя Степан и отвез нас к бабушке Фаризат в Каншууей. Дома нас ждала мама с нашим третьим братиком Тимошей. Сколько радости у нас было, что у нас появился еще один братик. Приходили родственники и соседи, все село по очереди и поздравляли папу, маму и нас детишек с прибавлением в семье! Спрашивали: “Как жилось у русской бабушки?” А мы рассказывали каждому, как хорошо было в Раздольном, про поросят, про самолет, про

реку Терек, про бабушку Елену, что она такая хорошая, добрая, а мы ее довели до слез. Теперь мы с удовольствием поехали бы к ней отдыхать снова в Раздольное. А все вокруг смеются, хохочут, узнали от дяди Степана о наших приключениях.

15 января 2016 года. ***Михаил Карашев***

Светлой памяти моих братьев Карашевых,

Тимофея Хазритовича и Валерия Хазритовича посвящается

М Е Л Ь Н И Ц А

Мама с папой в детстве оставляли нас детей одних дома, где я пяти лет, Вова четырех лет присматривали за маленьким двухлетним Тимошей, и годовалым карапузом Валериком. Чтобы малыши не убегали и не уползали со двора, мы старшие, для страховки привязывали длинную веревку к их ногам, и они радостно ползали по двору.

Напротив нашего дома, через дорогу, стояла старая мельница, похожая на большой белый пароход, плывущий по океану. Построена она была из красного кирпича, но была белая от густой мучной пыли, оседавшей на ней в течение многих лет. На чердаке мельницы жили дугъургъу – филины. Вылетая на охоту по ночам, они пугали нас маленьких детишек своим уханьем: “ Ух – Ух”. Мать быстро укладывала нас спать приговаривая: “Дядя Филя прилетел, детям надо спать!”.

Мельница наша была единственная на всю округу, люди из окрестных сел Курпского района Малой Кабарды, из соседних республик, Осетии, Ингушетии и даже из Калмыкии привозили на нее зерно на бричках, подводах, запряженных лошадками, ослами, волами, верблюдами, на трофейных мотоциклах и бронетранспортёрах, на тачках, на велосипедах. А сельчане, у кого не было транспорта, тащили мешки с зерном на своих плечах. С раннего утра до поздней ночи, работала наша мельница. Люди приезжали на рассвете и занимали очередь. Мы просыпались от гомона человеческих голосов, ржания лошадей, ослиного рёва, начинали весело бегать по двору.

Мельница состояла из двух частей: наружной, куда разрешалось входить всем, где принималось зерно и выдавалась мука, и внутренней, здесь работал корабельный мотор, все шумело, пыхтело, скрипело, стонало,

грохотало. Крутились огромные каменные жернова, перемалывая, перетирая зерна кукурузы, пшеницы, овса, пшена в муку, отруби, комбикорм. На огромной печи жарились семечки, из которых на специальных больших сепараторах гнали подсолнечное масло, получали жмых. Мы с удовольствием ели горячий жмых, напоминающий сладкую халву. Качались, шатались длинные качели – шатуны, крутились большие корабельные колеса, по зубьям которых скользили огромные цепи, вырабатывая электрический ток для мельницы. На внутреннюю часть мельницы могли попасть только избранные, к ним относились я и Вова, дети мельника учились у моих родителей в школе. Мельник дядя Иван, одноглазый, крупный мужчина, весь черный от мазута, взлохмоченный, вспотевший от жары, походивший на черта в аду, бегал с большой лейкой, наполненной мазутом и смазывал цепи, шатуны, зубья колес.

Мука, отруби, комбикорм, жмых, по трубам, по желобам, поступали в большие деревянные ящики, стоящие по углам мельницы, а подсолнечное масло в большую цистерну. Муку черпали ведрами, совками из ящиков, или подставляли пустой мешок под трубу, откуда ручейком она сыпалась. Полные мешки взвешивали, отдавали хозяину. Расчеты проводились без денег. За работу забиралась какая то доля помола.

Заехал на бричке через огромную дверь внутрь, сдал зерно, получил готовый продукт: муку, масло, жмых, комбикорм, отруби, и выехал через несколько минут. Все помогали друг другу, никогда конфликтов не было, очередь продвигалась быстро.

Работающие на мельнице из-за мучной пыли, оседающей на лице и одежде, похожи были на сказочных персонажей. Из-за адского шума никто друг-друга не слышал, объяснялись жестами и свистами. Наш дом, дома соседей, и земля дрожали, а стекла звенели от грохота работающего корабельного механизма мельницы. Хорошо, что мельница по ночам давала нам возможность отдохнуть и выспаться. Не успевшие перемолоть зерна, мужчины из дальних сел оставались ночевать, располагались табором вокруг мельницы, целую ночь жгли костры. Просили у нас, ребятишек воды для своих лошадок, привязанных к акациям, стоящим вместо забора вокруг нашего двора.

Целыми днями мы пропадали на мельнице. Помогали набирать муку, отруби. Кормили лошадок арбузными корками, которые мы собирали на месте отдыха посетителей мельницы. Из-за пыли, грязи, мы выглядели как маленькие чертики. Бегали за мельницу, где находились огромные бочки с мазутом для механизма мельницы, и бассейн с водой, охлаждающий этот механизм. Ныряли в горячую воду бассейна, отмывались от мучной пыли. При этом пачкались мазутом и керосином, пленкой покрывавшими воду в бассейне. После такой бани вся пыль и грязь на мельнице, на улице все больше липла к нам. Только мать могла нас отмыть от такой грязи хозяйственным мылом, не было тогда близко шампуней и туалетного мыла.

Бедные животные стояли на привязи целыми днями, дожидаясь своих хозяев. Пожалели мы с братиком и отвязали самую тихую, спокойную

лошадку от акации, никто нас не видел, привязь мы развязали снутри двора не выходя на улицу. Говорим лошадке: -«Иди домой!» И она, не веря, что свободна, тихо, мелкими шажками, отходила от мельницы, беспрерывно поворачивала голову, поглядывая на нас, будто спрашивая: “Правда, что ей можно уходить?”. Отойдя от мельницы две-три сотни метров, поверив, что она на свободе, громко заржала, подбрыкивая, умчалась прочь галопом вдоль улицы, радостно скача к родному дому без брички, без хозяина. Дома поднимался переполох из-за пропажи кормильца семьи. Срочно посылали на этой же лошадке сына или соседа в Каншуеей, на мельницу искать пропавшего. А незадачливый хозяин лошадки, обнаружив пропажу, начинал кричать: «Куда она делась, кто это сделал?». Прибывал на лошадке посланец, из родного села пропавшего хозяина, для поиска кормильца семьи. Поднимался шум, смех, хохот. Все шутили над владельцем этой бедной лошадки. На этом злоключения хозяина и бедной лошадки не заканчивались.

Через год, когда хозяин лошадки снова приезжал на мельницу, был виден результат нашего доброго поступка с братиком, рядом с кобылкой бежали два жеребенка-мулята, похожих на собачек, черных как уголь, с длинными, прямыми, торчащими ушами над головой. Народ, стоявший в очереди к мельнице потешался над незадачливым хозяином этих животных. Спрашивали: «Это что за птица? Что за зверь – конек горбунок? Кто отец?»

Вокруг стоял хохот, гул мужских голосов. Некоторые падали на землю и хохотали, держась за животы. Сам хозяин лошадки тоже смеялся со всеми до слез, оправдывался, что виновата эта чертова мельница. Бес попутал его лошадку. До сих пор гадаю: «От кого эти мулята? Как это могло случиться?». Все больше смеха и хохота. Мы, маленькие ребятишки, не знали, не понимали, не догадывались, что всему причина наш добрый поступок, который совершили год назад, отпустив лошадку одну домой без присмотра.

Очень жаль, что мельницу потом снесли. В селах появилось электричество, поставили маленькие мельницы, работающие бесшумно, и дающие больше муки, чем наша мельница – пароход. Мельницу ломали несколько лет, до того она была крепкая. Стояла она долгое время без крыши, с пустыми проемами окон и дверей, как дом Павлова в Сталинграде. Филины перелетели на чердак нашего дома и чердаки соседей. Стали жить с нами детьми в дружбе. Мы относились к ним как к нашим домашним птицам, лазили на чердак, кормили птенцов варенным мясом. А филины спокойно сидели рядом, смотрели на нас своими большими, круглыми, желтыми глазами, одобряли, подбадривали нас: «Ух-Ух! Правильно все делаете детишки!.» В благодарность филины приносили мышей нашим маленьким братикам, ползающим по двору, пытались их покормить. Мать, каждый вечер, убирая этих мышей со двора, ругала дядю Филю: “Хватит кормить моих детей мышами! Корми своих!”.

Растащили сельчане остатки мельницы: кирпичи, механизмы, по своим дворам и огородам. Прошло более шести десятков лет, но до сих пор, можно обнаружить во дворах и огородах каменные жернова, цепи, зубчатые колеса.

Вот так ярко запомнилась эта большая, белая мельница – корабль, маленькие, странные жеребята, коньки-горбунки и толпа хохочущих мужчин из далекого детства.

3 февраля 2016 года ***Михаил Карашев***

Посвящаю светлой памяти дедушки
Карашева Джамала Хагуцировича.

К О Л О Д Е Ц

В детстве отец отвез меня с братиком Вовой к дедушке Джамалу в Муртазово, ныне город Терек, попросил дедушку присмотреть за нами недели две - три. Оставил нас, а сам поехал лечить фронтовую рану в военный госпиталь.

Дедушка Джамал жил недалеко от железнодорожной станции Муртазово, работал на этой станции охранником в ночную смену, охранял кукурузу – маис, привозимую из Канады на эту станцию, для Александровского спиртового завода. Днем проводил время с нами, иногда водил нас на свою работу где мы с братиком катались с больших гор кукурузного зерна, то зарывались в это зерно и прятались от деда.

Дедушка возил нас на сенокос, а иногда ловить форель на безымянную речку, протекавшую в лесу между селением Арик и Александровка. Форель будто дразнила нас маленьких детишек, выскальзывала из рук, проплывала между ног с огромной скоростью, исчезала под корнями деревьев, растущих вдоль речки, затем снова появлялась и эта ни одна рыба, а целый косяк. Мы бегали за ней, падали в речку, не могли впоймать ни одну из сотен рыб.

В отсутствии дедушки Джамала за нами присматривали старшая дочь деда Соня, маленькая женщина ростом в полтора метра, и ее супруг Мачраил, высокий мужчина более двух метров. Жили они по соседству через дом от деда, своих детей у них не было, обхаживали меня с братиком как своих родных детишек. Очень интересно было смотреть как она ухаживала за своим двухметровым супругом, как за маленьким дитём.

Говорила: “Тише ! Тише ! Дети ! Мачраил спит, он после ночной смены отсыпается”. И мы ребятишки, чтобы не мешать Мачраилу, убегали обратно к дедушке Джамалу во двор, в огромный огород, посредине которого находился колодец. Из этого колодца качали воду водоворотом по трубе, опущенной на дно. Внутри трубы была цепь, крутили водоворот, и вода по звеньям цепи поднималась вверх, выливалась в металлическое корыто, оттуда по системе труб растекалась по всему огороду, деревьям, кустам помидоров, огурцов, даже к арбузам и дыням. Поступала вода в сарай к телятам и коровам, в птичник, курам, гусям, индюкам.

Колодец был глубиной метра три, а у нас дома в Канщуеей, глубина колодца достигала тридцати метров. Стенка внутри колодца в круговую была обложена разноцветным речным камнем – булыжниками. В прозрачной воде колодца плавала одна большая форель с изумрудно зеленной окраской. На дне колодца была видна каждая песчинка. Дедушка строго настрого запрещал нам детишкам подходить к колодцу без сопровождения взрослых, заглядывать в него и кормить рыбу.

Долгое время мы послушно исполняли наказ дедушки, боялись его, до того он был строгий. Но в один прекрасный день мы нарушили свое обещание. Дедушка уехал на воскресную ярмарку в поселок Майский – ныне город Майский, оставив нас под присмотром Сони и Мачраила. Мачраил прилег отдохнуть после ночной смены, а Соня отправила нас играть во двор к дедушке, чтобы мы не будили ее любимого супруга.

Оставшись без присмотра взрослых, мы с братиком решили покормить голодную рыбу, живущую в колодце. Захватив на кухне лепешку, проникли в огород через забор, калитка была закрыта амбарным замком. Кинулись к колодцу, стали кидать крошки лепешки форели, наблюдали как она выпрыгивает из воды и ловит их на лету. Наскучило вскоре нам такая забава с братиком. Я вспомнил, что наша мама Катя, работающая в школе учительницей, рассказывала, что если залез в колодец в ясный солнечный день, то можно увидеть ночное небо – звезды и луну. Я спросил братика Вову: “Хочет он увидеть звезды на небе днем?” Он сразу согласился.

Долго я не решался, примеривался, как спуститься в колодец. Наконец, я, уцепился за трубу и, наступая осторожно на камни в стенке колодца, стал медленно опускаться внутрь. Вдруг я соскользнул с мокрых камней, не удержался за влажную трубу, свалился в колодец, нырнув с головой в ледяную воду. Вынырнул а вода выше моего роста, еле нашел место в углу, где я стоя на цыпочках, высунул один нос и глаза из воды.

Форель с испугу металась кругами внутри колодца, шлепая меня своим хвостом по лицу, по ушам. Искры посыпались у меня из глаз а Вова маленький, глупый еще, все спрашивает меня: “Вижу я звезды и луну?” Готовится тоже залезть в колодец. Не поймет, что я попал в беду, в безвыходную ситуацию. Я пытаюсь вылезти из колодца, но все время соскальзываю с мокрых камней и трубы. Ныряю снова и снова обратно в

воду с головой. Кричу « Вова ! Беги к дяде Мачраилу, скажи, что я упал в колодец ! Я сам не выберусь!»

От холода перехватило дыхание, зубы выбивают барабанную дробь, ног не чувствую, руки одеревенели, не могу шевелить пальцами. Через две три минуты прибежали несколько мужчин во главе с Мачраилом. Мачраил спрыгнул в колодец схватил меня и передал другим мужчинам. Вытащили меня из колодца. Уложили на бурку, постеленную на земле, обтирают сухой тряпкой все тело, натирают кожу аракой. Спрашивают: «Как угораздило меня упасть в колодец?» Я рассказываю, что сам залез в колодец, хотелось увидеть днем звезды и луну. Прибежали все оставшиеся соседи с женами и ребятней. Ахают, охают, хохочут, переспрашивают «Видел ты луну и звезды?» Я отвечаю, что не до этого было чтобы смотреть на небо, пытался вылезти из колодца, спастись.

Чтобы не напугать дедушку Джамала вся улица придумала план действий. Первым встретил, ехавшего на бричке, дедушку его друг Миша Шомахов, который жил в начале улицы Калмыкова. Пригласил дедушку зайти к нему на минуточку, разговорились, угостил дедушку аракой и гедлибже. Потом к ним присоединились остальные мужчины вместе с Мачраилом. Все были уже на веселе, но никто не мог первым рискнуть и рассказать про нас, боялись дедушки. По очереди произносили тосты в честь дедушки, стали хвалить нас маленьких детишек, что мы такие умные, смелые, самостоятельные. Дедушка насторожился, спрашивает: «В чем дело, что случилось?» Протрезвел. Он произнес два слова: «Залезли в колодец?» Все бросил и побежал домой, чтобы убедиться, что мы живы и здоровы.

Увидев нас целыми, здоровыми, веселыми, дедушка не сказал нам ни одного обидного слова, не ругал. Спросил: «Ребятки, полезете еще раз в колодец когда либо или нет?».

Мы с братиком твердо обещали, поклялись, что такой глупости больше в жизни не совершим. Про этот случай дедушка Джамал никогда не рассказывал нашим родителям, а мы молчали чтобы нам не попало от папы и мамы.

7 февраля 2016 года. **Михаил Карашев**

Посвящается светлой памяти дяди Альбека Хагуцировича Карашева.

Ш Е Й Т А Н У К О

Лето 1950 года, мне исполнилось три года. Целыми днями бегаю, играюсь с соседскими мальчиками. Все мы ребятишки, как инкубаторские цыплята, родились в один год, от наших отцов фронтовиков, вернувшихся с войны. Росли вместе, учились жить и познавали свой огромный мир – свою территорию в центре села (къуажэкlу) Канщууей. Каждый из нас мальчонок, четко знал границы мира нашего счастливого детства. Нижняя граница, которого начинается с левого берега речки Курп, доходит до двора дяди Альбека, от него дальше идет Гоухьэблэ. Другая верхняя граница, слева, доходит до двора тети Хатхан, родной сестры моего отца, от нее на подъеме начинается Къуожапщэ. Справа граница заканчивается школой, за ней тянется длинная Къуажэкlэ. Прямо от нашего большего двора, где я живу, границы наши доходят до окраины села, за которой стоят высокие холмы старого Кавказского хребта, здесь на окраине, живут наши друзья, мальчуганы Желихажевы, Портовы, Фидаровы, Дадовы и Гидовы, Хашхожовы, Кунтишевы, Апшевы, Шормановы, Теуниковы В наш большой мир входила водокачка на речке Курп, остров стоящий перед водокачкой, на обрывистых берегах которого гнездились тысячи птичек – Шунэф (слепая птица), огромная мельница пароход, стоящая перед нашим двором,

шумевшая с раннего утра до поздней ночи, перемалывая зерно в муку, сельпо, где продавался сладкий лимонад и разноцветные конфеты- горошек, школа, где работали мои родители, на пустыре, которого ребятишки постарше гоняли целыми днями мяч, клуб, где крутили фильмы для взрослых, куда нас мальчонок не пускали, сельская больница, где работали сразу два моих родственника, дядя Хажпаго - младший брат моего отца Хазрита, и дядя Альбек - двоюродный брат моего отца.

Дядя Альбек любил нас маленьких племянников, детей Хазрита и детей Хажпаги, особенно нас – ораву братишек. По пути на работу и с работы, почти каждый день заходил к нам домой, возился с нами, разрешал ездить на своей маленькой, спокойной лошадке, которая понимала его с полуслова и выполняла все его команды. Часами он рассказывал нам о больших городах, где живут в тысячи раз больше людей чем в нашем селе Каншууей, о морях и океанах, где плавают огромные рыбы – киты, больше чем наша мельница пароход, о страшной войне, откуда не вернулись его братья, о боях проходивших по селу и за селом, о горах и долинах, окружающие наще село со всех сторон. Особенно мне нравилось слушать его рассказы про большую зеленную долину Шейтануко (чертова долина), куда он ездил на сенокос на своей лощадке. В этой долине, по рассказам дяди Альбека, живут чертенята (шейтанята), превратившиеся в маленьких зайчат, брошенные своими родителями растут они сами по себе, питаются зеленной травкой или молоком, случайно пробегающей по долине одной из матерей чертенят. Целыми днями они играются и резвятся в зеленной густой траве, бегают на перегонки, играют в прятки, прыгают друг через друга, с нами маленькими ребятишками дружат и не боятся.

До того он интересно рассказывал про эту долину, что мне по ночам стали сниться цветные сны про эту долину, про этих брошенных своими непутевыми родителями ушастых зайчат – шейтанят, с длинными, костистыми, негнущимися ногами, у которых нет своего дома, спящих по ночам где попало, которых обижают и лисички, и волчата. Захотелось мне попасть в эту долину. Стал я упрашивать дядю Альбека, что бы он взял меня на сенокос, родителей, чтобы они разрешили мне с дядей поехать в Шейтануко, где я хотел наловить зайчат, привести их домой и воспитывать самому. Дядя Альбек согласился, сказал, что ему скучно одному целый день косить сено, что я Миша буду помогать, подносить воду из брички, смотреть за лошадкой, чтобы далеко не ушла. Мама возражала, а отец разрешил: “Пусть идет, взрослеет!”. На другой день рано утром за мной заехал дядя Альбек и забрал на сенокос. Дорога наша лежала через речку Курп, мимо

водокачки, затем по подножию Малого Кавказского Хребта в сторону Сунженских гор, где находится Ингушский Малгобек и Осетинский Хурикау. Ехали по пыльной, глинистой дороге, в то время не было никаких других дорог, ни грейдерных, ни асфальтовых, мимо какого то каменного памятника слева и болота справа. Через час, два добрались до Шейтануко.

В действительности все оказалось красивее, чем рассказывал дядя Альбек. Попали мы в иной мир, который мне снился по ночам. Океаны зеленной травы, с цветущими ярко-красными полевыми маками, одуванчиками, ромашками, разноцветными кувшинчиками. Миллиарды стрекочущих цикад, прыгающие с высокой травы зеленные кузнечики, жаворонки, поющие высоко в синеве неба, ястребы совершающие круги над долиной, высматривающие зазевавшихся зверушек. Зайчата, окружили меня со всех сторон, бегали кругами вокруг меня, приглашали проиграться с ними. Дядя Альбек предупредил меня, что нельзя бегать по густой траве, могу нечайно наступить на зайчат, чтобы бегал и игрался только на дороге, или по скошенному склону, где они буду видны мне. Незаметно, в играх, в беготне, пролетел день, наступил вечер. Уставшие зайчата отправились спать, попрятались в густой траве. Собрались мы домой, прихватил я с собой одного маленького зайчонка, который привязался ко мне за день, и не отходил от меня ни шагу. Добрались мы домой ночью, в темноте дядя выгрузил зеленную травку для телят и домашней птицы, предупредил, чтобы я через два дня был готов к поездке на сенокос, за это время решить оставлять зайчонка дома у нас, или вернуть к своим братишкам в Шейтануко, и поехал домой.

Эти два дня для меня, и моих братиков, и всех живущих в большом дворе собак, гусей, курей и индюшек были беспокойными. Собаки пытались отнять у меня зайчонка, гуси шипели на чужака, индюшки и квочки, гуляющие по большому двору со своим потомством, растопырив крылья, кидались на зайчонка, пытались его заклевать. Бедный зайчонок с перепугу прятался у меня за рубашкой, оттуда выглядывала только его любопытная мордочка, которая исчезала обратно при любой опасности. Через два дня приехал дядя Альбек и забрал меня с зайчонком в Шейтануко, где я выпустил зайчонка на том же месте откуда я его забирал два дня назад. Через миг он пропал в густой траве, скоро вернулся ко мне, привел с собой ораву зайчат, они целый день бегали и играли со мной.

Прощло две недели, дядя Альбек закончил косить сено, исчез океан зеленной, густой травы. Мир поблек, на месте океана, стояли

многочисленные копна сена на скошенных склонах долины. Подросшие зайчата стали прятаться от меня, розовые щубки у них потеряли цвет, посерели. Большинство зайчат ушли в соседние долины, другие остались жить в кустарниках родной долины Шейтануко, стали избегать меня. Только один зайчонок, который подружился со мной, который гостил у меня дома, продолжал прибегать каждый раз когда я приезжал в Шейтануко. За эти две недели я загорел, вырос, повзрослел, многому научился у дяди Альбека, благодаря которому я понял, что мир огромен, что кроме нашего детского мира существует много неизведанных миров, где живут такие же детишки, как и мы из центра села Канщууей, что там много долин, как и наша Шейтануко, где живут такие же пушистые комочки – зайчата (шейтанята), брошенные непутевыми родителями на произвол судьбы, которым может навредить наша помощь, что они благополучно растут и выживают сами по себе без нас мальчонок.

Прошло почти семь десятков лет, до сих пор снятся мне цветные сны про зеленную долину, про шустрых зайчат, бегающих по склону высоких холмов Шейтануко. Незабываемое вечное детство.

19 января 2017 года. **Михаил Карашев.**

Посвящаю моим дорогим односельчанам.

К Л У Б

Самым любимым и достопримечательным местом для сельчан из Каншуей был старенький клуб, стоящий между мельницей и амбулаторией. В клубе выступали гастролёры: бродячие артисты из Молдавии, Украины, циркачи из Москвы, Ленинграда с маленькими пушистыми собачками – болонками, умеющих считать, и со смешными обезьянками мартышками, корчившими рожу нам детям. Со смеху люди падали со стульев. Огромные удавы наводили страх на всех, никто из зрителей не соглашался близко подойти к ним.

Фокусники вытаскивали из своих черных больших шляп – котелков голубей, букеты ярких цветов, бесконечно длинные разноцветные ленты, часы и кошельки сельчан, пропавшие, исчезнувшие бесследно в никуда, при давке в клубе, на представлении. Раздавались возгласы удивления хозяев, потерявших, а затем нашедших свое богатство в шляпе – котелке фокусника, смех и хохот зрителей. Все представления проходили при керосиновых лампах и фонарях из-за отсутствия электричества в нашем дальнем селе. Иногда выручал киномеханик, приезжавший из района один – два раза в неделю на полуторке, старой развалюхе, показывать фильмы. Артисты договаривались с ним, и он включал маленький бензиновый движок, который освещал ярким электрическим светом сцену и зал клуба. Целыми семьями приходили сельчане на представления заезжих артистов - гастролеров, приносили из дому стулья, табуретки. Молодёжь тащила длинные, зеленные скамейки с ближайшего кладбища. Оставшиеся без мест, люди стояли в проходах, ребятишки сидели на подоконниках. В клуб, рассчитанный на сто человек, набивались до триста и более зрителей. После выступления артистов, зрители потные, липкие в мокрых рубашках, покидали душный клуб, тащили с собой стулья, табуретки, скамейки на улицу, на свежий прохладный воздух летней ночи, рассаживались перед

большим белым экраном, висящим на наружной стене клуба, и оставались смотреть любимые индийские фильмы до рассвета, под открытым небом с миллиардами сверкающих звездочек. Работал в клубе театральный кружок. Молодёжь, старшеклассники ставили спектакли по произведениям М.Чехова на кабардинском языке, или сами сочиняли и играли героев в своих спектаклях. На премьеру спектакля приходили все сельчане. Маленький клуб не мог вместить всех желающих, люди ждали по несколько часов, чтоб попасть на повторный премьерный показ. В клубе проводились партивные собрания, собрания колхозников, где награждали орденами, медалями, отличившихся ударным трудом доярок, трактористов, комбайнеров. Мне было шесть лет, я со своими сверстниками смотрел фильм про моряков, где главную роль играл Фёдор Шаляпин, он пел песню про Одессу – «А Одесса наша велика», вдруг фильм перестали показывать. Обьявили, что умер наш Вождь, И.В. Сталин. Сразу возник стихийный митинг. Выступили несколько мужчин с пламенной , трогательной речью. Люди плакали, говорили: “Как нам жить без Сталина? Что теперь будет?” После короткого митинга все разошлись по домам. Обьявлен был траур по вождю. В клубе на всех веселых мероприятиях, на спектаклях, на киносеансах, на самом лучшем месте впереди сидела Гуашлана – юродивая. Этих юродивых в нашем селе было три женщины: Гуашлана, Куша, Люба.

Все село бережно относилось к этим женщинам, опекало их, почитало как святых. Мы, маленькие ребятишки, понимали, что они какие – то особенные, немножко не в себе, но никогда не дразнили и не обижали. Гуашлану дети уважали и любили, она была веселой женщиной, рассказывала нам смешные байки, а мы слушали с открытым ртом, верили всему. По ее внешности, чистой одежде, по разговору, посторонний человек не мог и подумать, что она в любую минуту ошарашит собеседника, прикинется тихим ягненком, обманет, обведет вокруг пальца. Сколько раз она разыгрывала, обманывала сельчан, не сосчитать. Но люди снова и снова попадались на ее удочку розыгрыша, обмана. Нас детишек она никогда не обманывала и не обижала. Это было для нее табу. Гуашлана часто заходила к нам домой, наша мама подкармливала вечно голодную, бедную женщину. Пришла она как то к нам, а родителей наших нет, они на работе, ткнулась туда сюда, походила по двору, где бегали мы ребятишки, зашла в дом, мы и не обратили на нее внимания, ищет бедная женщина еду, а еды нет, нет даже корочки хлеба, все сьели мы маленькие ребятишки, а нас было шестеро и в добавок, большой дворовый пес Цома, который доедал после нас оставшиеся крошки. Нашла Гуашлана в доме целый брусок черного хозяйственного мыла и съела, выскочила во двор, что то мычит, вся зеленная, пускает пузыри изо рта, упала на землю, судорожно бьется, закатывает глаза, будто умирает. Помочь некому, взрослых дома нет. Побежал я быстро в сельскую амбулаторию, находившуюся в ста метрах от нашего двора, позвал доктора Артюшу (Аркадия), который и спал бедную женщину. Доктор Артюша приехал работать к нам в село из Ростова. Все село с уважением относилось к нему. Дети обожали его,

дружили, не боялись и не плакали, когда он делал уколы, осматривал, щупал животики. Мне он вскрывал гнойник на правой пятке , образовавшийся после занозы. Целую ночь я не спал, мучился, пятку будто кололи острой иголкой, били палкой, надували воздухом, а утром он за один миг меня вылечил, ткнул неожиданно скальпелем в мою пятку, боль сразу прошла, наложил повязку, и я побежал домой радостный и здоровый. У Доктора Артюши лечились не только жители нашего села, но из ближайших сел нашего района, Осетии, Ингушетии и Калмыкии. Когда его перевели в город Ростов на Дону преподавателем в мед.институт, люди очень переживали и жалели, что потеряли такого хорошего доктора. Не могли забыть его долго. Однажды Гуашлана, поздно вечером забежала в сельский клуб, набитый до отказа детьми, женщинами, мужчинами, где в это время показывали двухсерийный индийский фильм «Зита и Гита», и стала кричать, что убил себя ножом Мишка А., что он лежит весь в крови, возле сельского кладбища. Поднялся переполох, фильм прервали, выскочил народ из клуба, бросился на кладбище. Побежали и мы ребятишки. Бежит впереди всех Гуашлана, вопит, плачет, рыдает, причитает. Внезапно толпа бегущих людей остановилась, замерла, наступила тишина, затем впереди стали хохотать, ругать Гуашлану, а ее след уже давно простыл, убежала она в суматохе. Оказалось, что с толпой бежал якобы убивший себя Мишка А… Он стоял возле своего двора, курил, думал пойти на вторую серию сеанса, мимо него стала пробегать толпа кричавших, орущих, вопящих людей во главе с Гуашланой, присоединился инстиктивно к этой толпе и побежал со всеми, спрашивая у рядом бегущих: Что случилось? Куда бежим?

От возбуждения, бегущие рядом люди долго не соображали, не могли понять, что с ними бежит «покойник», виновник всей этой кутермы, что он жив и здоров. Сообразив, поняв, что Гуашлана очередной раз обманула, надула, провела всех, организовав такую веселую для нее и всего села заваруху, сельчане ругались на нее, со смехом, хохотом, шутками друг над другом, и над ожившим чудесным образом «покойником», возвращались в клуб с безвинно пострадавшим молодым парнем, досматривать любимый индийский фильм про «Зиту и Гиту». Минуло десятки лет. Сельчане не забыли, помнят Гуашлану, как веселую, умную, женщину, умевшую рассмешить, развеселить, разыграть, обвести вокруг пальца любого человека. До сих пор мы смеемся над ее смешными розыгрышами.

1 марта 2016 года. **Михаил Карашев.**

Посвящаю двоюродным братикам
Шурику и Коле Быценко

П Л О Т И Н А

Лето я, и мой младший брат Вова, двоюродные братики Шурик и Коля –дети маминой сестры тети Марии из Моздока, проводили у дедушки и бабушки в селе Раздольном. Мы малышня в возрасте от трех до пяти лет, как дикие обезьяны, лазили по деревьям, прыгали с забора, забирались на сеновал, прятались на большой печи, бегали не переставая по двору. Увидели пчел, залетающих через разбитое окошечко, на чердак старой хаты, решили проследить, где они прячут мед. Забрались я и Шурик на чердак хаты по деревянной длинной лестнице, которую мы притащили из сеновала, а младших братишек- Вову и Колю, оставили играться во дворе, стали искать гнезда-соты пчел. Нашли в дальнем темном углу, под густой паутиной – на балках, округлые лепешки из глины, размерами с кепку, с многочисленными дырочками, и пчел, роящихся рядом. Радуемся, что нашли мед, мечтаем: «Отнесем бабушке, угостим ее сладким медом, добытым нами на темном чердаке старой хаты». Оторвали по лепешке мы глупые, маленькие еще ребятишки, не понимающие, что это не пчелы, гнездящиеся в глиняных лепешках-сотах, а осы!
Напали осы на нас, почти голеньких, в одних трусиках мальчишек и стали кусать,жалить! С криками, с воплями, бросив эти лепешки, забыв про лестницу, мы выпрыгивали друг за другом с высокого чердака старой хаты.
В один миг очутились на земле, ревем от боли, плачем, катаемся по земле, отбиваясь от преследующих нас ос, оглохли, ослепли, Звон в голове

Прибежала наша бабушка Елена, стала спасать нас: вытаскивать, выковыривать, острым ножом и иголкой жала ос, застрявших по всему телу о головы до пяток, стала смазывать места многочисленных укусов мазью из меда и сливочного масла. Всё обошлось, спасла, вылечила она нас любимых внуков-первенцев, холодными примочками и чудесной мазью. Через два дня мы забыли про этих страшных ос и дармовой мед с чердака старой хаты.

Придумали себе новые приключения, тайком, незаметно от бабушки и дедушки, которого никогда и не было дома днем, мы бегали на реку Терек, находившуюся за огородом в метрах ста. Забирались на плотину и смотрели на рыб, скапливающихся черной массой перед падающим с плотины водопадом. Жалко было бедных огромных осётров, лежащих на боку, оглушённых потоком воды, падающей с плотины, приходивших в себя через несколько минут и снова упрямо плывущих в потоках воды вверх на плотину. Кричали: «Ура!», когда очередная рыбина, больше нас по размерам, исчезала в глубине реки за плотиной. Не всем рыбам улыбалась такая удача, для них плотину перекрывали на один час каждый день, ближе к обеду, оставляя один створ для пропуска рыб, плывущих на нерест к истокам реки Терек, к горам Кавказского хребта, на свою Родину.

В обмелевшей реке, в оставшихся лужах и ручейках, где по колено, где по пояс, мы бегали и ловили рыбу голыми руками. Напуганная нашими криками, рыба выскальзывала из рук, несколькими мощными ударами по песку подпрыгивала и исчезала в одном из оставшихся множества ручейков реки. В беготне за рыбой я поранил кисть левой руки, нечаянно напоролся на останки старой, ржавой пушки времен гражданской войны, скрывавшейся десятки лет под илистым дном реки. В ближайшей амбулатории села Виноградное мне наложили швы на рану и сделали укол от столбняка.

С каждым днём, мы не умеющие плавать ребятишки из далекого кабардинского села Каншууей, где нет ни озер, ни глубоких рек, а всего одна мелкая речушка Курп, и наши братишки из Моздока , всё смелее и увереннее бегали ловили рыбу, набирались опыта. Ребята из Раздольного уговаривали нас продолжить приключения, не выходить из реки, дождаться открытия шлюзов, и плыть на волнах прибывающей воды. Показывали на себе, что это не опасно, не страшно, устраивали каждый день для нас представления, уносились с радостными криками на гребне большой воды в никуда, возвращались через час-два обратно в село.

Но мы отказывались, боялись, просто трусили, но скрывали свой страх перед сверстниками. Недели через две, в беготне за рыбой, суматохе, забыли, что вскоре пойдет большая вода, что нам надо вовремя покинуть реку, отвлекли, заговорили нас специально ребятишки из Раздольного.

Поплатились мы за невнимательность, внезапно, неожиданно для нас пришла большая вода, набирающая силу с каждой секундой, натерпелись страху, пытались вылезти из воды, барахтались, но всё бестолку, сообразили, что не так страшно, что не тонем, отдались на волю стихии.

Понесла река нас вдоль села Раздольное мимо хат с соломенными крышами и камыша, мимо зеленых садов и огородов, мимо машущих нам малышей со своими мамашами, мимо пасущихся овец и коров. Доплыли мы с визгами, криками, гамом, веселым смехом, почти до Кизляра- следующим за Раздольным села, до большой песчаной косы, где река мелела, распадаясь на многочисленные рукава- ручейки, где не было крутых высоких обрывов, вылезли из реки и гордясь самими собой, что мы такие смелые, сильные, что мы герои, пошли обратно домой в село Раздольное, где нас ожидали дедушка с бабушкой и предстояли новые веселые приключения.

3 марта 2016 год **Михаил Карашев**

Посвящаю двоюродным братикам
Толе, Вите и сестричке Рае Семиренко.

М А Л Г О Б Е К

Мое родное село Каншууей в переводе «Лихой Джигит», находится между высокими холмами Терских и Сунженских гор Малого Кавказского хребта. В ясную погоду , в лучах раннего утреннего солнца, на склонах Сунженских гор виднеется Малгобек Ингушский, где ослепительно светятся большие белые здания. С биноклем можно разглядеть машины, повозки с лошадьми, людей, движущихся по улицам.

Другой, Малгобек Осетинский, из села не виден, прячется за холмами , стоящими за селом. Через Малгобек Осетинский я много раз приезжал к дедушке и бабущке, в родное село мамы Раздольное.

В Малгобеке Ингушском я никогда не был, хотя приглашали в гости старшая сестра мамы –тетя Аня и ее муж - дядя Федя, просили отца и маму отпустить меня к ним погостить. Родители мои никак не решались, возражала и бабушка Фаризат- мать моего отца. На семейном совете решили послать со мной –пятилетним мальчуганом, в Малгобек двоюродную сестру Лёлю –бойкую девочку двенадцати лет, чтобы она присматривала за мной, чтобы я не убежал, не совершал другой любой плохой поступок, вел себя тихо и прилично.

Попасть в Малгобек Ингушский из нашего села в те годы было не просто - не было автобусов совсем, машины- военные грузовики, редко проезжавшие через наше село в сторону Малгобека, а затем в город Грозный, были забиты какими –то грузами, и в основном не останавливались.

Люди из села каждую субботу и воскресенье с мешками, клумаками, набитыми зерном, мукой, отрубями, с полными корзинами яичек, сыра, сметаны, масла, молока, со связанными живыми гусями, индюками, курами, выходили на рассвете за село, ловили попутные машины, чтобы попасть на базар в Малгобеке, продать свой бесценный вкусный товар и купить одежду, обувь, портфели, учебники, ручки, тетради для своих многочисленных детей.

Иногда просидев на дороге полдня, не дождавшись ни одной проезжающей мимо машины, разочарованные неудачей, тащили свое богатство обратно в село, дожидаться следующих выходных дней, чтобы повторить попытку. Продукты не пропадали, их бережно помещали в ледяной погреб холодильника маслабойни, находившийся за школой, где они хранились дожидаясь очередной ярмарки или приезда заготовителей, из Малгобека, Орджоникидзе, Беслана, Алагира, Моздока, Грозного. Оставшиеся, не реализованные продукты съедали многочисленные дети сельчан. И вот мы с Лёлей в августе 1952 года пешком, а где на попутных подводах, добрались до Малгобека.

Будто мы попали в другой мир, на другую планету. У нас в селе жара, зной, редкие деревья с желто-коричневыми сухими листьями , серо-бурая сухая земля раскаленная солнцем, почти пересохшая речонка Курп, с мутной водой.

В Малгобеке океаны зелени, цветущие акации, тополя, ивы, земля, покрытая густым ковром канадской травы, арыки, переполненные прозрачной холодной водой, текущей вдоль широких просторных улиц. Огромная белая школа – больше нашей сельской в пять-десять раз, стоящая на самом высоком холме. Железная дорога-узкоколейка, под холмом, маленькие паровозики-«кукушки», с лязгами, с шипением, с короткими гудками «Ку-Ку», снующиеся по ней туда- сюда, толкающие, черные от мазута пустые цистерны, к трубам, заливающим в них нефть. Полные цистерны подтаскивались и цеплялись к длинному составу с большим паровозом, который доставлял сырую нефть в город Грозный на завод для перегонки в солярку, керосин, бензин. Будто завороженные, мы долго не могли оторваться, смотрели на эту бесконечную суету «кукушек».

Целый день мы с Лёлей ходили по Малгобеку, насмотрелись за этот день всего, чего мы не видели за свою жизнь в селе, устали, проголодались. Стали искать тетю Аню, спрашивали у всех прохожих про семью Семиренко –где живут и как их найти. И, наконец, ближе к вечеру на другой дальней стороне Малгобека, за лесополосой, дошли до небольшого поселка, ярко освещающиеся электрическими уличными фонарями, с опрятными маленькими домиками , с палисадниками, обвитыми виноградом и ярко-красными розами, и среди этих домов заветный домик моих родственников. Он отличался от всех других своей ухоженностью, опрятностью, цветами вдоль дорожки к дому, резными окнами и верандой, зеленым фронтоном, высоко натянутой над крышей дома радиоантенной.

Родственники встретили нас радостными возгласами, прибежали все, начали обнимать, целовать, расспрашивать о папе, маме, братишках, дети стали знакомиться. Тетя Аня –копия моей мамы, будто близняшками были, постоянно нас угощала пирожками с мясом, с капустой, с яичками, с зеленью, сладкими пончиками с джемом, с повидлом. Кормила нас борщами, супами, отварным мясом- нежным, очень вкусным и котлетами из этого мяса. Леля знала, что это за мясо, но не отказывалась от него. Бабушка Фаризат наставляла ее, чтобы она не ела в гостях у русских родственников кхъуэл-свинину, и следила , чтобы меня тоже не кормили этим мясом, это большой грех , но Леля молчала, а я не знал, и мы с удовольствием уплетали это мясо и котлеты из него.

Сестренка Рая, старше меня на один год, белокурая девочка с голубыми глазками, конопатым носиком, похожая на куколку, прицепилась к нам и ни на шаг не отходила, смешила нас, учила украинскому: “лук – цибуля, арбуз – кавун, кушать хочешь- исти хочешь?”. Училась у нас кабардинскому и смеялась над непривычно звучащими для нее кабардинскими словами. Брат Толя был взрослый парень, заканчивал школу, ему некогда было возиться с нами маленькими , все время куда-то спешил, мы его почти не видели.

Братик Витя- семиклассник, впервые в моей пятилетней жизни показал мне радиоприемник. Я был поражен увиденным, коричневый ящик из дерева со стеклянной черной панелью, светящейся зеленой лампочкой, песнями и музыкой льющейся из него. Появилась мечта, что я был бы самым счастливым, если бы у меня был такой же приемник. Все свободное время от игр я проводил у радиоприемника, настраивался на радиостанцию «Маяк», слушал слова: « Говорит Москва!» . Настраивал радио на десятки других радиостанций, говорящих на непонятных языках, помогал Вите устанавливать более мощную антенну. «Чем выше и длиннее провод, тем больше радиостанций и лучше ловит»,- объяснял он.

Витя хвастался , что он задушил напавшего на него волка в лесополосе, когда он возвращался вечером с двумя школьницами домой после уроков, что его за этот геройский поступок наградили почетной грамотой. Я до сих пор верю, что так все и было.

Дядя Федя работал инженером-механиком на насосной станции , обеспечивающей Малгобек водой. На работу ездил на зеленом мотоцикле с коляской, с собой брал ружье, и в сопровождении трех охотничьих собак, очень красивых, с длинными ушами –лопухами, свисающими до земли, с умными - человеческими глазами, выполняющими бесприкословно его команды. Таково везучего охотника, как дядя Федя и умных, красивых собак в Малгобеке не было , вся семья гордилась дядей Федей и его собаками.

В гостях наелись мы досыта арбузов, дынь, зреющими на огороде у родственников, объелись сладкими пирожками, вкусными борщами с нежным отварным мясом. Научились сносно говорить по-украински. Быстро, как один миг, пролетели эти прекрасные, счастливые дни. Не

хотелось уезжать в свое село, где нет ни электричества, ни радио, но пришлось. Электричество у нас в селе появилось через семь лет после поездки в Малгобек.

Я учился в четвертом классе, отец по почте выписал из Латвии большой радиоприемник, с проигрывателем и пластинками. Осуществилась давняя моя мечта, целый праздник был у нас в семье у детей и взрослых. Мы всей детворой помогали устанавливать радиоантенну, где я был главным советником и руководителем. Отец удивлялся откуда я это знаю, хвалил меня, что я буду радиоинженером.

Тетя Аня со своей семьей в 1957 году переехала из Малгобека Ингушского обратно в родное село Раздольное. Дети выросли и разъехались по союзу: Толик на Урал, Витя в Сибирь, Рая в Сталинград. Мы тоже повзрослели и покинули свое родное село Каншууей. Не забыли друг друга, пишем письма, звоним, встречаемся, вспоминаем дедушек, бабушек, родителей и то далекое время нашего счастливого детства.

1954 год, наша мама Катя в центре с Валериком, слева Алла, справа Рая, Вова, Тимоша, Миша.

7 марта 2016 года **Михаил Карашев**

Посвящаю Героям Великой Отечественной войны, односельчанам, однополчанам отца, всем фронтовикам нашего села КАНШУУЕЙ!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Целый год мы, шестеро детей фронтовика Хазрита –моего отца, и шестеро детей фронтовика Хажпаго –младшего брата отца, живущие в одном большом дворе в селении Каншууей с нетерпеньем ожидали этот необыкновенный праздник - День Победы.

Особенно ждали я и Вова, родившиеся в этот прекрасный день с разницей ровно в один год. Остальные детишки нашего большого двора завидовали нам счастливчикам, не повезло им родиться в этот знаменательный день.

За месяц до праздника мы детишки бегали на почту, относили письма и телеграммы от наших родителей, адресованные однополчанам нашего отца из Сталинграда, Сухуми, Ростова-на-Дону, а также родственникам, живущим в разных уголках нашей большой страны: в Казахстане, на Урале, в Сибири, в Ставрополе, в Осетии, в Нальчике, в Урухе, в Тереке с приглашениями приехать на празднование 9 Мая.

Дозвониться до них из нашего далекого села в те времена было невозможно, не было света, не было связи. Один раз в день приезжала почтовая машина, забирала письма и телеграммы и отвозила в районный центр Терек, оттуда они рассылались нашим родственникам и однополчанам.

За неделю до приезда дорогих гостей начиналась веселая суматоха в нашем большом дворе. Ребятишки помогали женщинам мыть просо, сушить , толочь в специальных деревянных ступах, молоть на ручных мельницах с маленькими каменными жерновами. Сбивали сметану часами, получая вкуснейшее нежное сливочное масло. И всё это, чтобы

приготовить для дорогих гостей сладкое горячее хьэлыуэ, джэдыкIэрыпщ, дэлэн, хьэлывэ - пирожки с творогом, с сыром, с картошкой.

За два –три дня до праздника начинали прибывать гости на самолетах, на поездах со своими семьями - детьми, женами.

9 мая 1963 года, гости,дети Хазрита, Хажпаги и соседей.

С огромной радостью мы детишки встречали наших двоюродных братиков, сестричек, которые с ходу включались в веселую предпраздничную суматоху.

Восьмого мая нас детишек с папами, с мамами, с однополчанами отца , с родственниками, на машинах, подводах отвозили в соседнее село Инаркой, в пяти километрах от нашего села, на большое ровное поле, покрытое густой зеленой травой. Здесь проходили скачки-забеги красивых кабардинских лошадей.

Тысяча людей из сел нашего района, из Терека, из Нальчика, Осетии, Ингушетии, приезжали на этот праздник. Многочисленные автолавки, приехавшие их Моздока, Малгобека, Терека, торговали мороженым, лимонадом, вкусными пирожками, конфетами, горячими лакумами.

Празднично одетые, в кителях, обвешанные орденами и медалями, фронтовики ходили по огромному полю со своими семьями, женами, детьми, искали своих однополчан, друзей, родственников из других сел республики. Обнимались, целовались, вспоминали войну, погибших однополчан, родственников на этой страшной войне, плакали.

Мы маленькие ребятишки бегали друг за другом , играли в футбол, объедались сладостями , смотрели на быстро мчавшихся лошадей под номерами, болели за своих, кричали : «Ура! Наши победили!», когда первой приходила лошадь из нашего села. Победителям вручали кубки и денежные призы. Хозяева победивших лошадей совершали почетный круг.

В суматохе, в беготне быстро пролетал первый день праздника, начинался следующий самый главный праздник нашей Родины – День

Победы, 9 Мая. Рано утром в пять часов просыпались дети и взрослые. Начиналась беготня и суматоха.

Мужчины постарше варили огромных индюков целиком, куски отварной баранины в больших шуанах, готовили лыцIыкIу лыбжьэ.

Женщины варили джэдлыбжьэ, пекли лакумы, пироги (дэлэн) с сыром, с творогом, с картошкой.

Девочки колдовали над салатами, соусами.

Молодые парни на вертелах жарили шашлыки из нежного мяса молодого барашка.

Никто не оставался без дел. Сообща расставляли столы под огромными тутовыми деревьями, стоящими посреди двора, накрывали столы этим богатством.

Ближе к обеду приходили друзья, товарищи, одноклассники, фронтовики из села.

Садились за столы строго по иерархии: сначала старшие потом фронтовики, долго выясняли и спорили, где кому и с кем рядом сидеть за праздничным столом, кому предоставлять право произнести первый тост. Рядом со старшими за отдельными столами рассаживались женщины, молодежь и детишки.

Первым тост произносил Аркадий из Ростова-на-Дону, огромный мужчина, ростом за два метра, однополчанин нашего отца. Он вытащил тяжело раненного, контуженого отца с передовой в 1942 году под Сталинградом, хотя сам был тоже ранен. Лечились вместе в военном госпитале длительное время, стали побратимами, обещали ездить после войны друг к другу. Верили в нашу Победу, хотя до конца войны оставалось еще три года.

Выступали с тостами родственники, зятья , братья, фронтовики, товарищи из села. До поздней ночи не расходились гости, желали друг другу мира, здоровья. Поздравляли нас с Вовой с днем рождения в такой прекрасный день 9 Мая.

А мы маленькие детишки – братишки, сестрички, русские, украинцы, кабардинцы, осетины, ингуши радостно и беззаботно бегали по огромному двору, играли, знакомились друг с другом.

Прошло больше полувека. Мальчики и девочки из далекого детства повзрослели, поседели, у них выросли новые поколения. Для нас всех – молодых и стариков, День Победы остается самым главным праздником в жизни.

Не забыли мы, вспоминаем в этот радостный день 9 мая, веселые, смеющиеся лица, сидящих за праздничным столом наших родителей, братишек и сестричек, родственников, односельчан фронтовиков, однополчан отца, всех героев Великой Отечественной Войны.

9 мая 2016 года **Михаил Карашев**

Посвящаю ребятишкам из села Каншуей

Т Е Л Е Ф О Н

Прибежал, запыхавшийся, соседский мальчик Валера, к нам домой, и сообщил радостную новость: «Сегодня Хамиша будет проводить телефон всем своим друзьям, ребятишкам, живущим, по соседству с ним, в центре села Къуажакlу, вдоль слепого (Klуаклинаф) оврага. Ни у одного из жителей большого села Къаншууей, которое находится в Малой Кабарде (Джилахстеней), где мы ребятишки жили, не только телефона не было, но даже электричества дома не было. Электрификация нашего села в 1953 году даже не начиналась. Нам ребятишкам: Пытате(Володя), Вове (Саладин, Цыкуэ), мне Мише (Володя), Валерику, соседнему мальчугану, включая самого “телефонного мастера” Хамиши, было, примерно, от пяти до шести лет, но не более. Хамиша, живущий через двор, выглядел старше своих лет. Очень умный был мальчик. Научился читать к пяти годам. И первой книжкой у него был не букварь, а книга про радио, как смастерить (собрать) радиоприемник и передатчик (радио). С детства он болел, сильно хромал, и вынужден был все время находиться дома. Вот он от скуки научился читать и собирать радиоприемники. Хамиша показывал нам своим друзьям трофейную немецкую рацию, несколько телефонных трубок к нему, деревянную катушку с телефонным кабелем, которые подарил ему отец фронтовик Шамсадин. Мы все завидовали Хамише, старались ему угодить, проводили с ним время по очереди, не оставляя днем его одного дома, до прихода отца, которым он хвастался, какой он храбрый, и веселый. Показывал нам ордена и медали отца, парадный китель, и кортик с витым клинком, с раздвигающимся лезвием. Сам Шамсадин всегда шутил с нами, много рассказывал про войну, как ходил в разведку, как притащили «языка» -

пленного немецкого офицера, про свои награды, и много интересного из своей жизни на войне. Просил заходить к Хамише в любое время и помогать ему собирать радиоприемники и передатчики.

Через час собрались мы ребятня у Хамиши, раскрутили с деревянной катушки телефонный кабель, разложили на земле провода вдоль слепого оврага. Стали длинными жердями навешивать его на самые высокие ветвки старых акаций, растущих над оврагом, но не смогли, силенок не хватило, нужна была лестница длиной более 6-7 метров, пришлось звать на помощь взрослых. Слепой овраг начинался у нас в конце огорода, в глубине оврага бил родник, вода прозрачная, холодная не замерзала зимой, длина оврага от нас до соединения с оврагом, за огородом Пытаты, где протекала речка Курп, составляла примерно 400 метров, а в месте слияния ручейка, текущего из нашего родника в Кlyaклинафе, с речкой Курп, тоже из-под земли бил – родник, тоже не замерзающий как и первый зимой.

В Кlyaклинафе, по берегам вдоль ручейков, в непроходимых колючих кустарниках из акации, шиповника, гнездились дикие птицы: кулики, утки, гуси, иногда встречались заблудившиеся цапли, важно выхаживающие в ледяной воде, охотившихся на лягушек, змей, жаб, разноцветных ящериц, в обилии водившихся в слепом овраге. Иногда сюда забредали лисицы воровки, любители утиных яиц, и только что вылупившихся утят. Гусей, отважно защищавших свое гнездо и потомство, они избегали, зная, что они получат достойный отпор. Сладкий запах цветущих акаций, шиповника, водяных лилий привлекал миллиарды насекомых, пчел, шмелей, ос, бабочек, комаров и москитов. Здесь в глубоком овраге росли деревья дураки (жыг дела) запах цветов, который наоборот отпугивал насекомых. Из-за обильно растущей крапивы и верблюжьих колючек мы, ребятишки, остерегались лезть в этот недоступный слепой овраг. А если каким – то образом сваливались нечаянно в овраг, то пулей вылетали оттуда, спасаясь от ос, пчел, оводов, комаров и москитов, оцарапанные колючками, обожженные крапивой, ужаленные осами и пчелами, или укушенные муравьями и пауками. Но мы старались не провалиться в овраг, все время были на чеку, близко не подходили к обрыву.

Притащили мы самую большую лестницу, которую нашли в своей округе, къужаку, длиной примерно метров десяти. До того длинная, что мы ребятня сами не могли ее установить вертикально к высоченным вековым деревьям акации, корни которых уходили на всю глубину оврага, где они виднелись в прозрачной воде родника. Пришли на помощь старшие ребята Заур, Ахмед, Султан, Бидона, Петро, Мыщэ, живущие по соседству, они помогли нам установить лестницу, цепляли телефонные провода на самые высокие ветви акации, помогали нам, пришедшие домой на обеденный перерыв, Хажпаго, младший брат моего отца Хазрита, и отец Хамиши, Шамсадин.

Целый день трудились, переставляли лестницу от одного дерева к другому, вешая на них провода, к вечеру все было готово. Поставили телефоны Валереку Хашхожеву, мне, Пытате, а сам передатчик остался у

Хамиши. И начали мы звонить друг другу, сперва поговорили наши родители, хвалили нас, что мы такие умненькие дети, затем разговаривали часами ребятня со всей округой в центре села, приходили даже взрослые со своими детьми живущие в Къужапща, в Къуажака. Несколько дней не было покоя ни нам, ни нашим родителям, был такой ажиотаж в селе, всем было любопытно. Приходили к нам и звонили к нашим соседям, от них к нам. Через недели две – три интерес упал, телефоны замолчали. Через месяц – два мы вернули все телефоны Хамише. Один он сожалел. Что телефоны замолчали, ему было скучно без них. Взамен телефонов, каждому из мальчишек живущих в центре села вдоль слепого оврага установили самодельные телефоны из больших пустых спичечных коробок, к которым провели натянутую до упора толстую нитку от соседа. Разговаривать по нему было нельзя, но механические звуки были слышны. Хамиша научил нас азбуке Морзе, Через месяц мы бегло перестукивались (разговаривали) азбукой Морзе.

Вскоре, через год, в 1954 году, нас всех отвели в школу, в первый класс. Хамиша хоть и не ходил в школу, занимаясь на дому, был начитаннее нас всех вместе взятых. Где-то после 3-4 класса он тоже стал ходить в школу. Учителя всегда ставили нам его в пример, что он такой тихий, скромный, не бегает по коридору на переменах, учится лучше всех. Предсказывали ему, что он будет профессором, академиком, а нам «недоученным баловникам», работу пастуха, а в самом лучшем варианте, работу тракториста или шофера (о которых мы все ребятишки мечтали).

Хамиша, учась в школе, собрал самый мощный передатчик на Северном Кавказе, связывался с радиолюбителями из разных стран мира. Получал награды, и предупреждения, штрафы от милиции. Окончив школу с отличием, Хамиша поступил в университет, на радиотехнический факультет. От предложения остаться преподавателем в университете отказался и вернулся в родное село. В настоящее время преподает радиоэлектронику в университете, живет в Нальчике.

Друзья Хамиши из далекого детства, уехали кто в Москву, кто за границу. У всех свои семьи, своя судьба, у кого счастливая, у кого трагическая. Но мы все помним далекое, счастливое детство в родном селе Каншууей.

15 мая 2016 года. **Михаил Карашев**

Моим братишкам Тимошке и Валерику посвящаю.

И Н Д Е Й Ц Ы

Надоело мелюзге, моим младшим братишкам Валерику, двоюродному братику Лиуану, и соседнему мальчику, тоже Валерику, но Хашхожеву, гонять мяч по двору, играть в футбол против меня, здорового мальчугана девяти лет, старше каждого из них лет на пять, которых он один постоянно обыгрывал с сухим счетом.

Судьей был брат Тимоша, немножко старше мелюзги года на два-три, он в детстве переболел какой-то болезнью, хромал и не мог за ними поспевать. Судья, что только не придумывал, чтобы помочь маленьким ребятишкам, заставлял одевать меня тяжелые отцовские кирзовые сапоги, чтобы я медленнее бегал, а то за мной никто не угонится. В команду ребятишек, играющих против меня, включил дворового пса Цому, путавшегося у меня под ногами, пытаясь отобрать мяч, и громко лающего с оскорбленным видом, когда я забивал его команде очередной гол. В перерыве между таймами, посовещались ребятишки с судьей Тимошей. После перерыва судья объявил, что все голы, которые я забил, не засчитываются, мне подыгрывал пес Цома, результат игры аннулирован, и вынес окончательный вердикт – боевая ничья! Я не стал возражать, чтобы малышня не обиделась. Кто – то из ребятишек предложил сыграть в новую игру «Индейцы».

В стареньком клубе нашего родного села Къаншууей, где не было электричества, один раз в неделю, обычно это было воскресенье, с помощью бензинового движка, дающего ток, умудрялись крутить кино про индейцев. Фильм показывали очень долго, постоянно глох движок, рвалась старая кинолента, склеенная и переклеенная десятки раз. Приходилось досматривать прерванный по техническим причинам фильм через неделю, а если не везло, то и через две-три недели. Вот и решила мелюзга сыграть в индейцев, закончить, как бы досмотреть концовку фильма со своим участием в натуре, а не в клубе. Мне предложили сыграть в фильме роль отрицательного героя, плохого человека, американца, завоевателя. Нарисовал я у себя на лице из черной глины усы, привязал к подбородку из бараньей шерсти острую бороду, как у козла. Накинул на плечи длинный, волочащийся по земле, старый брезентовый плащ, выгоревший на солнцепеке за десятки лет, цвет которого в природе неизвестен. Напялил на голову черную шляпу отца, которую он одевал в двух случаях, когда ходил на похороны, или на свадьбу. На грязные, босые ноги натянул трофейные офицерские кожаные сапоги, вычищенные до блеска, которыми отец всегда хвастался, он их привез с войны. Из-за отсутствия ружья, взамен взял другое оружие, отобранное у малышей индейцев, огромный, выше меня лук из ветки тутового дерева, с длинными, метровыми стрелами. И, я, после всех этих перевоплощений, стал похож на “плохого американца”, из злополучного фильма про индейцев, до того страшного, что при взгляде на меня, у детишек индейцев мурашки бегали по телу, а пес Цома восторженно лаял высказывая симпатии американцу.

Индейцы, Тимоша, Лиуан, и два Валерика, раскрасили свои лица разными цветными красками и черной глиной, украсили свои головы гусиными перьями, которые они вырвали из крыльев недовольних птиц, в большом количестве пасущихся в нашем огромном дворе и огороде. Смастерили из веток акации оружие индейцев – луки, стрелы из стебля конопли, растущей обильно в конце огорода, наконечники стрел вырезали из пустых консервных банок из под кильки, валяющихся на дне Кlуачинафа за огородом, приносимых дождевыми потоками аж из далекого Шадыкъуэ (сухого болота), со стороны Верхнего Малгобека во врем потопов –псыдза, которые повторялись регулярно 1 раз в год – два, и начали играть, доканчивать, досматривать неоконченный фильм про индейцев.

Бедные индейцы, малышня, мелюзга и более старший Тимоша, который к ним примкнул! Они упустили очень важную деталь, не включили в свою новую команду нашего дворового пса Цому, который с умным видом слушал, как мы делились на две команды, и внимательно наблюдал, кто куда побежал и где спрятался. Оставили они Цому в моей команде. А сами попрятались в разных местах нашего подворья, во дворе, в трех больших огородах, два из них принадлежали Хажпаге, младшему брату отца, а третий принадлежал моему отцу Хазриту. У ребятишек, индейцев, было множество тайных мест, уголков, где бы их пришлось искать часами. Кто-то притаился в

овраге, образовавшемуся после ливневых дождей, густо заросших папоротником, баржьей и крапивой.

Кто-то залез в Кlуачинаф в конце большого огорода, и спрятался в непроходимых зарослях акации и жыг дела (дурного дерева). Двор опустел, у старых трухлявых ворот, сколоченных из гнилых досок, стоящих перед нашим двором, остались я – «плохой американец – белый человек» и его «верный волкодав» - Цома, наш дворовой пес, с хитрой улыбающейся мордой, небольшого роста, но толстого, как откормленный кабанчик, которого я видел у моей русской бабушки Елены, живущей в селе Раздольном.

Умнее нашего пса Цомы в Къуажакlу – в центре села Къаншууей не было. В жизни он никогда никого не укусил, ни людей, ни собак, но на территорию нашего двора, на свои владения, он никого не пускал, вставая непреодолимой преградой перед воротами со стороны двора, где калитка болталась на петлях из старого солдатского ремня. Никто не мог преодолеть этот барьер, ни соседи, ни родственники и даже почтальон, пока родители мои не давали добро, команду Цоме проводить во двор, или в дом гостей, которым разрешили войти. Цома сопровождал чужих, как пастух до дома и передавал старшим, те есть моим родителям. Единственный человек, для кого делал исключения Цома, была Гуащлана, юродивая, ее он встречал громким счастливым лаем, целовал (облизывал) ей руки и лицо, начиная от ворот до нашего дома, где ее ждали мы ребятишки и мои родители. Собаки в округе, Цому уважали, не связывались с ним, обходили стороной. Если какая – то собака с другой территории, по незнанию или по глупости, забредала к нам во двор, куда можно было попасть легко, не было капитальной, сплошной ограды, а взамен ее стояли старые деревья акации, и заросли молодых побегов акации, и жыг дела (дурного дерева), то Цома налетал на этого блудного пса, как торпеда и сбивал его с ног, если даже противник был крупнее и выше ростом. Он становился над поверженным противником, обнажал свои огромные коричневые клыки, грозно рычал и не отпускал, пока бедный пес плача и скуля не просил пощады, ошарашенного, непонимающего какая это сила, какая это напасть сбила его с ног, опрокинула и бросила на землю вверх тормашками.

Остались вдвоем, я и Цома. Посмотрели мы друг на друга, и я дал ему команду «Ищи!» И началась война! За секунды Цома нашел первого Индейца, Лиуана, моего двоюродного братика. Вытащил его из кустов первого огорода, Лиуан выстрелил в меня, пустил стрелу, но промахнулся. Ответным выстрелом из своего лука, я подстрелил его, попал ему в бровь. Повезло мне и Лиуану, хорошо, что я не попал ему в глаз, на всю жизнь у него остался шрам в области брови.

Второго индейца братика Валерика, толстенького как наш Цома, песик нашел в пустой дубовой бочке, стоящей перед конюшней, и вытащил его. Валерик первый выпустил стрелу в меня, но тоже промахнулся, как и Лиуан, и стал убегать в Кlуачинаф, я ответным выстрелом из лука, достал его, попав стрелой в самое мягкое место правой ягодицы.

Третий индеец, которого я подстрелил, был брат Тимоша, он прятался в самом надежном месте, в глубоком Кlуачинафе. Цома замер в охотничей стойке над оврагом, поднял правую переднюю лапу и стал громко лаять, мордой показывая, где прячется Тимоша – третий индеец. Тимоша не успел в меня выстрелить, я первый пустил в него стрелу и попал в плечо.

Крики, плач, гам, во дворе. У Лиуана кровь бежит из раны над бровью, ничего не видит, кровь заливает глаза, но не плачет. У Валерика стрела застряла в ягодице, качается, но сама не выходит. Он бегает по двору, орет басом, плачет, но никому не дает вытащить стрелу.

Тимоше повезло, скользнула стрела по плечу, затем по лопатке, только поцарапала, кровь из раны сочится.

А соседский мальчик Валера, четвертый индеец, с перепугу стал убегать к себе домой, я пустил стрелу ему вдогонку, но не попал, застряла она где-то в кустах.

Цома визжит, скулит, пытается помочь плачущим ребятишкам, возмущенно лает на меня, на обидчика его любимцев, индейцев.

Бабушка Фаризат, из-за тучности постоянно проводившая время в постели, и не выходящая из дома самостоятельно без посторонней помощи, каким-то образом, добралась до окна и стала кричать: «Помогите! Что случилось с моими внуками?!». Прибежали соседи, и в это время, в обеденный перерыв, пришла наша мама Катя из школы. Кто-то сообщил Хажпаге, отцу Лиуана, который работал в сельской больнице, в 100 метрах от нашего дома. Хажпаго прибежал из больницы вместе с доктором Артюшей. Доктор стал оказывать помощь пострадавшим индейцам Тимоше, Лиуану и Валерику. Стрелу он у Валерика выдернул из ягодицы, у Лиуана и Тимоши остановил кровотечение. Всех успокоил доктор Артюша, сказал, что это царапины, даже повязки не пришлось накладывать, только обработал йодом. Валерик перестал орать, стал смеяться и рассказывать, как его подстрелил старший брат Миша – «злой американец». А виновник всей этой кутерьмы, злой «американец», то есть я Миша, скрылся в суматохе, бежал позорно, оставив место боя - перестрелки с индейцами.

Прибежал я к тете Хатхан домой, старшей сестре моего отца Хазрита, живущей в Къуажапща хьабла, в метрах 300-400 от нашего дома, и провел там три дня припеваючи, проводя время в играх со своими двоюродными сестричками Хасибат и Людой, и соседскими мальчиками, сыновьями Хамиши Унежева и Былыхъуа Богатырева.

Хатхан, придя домой и обнаружив меня, сразу каким – то образом,сообщила моим родителям, чтобы они не беспокоились, что я у нее дома, чтобы меня никто не трогал, а то могу вгорячах – убежать дальше.

Очень умная была тетя Хатхан. Работала в сельской амбулатории вместе с доктором Артюшей, набралась опыта. Дома у нее, как в операционной было все чисто, посуда блестела, ни одной пылинки на полу и оконных стеклах. Дорожки во дворе были обложены белым камнем, деревья побелены, везде красивые цветы, в огороде ровные грядки овощей, лука, редиса, огурцов, перца, укропа. Даже в коровнике не было никакого запаха,

корова Маша приученная (выдрессированная) к чистоте, мычала, требовала ведро, чтобы не запачкать свое место в стойле.

Через три дня я вернулся домой, где меня ждали братишки, Тимоша, Лиуан и Валерик, они встретили меня с радостью, соскучились. Раны, царапины у них зажили. Они даже забыли про свои ранения. Им нужен был «Заводила», то есть я.

Спасибо доктору Артюше и тете Хатхан, благодаря которым мои родители Хазрит и Катя, и родители Лиуана, Хажпаго и Бабица меня не ругали.

Этот случай оставил неизгладимый след в моей жизни. До сих пор я оправдываюсь перед своими братиками и родственниками за плохой поступок, совершенный в детстве.

А мой двоюродный брат Леонид, на всех торжествах, на встречах с родственниками, со смехом рассказывает всем, как мы в детстве играли в индейцев, и я Миша всех индейцев подстрелил.

20 мая 2016 года. **Михаил Карашев**

Посвящаю одноклассникам из села Каншуей

Ш К О Л А

Построенная в 1938 году сельская школа, одноэтажное, большое, длинное здание, напоминающее солдатскую казарму, стояла посреди моего родного села Каншуей. Во время оккупации немцы приспособили ее под конюшню для своих лошадей.

Оградой вокруг школы служили заросли акации и крапивы, отделяющих школу от саманных домиков, накрытых камышом и соломой. В густых зарослях акации паслись козы со своими козлятами, поедавшие сладкие, цветущие ветки молодой акации, оттачивающие свои острые зубы об твердую кору старых деревьев.

На пыльном пустыре перед школой, единственном ровном месте села, размерами с большое футбольное поле, ребятишки с утра до вечера, с криками и визгами, гоняли футбольный мяч. Футбольные ворота строили из веток акации, или из портфелей и разбросанных на земле одежды учеников. Разбивались на четыре команды, центр села – кхьуажаку, верх села – кхьуажапщэ, конец села – кхьуажакlэ, начало села – гоухьабла, и начинали играть в футбол.

Из этих команд, через несколько лет тренировок, отбирали лучших футболистов в сельскую команду «Жанщархь – острое колесо», которая десятки лет неизменно занимало первое место в районе, неоднократно завоёвывала путевки в высшую лигу нашей Республики, и ее снимали с чемпионата из-за неявки на игры. Футболисты из самого далекого села Каншуей, находившееся на окрайне, на стыке границ трех республик: Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Осетии, не могли попасть на очередной футбольный матч Республиканского Чемпионата за 200-300км. от села Каншуей, из-за отсутствия своего транспорта, автобусного сообщения

между районами, или нехватки бензина по причине бедности нашего колхоза «Серп и молот».

Со дня постройки школы, начиная с 1938 года, бессменным директором был Карежев Каральби Хатагович, герой ВОВ, друг моего отца. Он преподавал историю, затем его перевели работать председателем колхоза по поручению Партбюро села Нижний Курп

Одноклассницы Миши: Женя Арсаева, Алла Гидова, Зоя Губирова, Равида Шорманова, Римма Гидова.

В школе работали мои родители, папа – бывший фронтовик, преподавал военное дело, мама – завуч школы, учительница старших классов, преподавала географию, биологию, зоологию, астрономию. Красивую, Русскую девушку Катю, наш отец привез из Нальчика после войны в 1945г., где они познакомились на курсах учителей в Ленинском Университете. Её приняли на работу в школу, ходила по нашему большому селу и записывала детей в первые классы, познакомилась со всеми сельчанами, двоюродного брата Ауеса она записала под именем Ауэс, заменив букву “Е” на “Э” ,до сих пор он гордится этим именем. Через два – три месяца она стала сносно разговаривать на кабардинском языке, у нее были способности к иностранным языкам. Еще в детстве, до школы, на своей Родине наша мама научилась немецкому языку у своих сверстников, детишек из немецкой колонии “Гладенбурское”, ныне село “Виноградное”. Во время войны, её восьмиклассницу привозили в немецкую комендатуру в село “Виноградное”, заставляли переводить с немецкого на русский, и наоборот. У мамы школьники учились только на хорошо и отлично, если кто то не понимал, то она объясняла на кабардинском, иногда она разрешала нам своим сыночкам, дошколятам, посещать уроки географии, где мы затаив дыхание, не шевелясь, слушали рассказы про знаменитых путешественников, про Миклуху-Маклая, про далекую Австралию.

Прошло более полувека, но мне до сих пор снятся большие корабли, плывущие по океанам на край света. До того увлекся географией, что научился читать самостоятельно в шесть лет.

1953год, школьники , в центре Катя Карашева, завуч школы, моя мама, слева учитель начальных классов Дадова Фарайз, справа подруга мамы, учитель русского языка и литературы Баранова Екатерина, крайний справа я, крайний слева братик Вова.

Со старшеклассниками мама водила и нас малышей в походы, по окрестностям села, по всему руслу речки Курп, начинающееся далеко в лесах Сунженских гор и впадающая в реку Терек. Забирались мы на высокие холмы Сунженских и Терских гор малого Кавказского хребта, добирались до Ингушского леса, что находится за Хурикау. Научила она нас определять стороны света с компасом и без компаса, ориентироваться на местности, ставить палатки, разжигать костры.

Пришло время поступать в школу, меня, семилетнего, и младшего шестилетнего братика Вову, мать привела в первый класс. Я категорически отказывался ходить в школу, заявлял, что я все знаю. Уговорили родители, сказали, что за одной партой со мной будет сидеть младший братик, за ним надо присматривать, он без меня не захочет ходить в школу.

Основным предметом у нас был родной кабардинский язык, учили нас арифметике на кабардинском, а русский язык я знал от мамы Кати. Все три учительницы начальных классов каждый день заставляли нас петь одну и ту же песню про гусей, живших у бабуси. До сих пор смешно, увижу мультик по телевизору про гусей и бабулю, поднимается настроение, вспоминаю школу, одноклассников, одногодников, певших писклявым голосом и подпевающих им басом второгодников, учившихся в каждом классе по два или три года. Самым быстрым чтецом в классе по родному языку был я. Одноклассники все были соседи или родственники друг другу. Маленькие девчушки – первоклассницы, лилипутики, таскали в школу

большие портфели с ручками, учились на пятерки, писали красиво, вели себя тихо, прележно. А мы ребятишки, рослые, крупные, забывали приносить с собой портфели в школу, на уроках баловались, на переменах бегали друг за другом по длинному коридору, учились кое-как, мешали нам вечные второгодники. Одноклассник сосед Пута (Коля, Николай) рассказывает новым поколениям сельской молодежи, шутит, что обычные дети учились в школе десять лет, а его необыкновенного, незаурядного ребенка заставили учиться двадцать лет, по два года в каждом классе, женился в школе, пошел служить в армию из школы.

В здании школы, где учились около трехсот учеников и работали более двадцати взрослых, отсутствовал водопровод, единственный туалет был за пустырем школы, на переменах туда выстраивалась большая очередь из девчушек, а ребятишки успевали сбегать домой или в соседний овраг перед речкой Курп. Электричества в наше село не провели, приходилось занятия заканчивать рано, до наступления темноты.

Зимой школу обогревали печурками, встроенными в стену каждого класса по всему длинному коридору, дров для отопления не хватало, ученики приносили из дому дрова и уголь.

Рядом с парадным входом в школу находился небольшой ботанический сад, где хозяйничала наша мама, проводила практические занятия по биологии и зоологии с учениками. В саду росли фиалки, георгины, ландыши, розы, тюльпаны, ромашки. Зеленели грядки с луком, чесноком, редиской, горохом, фасолью, пшеницей. В центре всей этой красоты был погреб, где жили кролики, над погребом насыпали большую кучу земли, холм, чтобы кролики строили там свои норы. Когда-то мать привезла из Моздока двух кроликов, через несколько лет они расплодились, вырыли они в этой насыпи норы, стало им тесно в маленьком саду, разбежались сотни кроликов по всему селу. Сельчане много лет вылавливали их в своих огородах, охотились на них.

Спортзал в школе только что начали строить, занятия по физкультуре проходили на улице, даже зимой. На краю пустыря находилась спортивная площадка, где мы прыгали в длину, в высоту, лазали по канатам, ходили по бревну, боролись, сталкивая соперника с бревна.

Каждый раз, к праздникам, учеников обязывали собирать и сдавать металлолом. Наша школа была на первом месте по сбору металлолома в районе. За селом проходила линия фронта во время Великой Отечественной Войны. В оврагах, в полузасыпанных траншеях, окопах валялись гильзы из под снарядов, части гусениц танков, разбитые немецкие бронетранспортеры, ржавые лафеты пушек, противотанковые ружья, штыки, каски, пулеметы. Нашим металлолом можно было вооружить целый армейский полк, а мы, ребятишки, дружно тащили все это богатство в школу.

В первых классах мы все мечтали стать пионерами, учили присягу. Запомнилось, как нас принимали в пионеры на торжественной линейке, под гимн нашей Родины, дарили нам красные галстуки и значки пионеров.

После занятий мы, пионеры, бегали по родственникам, соседям и хвастались своими ярко красными галстуками и значками пионеров. Быстро пролетели четыре года учебы в начальной школе. Меня с братиком Вовой и всех девочек одноклассниц наградили почетными грамотами за отличную учебу и «примерное» поведение. На второй год в 4 классе оставляли доучиваться вечных второгодников, некоторые из низ начали к этому времени брить бороду и бегать на свидания к своим бывшим одноклассницам, учившихся теперь в 7-8 классах.

На летние каникулы мы с Вовой уехали отдыхать к своей любимой русской бабушке Елене, и к самому дорогому в мире дедушке Никите в село Раздольное. Впереди меня и Вову ожидала другая жизнь. Надолго разлучила нас судьба, закончилось счастливое детство. Пришлось нам с Вовой жить и взрослеть самостоятельно друг без друга. А пока нас ждали счастливые летние каникулы 1958 года.

Апрель 2016 года. **Михаил Карашев**

Посвящаю ребятишкам одноклассникам
из интерната №8 г. Терека

И Н Т Е Р Н А Т

В 1958 году, к нам в сельскую школу приехал папин товарищ Емкужев М.К., директор восьмилетней школы интерната поселка Терек, ныне город, чтобы отобрать сельских ребятишек, закончивших начальное четырехлетнее образование, в новый, дополнительно формировавший пятый класс интерната. Он встречался с учителями, с учениками, с родителями, рассказывал, объяснял, что у него детишки получат прекрасное образование, будут одеты в красивую интернатскую форму, похожую на офицерскую, всегда будут сыты, кормить будут до отвала пять раз в день, уроки до обеда, после – свободное время, хочешь – играй, ходи на тренировки в спортзал, в библиотеку читать книжки, все домашние задания будут делать под присмотром классного учителя. Двоек ставить не будут, сделают из всех учеников отличников.

До того он заговорил сельчан, что все родители изъявили желание, чтобы их чада, заканчивающие четвертый класс, продолжили учебу в школе интернате.

Но, увы, оказалось, что по разнарядке из нашего села Каншуей в интернат могут поступить всего 3 ученика. Тоже самое и в других селах Малой Кабарды, Аргуданского, Терского и Лескенского районов, где три, где два, где один ученик из села. Получился целый конкурс для поступления в интернат. Родители учеников ходили в сельсовет к председателю Сафарби Богатыреву, просили выбрать только их сыночка или дочурку. В семьях разыгрались целые трагедии, дети плакали,

родители ругались между собой, ругали директора интерната, который взбудоражил все село, взрослых и детей.

Мои папа с мамой тоже захотели, чтобы их первенцы Миша и Вова поступили в интернат, но не смогли уговорить директора, на него давали из Районо, было указано - из одной семьи брать только одного ученика, из села – не более трех ребятишек.

Вова хныкал целую ночь: «Хочу в интернат к дяде Михаилу». Родители мои согласились отдать Вову (Цыку, Саладина) одного в интернат без меня с таким условием, если он откажется от учебы в интернате, не сможет, раздумает, то на его место пойдет учиться старший сыночек Миша.

Впервые разлучили нас с братом, сидевших за одной партой, в одном классе, в одной школе все четыре года начального образования. Уехал Вова в интернат с двумя мальчиками из нашего села – Дадовым Назиром и Туговым Хасанби. Примерно через месяц привозят мои родители Вовочку из интерната домой, погостить на выходные, в красивой ученической форме. Ходит Вова по соседям, по селу, в школу, хвастается. Через два дня настала пора возвращаться в интернат, а Вова упрямиться, плачет, - «Не хочу возвращаться! Мне там не нравится!, ребята обижают меня маленького, дразнятся!»

Посоветовались родители, одели меня в интернатскую форму, и мать отвезла меня в Терек. Директор вызвал классного воспитателя, попросил показать мне интернат, спальню, столовую, класс, познакомить меня с ребятишками. Учителям ничего не говорить, в классном журнале оставить все как есть, фамилию, имя, отчество, оценки, где совпадало все кроме имени Вова, которое за тем исправят в новом журнале за шестой класс, в следующем году.

Учителя и ученики не заметил подмену, кроме учительницы Русского языка Кати Барановой, подруги мамы, работающей когда-то в нашем селе, и еще двух девочек, двоюродных сестричек, обе Риммы Абазовы, успевших подружиться с моим маленьким братиком. Эти сестрички доставали меня все годы учебы в интернате, спрашивали – «Куда пропал Вовочка? Когда он приедет?».

Быстро я освоился на новом месте, через день два я стал своим для всех. Охотно отзывался на имя Вова, в селе меня звали Володя, дома Миша. По народным обычаям детишкам нашего села при рождении давали несколько имен, Вова носил сразу три имени: Цыкуа, Саладин и Вова, такие множественные имена давали новорожденным села Каншуей, чтобы защитить от злого духа, чтобы он не утащил ребенка в Ад, такие имена были и у повзрослевших сельчан, мужчин и женщин: Къан, Кlуша, Быца, Даха, Нашхо.

Познакомился я с лидерами, заводилами класса, Бетрозовым Залимом и Шауцуковым Муссой, рослыми, физически развитыми ребятами. Залим занимался борьбой, а Мусса боксом. Я такой же рослый, крепкий паренек из села нашел общий язык с ними, стали мы трое неразлучными друзьями.

В нашу компанию входили: Шомахов Феликс, братишки Хуштовы, Назир Дадов, Хасанби Тугов. Жили мы в интернате как при коммунизме, все было общее, одевались одинаково, ели, спали, ходили на занятия в спортзал вместе. Кормили нас действительно до отвала, вкусно и сытно. Вечером, перед сном полагался дополнительный ужин: хлеб с маслом, с яблочным джемом и горячим сладким чаем. Ключи буфетчица оставляла только нам троим друзьям, доверяла заходить в буфет, чтобы мы через окошечко выдавали «Дополнительный паёк» нашим одноклассникам. Залим и Мусса все время тыркали, толкали друг друга, спорили, кто сильнее, но до драк дело не доходило. Выясняли отношения в спортзале, на футбольном поле интерната. Класс разделялся на две команды, команда Залима из сельских ребятишек, и команда Муссы из Терека, играли до упаду, один день побеждала команда Муссы, на другой день команда Залима.

На каникулах нас отправляли домой к родителям, ни автобус, ни легковая машина, даже грузовик, не смогли бы проехать по нашим грунтовым дорогам, разбитым, размякшим от постоянных осенних дождей, превратившееся в непроходимые болота. Один вид транспорта мог проехать по этой дороге, это трактор, он и был у интерната, на нем нас детишек развозили по селам района. Сажали нас в прицеп трактора и в сопровождении двух учителей отправляли по домам. Незабываемые яркие времена нашего детства, мы кричащие, орущие веселые песни тех далеких времен, за час – два незаметно доезжали до своих сел: Каншуей, Инаркой, Исламей, Тамбовку, Акбаш, Белоглинку. Дома скучали по своим друзьям одноклассникам, хотели чтобы поскорее закончились каникулы, и вернуться в свой родной интернат.

Учились мы в интернате на перегонки с друг другом, жадно впитывая в себя академические знания, которые мы не смогли бы получить никогда в сельской школе. Наши учителя буквально разжовывали и клали нам в рот теоремы и законы по математике, физике, геометрии, химии. Основу всех знаний я получил в интернате, никогда я не жалел, что уехал в детстве из села в интернат. Домашние задания мы делали сразу после обеда под присмотром классного учителя, за один – полтора часа, кто решит быстрее – тот свободен, может уходить в спортзал, библиотеку. Обычно мы все убегали в спортзал играть в волейбол, баскетбол, девчушки не отставали от нас, наравне и даже лучше нас играли.

К девочкам мы относились как к своим сестричкам, никогда не обижали, защищали от мальчишек школы №1, стоящей напротив интерната. Только в восьмом классе мы начали обращать на них внимание, что они особенные, красивые, пухленькие и стали дружить с ними.

В интернате у нас была своя земля, поле, которое находились примерно в одном киллометре от Терека. Мы с нетерпением ждали выходного дня, свободного от занятий, чтобы пойти в поход на свое интернатское поле. Шли мы с рюкзаками полными еды и воды, по тропинке, тянущейся вдоль железной дороги, уходящей далеко за горизонт. Мимо нас проносились пассажирские поезда, Москва – Баку, Москва –

Ереван, с красивыми, новыми голубыми вагонами, из которых нам махали детишки. Медленно с грохотом тянулись длинные грузовые поезда, с бесконечной цепочкой цистерн, залитых бензином и нефтью.

На разбитых ровными квадратикми ухоженного поля интерната, росли огурцы, помидоры, морковь, лук, капуста, тыква, арбузы и дыни. Мы с удовольствием ухаживали за нашим богатством, ни одной сорной травы на всем поле не было, собирали созревший урожай.

Возвращались домой в интернат, ни капельки не уставшие, веселые, запотевшие, с шутками, приносили с собой свежие овощи и зелень в столовую интерната.

Как один миг пролетели годы учебы в интернате, пришло время расставаться с одноклассниками, друзьями, товарищами, учителями, с плачущими девочками в красивых, нарядных платьицах, уходящих навсегда в никуда в сопровождении своих мамаш.

Мальчики из сел уезжали доучиваться в свои родные школы, Бетрозов Залим в Нальчик, Тугов Хасанби и Дадов Назир в Каншууей. А я с Шауцуковым Муссой и с ребятами из Терека, закончившие учебу в интернате, поступил в девятый класс Терской вечерней школы городской молодежи, находившейся напротив интерната через дорогу.

В вечерней школе учился легко, помогли знания, полученные в интернате. Учительница по Русскому языку и литературы удивлялась, откуда мальчик из далекого села так хорошо знает ее предметы?

После окончания девятого класса вечерней школы, по направлению военкомата шесть месяцев учился в автошколе. Закончил автошколу продолжил учебу в десятом классе вечерней школы в Тереке. В 1963 – 1965 годах проводились очередные реформы по образованию, десятилетки переводили в одиннадцелетки, затем обратно переводили в десятые классы. Чтобы не терять целый год, я под новый 1965 год вернулся в родное село Каншууей, сдал экстерном экзамены за десятый класс, поступил в последний выпускной класс Нижне-Курпской вечерней школы сельской молодежи. До сих пор мне не понятно, какой класс вечерней школы в селе я заканчивал, десятый или одиннадцатый? В аттестате о среднем образовании написано, что я закончил полный курс вечерней школы сельской молодежи в селении Нижний Курп.

Навсегда в памяти моей остались молодые, красивые лица одноклассников и одноклассниц из интерната, лица вежливых, строгих учителей. Щемит сердце, скучаю по интернату из далекого детства.

Апрель 2016 года. **Михаил Карашев**

Г О Н Е Ц

Посвящается Анатолию Дзушковичу Карашеву, близкому родственнику, дорогому другу из далёкого детства.

После окончания шестого класса, в 1960 году я приехал в родное село Каншууей, к своим родителям на летние каникулы из города Терека, где я учился в интернате. Целыми днями гулял по окрестностям села, косил зеленную травку, растущую по берегам речки Курп для гусят и телят. Читал. Отдыхал. Скучал по одноклассникам из интерната. С бывшими сельскими одноклассниками, с которыми я учился в первых четырех классах начальной школы, было неинтересно проводить время.

Однажды прибежала к нам Налифка, младшая дочь Альбека и Даухан Карашевых, сообщила: «Прибыл гонец из далёкого села Урух с важной новостью. Мать просит чтобы я срочно пришел к ним, что нужна моя помощь». Тётя Даухан дружила с моей русской мамой Катей, помогала ей воспитывать нас, целую ораву малышей, пятерых сыновей Хазрита, которые считали её второй мамой, и очень любили её. Проголодавшись, не дождавшись мамы, которая преподавала в нашей сельской школе, работая работая в две смены, с утра до вечера, мы ходили к ней домой по несколько раз в день, чтобы перекусить что – нибудь вкусненькое, как гусята, идущие друг за другом цепочкой на речку Курп, пощипать вкусной, нежной зеленой травки. Жила тётя Даухан от нас в метрах 400, в начале Гуоухьэблэ, прибежал я к ней. В доме Даухан и Альбека был большой переполох, собрались соседи, все громко говорили, пытались перекричать друг друга, мужчины ловили курей, гуляющих по двору, и передавали на кухню на гедлибжэ, одни женщины пекли лакумы, другие готовили

гедлибжэ, третие мешали пасту, варившуюся в большом чуане. Атмосфера стояла праздничная.

Тётя Даухан познакомила меня с гонцом – пареньком моего возраста, из села Урух, моим родственником Толей Карашевым, который прибыл с радостной вестью: «Вышла замуж Радиска (Рая), старшая дочь Альбека и Даухан, гостившая у родственников в Урухе. Свадьба состоится в ближайшую субботу, и ему поручено привезти уэсlых, показать дорогу к дому жениха». На сборы и подготовку к свадьбе оставалось всего два дня, на третий день к вечеру уэсlых должен был приехать в Урух.

Толя, как двойной агент, одновременно служил родственникам невесты по отцовской линии, и родственникам жениха по материнской линии. Он сразу понравился мне, симпатичный, смуглый, с густыми бровями, с черными как уголь волосами, спокойный, рассудительный паренек, полная противоположность меня, светлого, с рыжими волосами, конопатого, шустрого, горячего паренька. Он, как и я, только что окончил шестой класс, выглядел старше меня. Через пять минут мы подружились, знали все друг о друге, он рассказал мне, что сегодня встал рано утром на рассвете, и пешком через Эльхотово, Плановоское, Акбаш, к обеду добрался из Уруха до нашего села Каншууэй. Никто его не подвозил, автобусы в те времена не ходили по данному маршруту, а попутные машины не останавливались.

Тётя Даухан поручила мне и Толе сегодня к вечеру – в четверг, добраться до нижнего Малгобека, и пригласить её дядю и родственников на уэсlых в Урух.

Срочно был составлен список родственников из нашего села Каншууэй, Терека, Уруха, Нижнего Малгобека, которые должны были поехать на свадьбу в составе уэсlых, в этот список попали Толэ и я.

Накормила нас тётя Даухан перед дорогой, проинструктировала, кого надо найти в Малгобеке, что говорить, как себя вести, чтобы соблюдали Адыгэ Хабзэ, не объедаться, никаких напитков кроме калмыцкого чая не пить. Разрешила на ночь остаться в гостях у родственников в Малгобеке, а утром явиться до 9 часов в Каншууэй и доложить о выполнении важного поручения.

Вооружились мы с Толей тяжелыми палками - дубинками из веток акации и тутовника, чтобы отбиваться от злых сельских собак и огромных волкодавов – чабанов, пасущих стада овец на склонах высоких холмов, стоящим между Малгобеком и Каншууэй. И двинулись мы по главной дороге, идущей по центру нашего села в сторону Малгобека. Каким – то чутьём собаки нашего села чувствовали чужака – гонца из другого села, встречали громким лаем на своих границах – территориях, и замолкали как только мы переходили на другую территорию, принадлежащую другой собаке, но ни одна не подходила близко, видя, что мы вооружены тяжелыми палками – дубинками. И мы сами не боялись, зная повадки наших сельских собак. Быстро мы прошли по нашему длинному селу, и вышли на окраину (за околицу). Очень красивая картина предстала перед

нами, высокие холмы, покрытые шатром зеленой травы, внизу речка Курп, с высокими обрывистыми берегами, пасущихся вдалеке на холмах стада коров и овец, выглядевшие размером с букашку. Отдохнув минут 10 на зеленой мягкой травке возле двух памятников, стоящих недалеко за селом, на которых были какие – то знаки и буквы на непонятном языке, мы двинулись в путь. Дорога от нашего села дальше шла вниз под уклон до старого деревянного моста, проложенной над речкой Курп, между двух её высоких берегов. От моста дорога делала небольшой подъем, холмы справа поворачивались на восток, а слева они заканчивались, дальше дорога шла по открытому ровному полю, между пшеничными кукурузными полями. Впереди в нескольких километров виднелся Нижний Малгобек, с маленькими белыми домиками, и водонапорная башня, стоящая на краю села. От моста до Малгобека добрались мы минут через сорок. Нашли родственников Даухан. Для них было приятным сюрпризом появление двух парнишек, одного из соседнего села Каншууей, и другого из далёкого Уруха.

Быстро накрыли стол, пригласили старшим соседа – старика, бывшего навеселе, он отмечал день рождения внука, и никак не мог понять, кто мы, откуда, с какой целью мы приехали? Старший постоянно поднимал тосты за нас, и через минут двадцать – тридцать уснул за столом. Пригласили другого старшего, жившего по соседству, видимо он тоже отмечал день рождения с первым старшим, надолго его тоже не хватило, извинился, вышел и исчез. Мы с Толей из напитков кроме сладкого лимонада не принимали. Наши родственники не стали приглашать третьего старшего, сказали, что от него толку не будет, он тоже отмечал день рождение вместе с двумя первыми. Быстро и весело прошло время. Решили все вопросы с родственниками, кто поедет на свадьбу. Был третий час ночи когда мы легли спать. Через три часа мы были на ногах, бодрые, веселые. Позавтракав, тронулись домой, без всяких усилий и приключений к восьми часам добрались до дома моих родителей. Познакомил Толю с ними, с моими братишками, опять позавтракали и вернулись к тётушке Даухан в назначенное время, в 9 часов утра. Отчитались о выполнения поручения, и пошли гулять по окрестностям села Каншууей, где я показывал гонцу наши достопримечательности, речку Курп, водокачку, клуб, мельницу – пароход, сельскую больницу, школу, и конечно слепой овраг, за нашим двором.

На другой день, в субботу, около трех часов дня, собрались все которым предстояло поехать на уэсlых, в далёкий Урух. Приехал Гидов Саладин, на большом Зисе, военном грузовике с высокими бортами из досок, единственной машине в колхозе, оборудованной для перевозки людей. Посадили всех нас, больше 30 человек в кузов, и поехали мы на свадьбу через Верхний Курп, Акбаш, Белоглинку, Плановское, Эльхотово, Змейское, а потом добрались до Уруха.

Саладин, гонявший свою машину с бешенной скоростью, виновник всех ссор и драк в нашем селе, на этот раз вёз нас бережно, хотя мы все требовали от него быстрее, быстрее, издевались над ним, говорили что на

ишаке и то быстрее, чем на его машине. Но Саладин не обращал на нас никакого внимания, ехал медленно и плавно, со скоростью не выше 20 – 30 км. Добрались мы до Уруха где-то к семи часам вечера. Нас ждали многочисленные гости свадьбы, встречали громко играющей гормоникой, танцами молодых девушек и парней. Завели в дом жениха, посадили за праздничный стол в отдельных комнатах старших мужчин и молодых парней. А нам с Толей мест со взрослыми не нашлось, не полагалось по нашим обычаям, за то нас пригласили на кухню, где накормили до отвала.

Пошли мы с Толей гулять на берег бурной реки Урух. Далеко до неё было нашей мелководной речке Курп. В темноте был слышен поток огромной массы текущей реки. Вскоре подошли одноклассники, друзья Толи, с которыми я познакомился. Они все смотрели на меня будто я с другой планеты, плохо знали Русский язык, а я рассказывал только на Русском, увлеченно врал, веселил их придуманными байками. Слушали ребята меня из Уруха с открытыми ртами. Не понравился я одному, что я из Малой Кабарды, из Джиляхстаней, где его обидели, когда он ездил в Плановское на уэсlых, как и я сюда в Урух. Заставили сельские ребята залезть его на тутовое дерево в темноте, чтоб он попробовал ягод вишни, которые никогда на нём не росли, а потом смеялись над ним, спрашивали: «Не хочешь Балий мыхъу?» (не спелых ягод вишни). Вот он и решил отыграться на мне, сбегал на кухню, принёс горячих пирожков с картошкой и творогом, и начал угощать нас, в темноте, прямо на берегу реки Урух. Спросил меня: «Какие пирожки нравятся, с картошкой или творогом?», я ответил: «С творогом». Он дал мне пухлый, горячий, ароматный пирожок, я быстро надкусил его и начал жевать. Будто огонь вспыхнул у меня во рту, все горело, язык одеревенел, не хватало воздуха, я только мычал. Толя быстро схватил оставшуюся половину пирожка, и погнался за убегающим мальчиком. Оказалось, что тот принёс пирожок заправленный острым, красным стручковым перцем. Пришлось мне спасаться, окунал голову в воду текущей реки, ладонью набирал холодную воду и полоскал рот. Толя сбегал на кухню и принёс подсолнечного масла. Он рассказал, что наказал этого мальчика, заставил его съесть оставшуюся половину пирожка, и прогнал домой. Около двенадцати часов ночи, наш уэсlых начал собираться домой, вызвали меня с Толей к старшим в дом, и подарили каждому из нас специальную ленту – накидку с нашитыми на ней разными безделушками, маленькими круглыми зеркалами, мылом, духами, носками, платочками, расческами. Дали мне с Толей по три рубля, в то время это была большая сумма, можно было купить красивый костюм.

Провожали нас долго, никак не могли выехать со двора, танцевали, обнимались, прощались с новыми родственниками. Наконец, где то около трёх часов ночи выбрались из Уруха. Ехали домой еще медленнее, захмелевшие мужчины каждые полчаса требовали остановить грузовик. К утру добрались до своего родного села Каншууей, обожженный язык горел, голова гудела, несколько дней мать готовила для меня манную кашу и супы, хлеб и другую твёрдую пищу не мог есть. Через неделю всё пришло в

норму. Толю после этой свадьбы, которую я вынуждено запомнил на всю жизнь, не видел около тридцати лет. Встретились на трассе за Аргуданом в автомастерской, куда я подъехал починить колёса, где они работали с сыном. Мы сразу узнали друг друга, обнялись, вспомнили свадьбу. Одновременно сказали, я и он: «Пирожок с творогом попробовать хочешь?», а я: «Балий мыхъу хочешь?». Смеялись долго. Обменялись адресами и телефонами, он как и я давно перебрался в Нальчик, но мы не знали об этом.

Встречаемся часто, звоним почти каждый день друг другу, ходим на свадьбы наших детей. Не забываем далекое, счастливое детство, когда нам было ровно по 13 лет.

Михаил Карашев **23 января 2017г.**

Дорогому другу юности,
Анатолию Жиляеву посвящаю.

А В Т О Ш К О Л А

Маленький поселок Муртазово-Терек летом 1964 года был засыпан белым нежным пухом высоких тополей, растущих вдоль широких улиц Ленина, Пушкина, Кабардинская. Спастись от солнечного зноя и утолить жажду можно было только в единственной столовой поселка , стоящей между старым автовокзалом и большим парком, на пересечении улиц Ленина и Пушкина.

В прокуренном зале столовой, набитой битком посетителями, с раннего утра до поздней ночи продавали ледяной лимонад и холодное пиво, по заказу быстро жарили дешёвые терские шницеля размерами с большую тарелку. Троюродный брат Быля (Зулимби) по секрету мне говорил, что эти шницеля готовят из мяса диких животных, или из мяса безхозных ишаков, бродящих днем по маленькому поселку, а ночью отдыхающих в зеленых кустах парка возле столовой. Одно могу сказать, что таких вкусных шницелей в жизни я нигде больше не ел.

Приехал я в Муртазово с одной целью - поступить в автошколу пока длятся школьные летние каникулы и получить права до начала занятий в вечерней школе. В автошколу набирали по достижении 17 лет. А мне только исполнилось 16 лет две недели назад, 9 мая. На руках у меня была справка из Сельского Совета Каншууей, где было указано Ф.И.О., год рождения 1946, добавили один год , изменили дату рождения 9 мая на 10

мая, что я работаю в колхозе «Серп и Молот» трактористом, а им нужен водитель грузовой машины. В то далекое время паспортов сельчанам не полагалось, не выдавали, чтобы не разбежались, оставались трудиться в своем родном колхозе, на малой Родине, где работы всегда было полно, денег не платили, рассчитывались с колхозниками трудоднями. Спасало сельчан свое домашнее хозяйство, от которого имели хоть какой-то доход, а то добирались бы в районный центр пешком.

С этой справкой я зашел в районный военкомат, где меня впервые поставили на военный учет, записали неправильную дату рождения, 10 мая 1946 года. Военкомат выдал мне направление в автошколу, где указывалось, что им нужен для армии водитель военного грузовика.

Нашел автошколу на окарине поселка, на самой последней улице - улице Луговая, сдал документы в канцелярию. Понравился я работникам автошколы, выглядел старше своего возраста, мужественнее, говорил на чисто русском языке, кратко, внятно. Поговорил заведующий учебной частью со мной и назначил старостой в классе курсантов, им нужен был грамотный курсант, который заполнял бы журнал посещений занятий курсантами автошколы. Совпало сразу четыре желания: моё, сельского совета, военкомата и автошколы, зачислили меня 22 мая 1964 года в автошколу без проблем на шестимесячные курсы водителей – шоферов профессионалов.

После окончания интерната, в село я не вернулся, продолжил учебу в вечерней школе. Жил я на улице Калмыкова недалеко от железнодорожного вокзала «Муртазово» у своих родственников –дедушки Джамала и бабушки Гуащажан. Посоветовал мне дедушка Джамал после окончания мной девятого класса не болтаться по улицам на летних каникулах, а закончить автошколу, получить права на вождение автомобиля и мотороллера, устроиться на работу на завод алмазных инструментов для получения трудового стажа, необходимого для поступления в институт. На заводе платят хорошо , буду иметь свои карманные деньги и продолжу учебу в вечерней школе. Уговорил дедушка меня, загорелся я желанием работать, накапливать трудовой стаж, учиться на отлично в школе, чтобы осуществить мечту детства - стать хирургом.

Взрослые дети дедушки: Соня, Ахмед и Роза жили со своими семьями отдельно, с ним оставались десятиклассница Азима и двадцати летний сын Быля (Зулимби) - инвалид с одной ногой, работающий в домашнем хозяйстве. Быля потерял одну ногу в детстве, рассказывал, что доктора отрезали ему загноившуюся ногу, чтобы спасти ему жизнь, но и с одной ногой он справлялся с любой работой, лучше, чем несколько здоровых

парней. Высокий, красивый, веселый парень, Быля все время шутил, смешил нас. Ездил на свидание на велосипеде в станицу Александровское за 10 километров от дома. До того он был физически развит, что на одной ноге, с одним костылем мог пробежать стометровку быстрее, чем мы – молодые парни. Быле нужен был помощник, молодой здоровый парень, чтобы плести сетку для ограды из металлической проволоки. За десять лет до меня, у дедушки жили и отрабатывали честно свой хлеб мои троюродные братья из села Каншууей - Хасан и Ауэс, я так же как и они, крутил я барабан с проволокой, а Быля направлял звенья проволоки, плёл металлическую сетку, секунд через десять получалась одна секция шириной двадцать сантиметров, норма была двадцать пять метров сетки в день. Поработал один – два часа, сделал норму, отдыхай, учись днями в автошколе, вечерами в вечерней школе, работай на заводе, перевыполнил норму – получай деньги за сверхурочную работу.

Быля опекал меня, хвалил, тайком от дедушки давал деньги на карманные расходы, боялся потерять такого сильного, ловкого помощника. Специально договорился с соседкой школьницей, пухленькой, круглолицей, с курносым носиком, беленькой, красивой девчушкой, чтобы она меня завлекла. Бегал я все лето за ней, днем и ночью, пока учился в автошколе и даже учась в десятом классе вечерней школы, встречал из школы, провожал, водил в кино, в парк, на озеро купаться. Мои родственники ни на шутку перепугались вдруг малолетние поженятся и заведут своих детишек. Сообщили моим родителям в село, приехала моя мать Катя, решили на общем совете, что мне надо заканчивать школу, поступать в институт, а с глупостями надо завязывать. Как всегда в это время, проводили очередную реформу образования, переводили десятые классы в одиннадцатые и меня уговорили вернуться в родное село заканчивать экстерном вечернюю школу, чтобы выгадать один год. Будто пелена упала с глаз, перестал бегать по ночам на свидание, встречался с соседкой только днем и то не каждый день.

В автошколе по теории, механике, правилам движения учился лучше всех, на отлично, знания схватывал на лету. Ребята из сёл района, даже из поселка Муртазово, старше меня на 2 – 3 года, готовившееся к службе в армии, с трудом разговаривающие на русском языке, просили объяснить как работает двигатель внутреннего сгорания, я у них был авторитетом, слушались меня как старосту группы.

Практические занятия по вождению проходили на ровном, огромном зеленом поле между селом Дейское и поселком Муртазово. На занятиях по вождению случайно попал в кабину к инструктору, в паре с Жиляевым

Толей (Анатолием). Он управлял автомобилем лучше инструктора, я многому научился за эти шесть месяцев у него. После службы в армии, Толя женился на моей односельчанке – Кажаевой Томе, все 50 лет прошедшие после автошколы, мы встречаемся в Нальчике и в моем родном селе Каншуей, куда он приезжает к родственникам супруги. За Толей, здоровым, сильным парнем с огромными глазами, похожего на марсианина, бегали все девчонки живущие на улице Луговая, рядом с автошколой. Любыми путями девочки хотели познакомиться с Толей, красивым парнем, приносили нам ребятам билеты в кино, лишь бы мы приводили с собой Толю, но он не обращал на них внимание.

Однажды Толя пригласил курсантов посмотреть соревнования команд Северного Кавказа по борьбе на поясах, проходивших в кинотеатре парка культуры в Тереке (Муртазово). Откуда он узнал про соревнования, что он тогда задумал, до сих пор не ясно. Здоровые парни весом больше 100 кг, ухватившие за пояса соперников, кидали друг-друга как пушинку через себя на борцовский ковер, клали на лопатки. Борьба на поясах напоминала борьбу по вольной борьбе, которой я занимался в интернате, только одно было правило, пояс соперника не выпускать из рук, все приемы проводить через этот пояс. Приглашали всех желающих из зала поучаствовать в соревнованиях, взамен быстро выбивающих из турнира, побежденных борцов. Когда на арене остался один борец из Адыгеи, победивший всех, объявили: «Есть в зале смельчаки, которые могут побороться с победителем?». Мы вытолкали сопротивляющегося Толю на ковер, его быстро переодели в борцовское трико за кулисами. Вышел он в трико, и зал ахнул, увидев парня с буграми мышц на спине, на руках, широкой грудью. Все стали болеть за Толю, хлопать, кричать: «Толя, Толя!». Позже он рассказывал нам, что борьбой никогда в жизни не занимался, увлекался только штангой в школе. За несколько секунд Толя перекинул ошемленного соперника через себя и уложил на лопатки. Судья не засчитал поражение именитому спортсмену, чемпиону Кавказа, мастеру спорта, объяснил что были нарушены правила, пояс во время проведения приема был выпущен из рук, недовольные зрители зала свистели, орали: «Победу Толе!». Судья продолжил схватку, Толя снова и снова за секунды укладывал противника на ковер. Пришлось Судье и его помощникам признать победу на турнире неизвестного им парня из села Больтэй. Объявили, что Толя стал чемпионом Северного Кавказа, что ему присваевается звание мастер спорта по народной борьбе на поясах, награждается кубком, грамотой и денежным призом, и его приглашают на всесоюзные соревнования.

В автошколе у меня был и второй друг – Алкашев Хамзет (Хамзат), полная противоположность Толе, тихий, худенький паренек, живущий недалеко от автошколы, среднюю школу он окончил, в армию не взяли, в институт с первого раза не смог поступить, рос без отца, воспитывала его одна мама, которая считала своего избалованного, великовозрастного сыночка двадцати лет, еще ребенком. Хамзет все время опаздывал на уроки, не кому было его разбудить, мама уходила рано на работу, все шесть месяцев учебы, по пути в автошколу, я заходил к Хамзету, будил и приводил на занятия. Хамзет был умнее всех нас курсантов, настоящий философ, как-то я зашел с ним к бывшему односельчанину Дадову Сигатгери, моему родственнику по бабушкиной линии, переехавшего в Терек со своей семьей, на улицу Луговая, рядом с автошколой, чтобы передать посылку из села. Дома была только дочурка Нина, познакомил Хамзета с ней. Хамзет окончил университет стал бизнесменом, а Нина окончила медицинское училище и стала медсестрой, поженились они. При встречах всегда благодарили меня что я их познакомил…

В автошколе обучали нас вождению в ночное время, до утра ездили по селам района, возили нас в верхний Акбаш, где мы учились спускаться и подыматься по опасным склонам, на огромных военных грузовиках «ЗИС» переезжали через реку Терек. Ездили за Нальчик в дальнее село Каменомосткое за Туфом. Участвовали в соревнованиях, проводимыми ДОСАФ между курсантами автошкол республики, где Толя, Хамзет, я, и курсант Кирин из села Тамбовка получили третий спортивный разряд. Через шесть месяцев, мы все были готовы к службе в армии, нам выдали права водителей, шоферов, профессионалов.

В декабре 1964 г. после окончания автошколы, проучившись в десятом классе вечерней школы четыре месяца, уехал в родное село Каншуей. Работал помощником водителя, через несколько месяцев водителем грузовой машины. Вечерами ходил на занятия в последний выпускной класс вечерней школы сельской молодежи. Никогда не уставал, чем больше работал и учился, тем активнее становился, до сих пор мои дети и внуки не могут меня догнать, я иду впереди, они плетутся за мной.

Приходил в дневную школу к своим друзьям, одноклассникам, учившиеся со мной в первых классах, а сейчас в выпускных, десятом и одиннадцатых классах. Участвовал в олимпиадах по физике, химии, биологии, математике, и без всякой подготовки побеждал на них, чем огорчал дневных учителей. Все же большая разница была в то время между сельским образованием и городским. На одной из олимпиад, случайно толкнул впереди стоящую девочку, извинился, познакомился с ней, с

восьмиклассницой Заримой, с будущей спутницей моей жизни, худенькой, стройной как тростинка, с кучерявыми длинными косами, очень красивой девочкой, красивее всех девушек из нашего села и поселка Муртазово. Дружил с ней до окончания школы. Хвалили мои родители тихую, скромную, спокойную девочку Зариму, старшую дочурку друга отца, фронтовика Богатырева Сафарби, одобряли мой выбор.

В 1965 году выпускным классом в нашей школе был всего один класс – последний класс школы сельской молодежи. Один я, закончив вечернюю школу, опередив всех на целый год уехал из села поступать в медицинский институт, остальные взрослые выпускники, трактористы, комбайнеры и доярки остались со своими женами, мужьями, детьми жить и работать в родном селе. А моим ровесникам, одноклассникам по начальной школе, пришлось продолжить учебу и ждать выпускных экзаменов целый год.

Навсегда я оставил свое родное село, родителей, братишек, началась моя взрослая жизнь, полная неожиданностей и ярких впечатлений.

Апрель 2016 года. **Михаил Карашев.**

МОЯ КУЧЕРЯВАЯ

В детстве мы, шестеро братишек, озорников ребятишек, не обращали внимания на то, что у нас нет ни одной сестренки, радовались каждый раз, когда мама мечтавшая о маленькой дочурке, дарила нам очередного братика. Повзрослев, я понял, что нам, братишкам, не повезло, как двоюродному брату, у которого было аж пять сестренок, многое мы потеряли, когда росли без сестренки. У меня тоже не было дочерей, хотя супруга моя всегда тоже мечтала о малышке дочурке. И когда двадцать лет назад, февральской зимой появилась первая внучка, мир для меня засверкал в ярких красках приближающейся весны. Малышка беленькая, пухленькая, с густыми светло-каштановыми волосами, с большими зелеными с синими крапинками широко открытыми удивленными глазками.

Алина внимательно наблюдала за всем происходившим в новом огромном для неё мире. Никогда не плакала, лежала спокойно, начинала гукать, когда была голодна.

Месяца через два стала различать, кто свой, кто чужой. Увидев меня, улыбалась радостно, махала ручками, просилась на руки. Росла быстро, как

на дрожжах, в возрасте 10 месяцев выглядела как двухлетний ребенок. Постоянно что то лепетала. Неожиданно для всех заговорила к семи месяцам. Где то в одиннадцать месяцев встала на ножки и начала ходить самостоятельно, увидев меня побежала ко мне быстро мелкими шажками, радостно крича: «Дада! Дада! Посмотри!».

В три года рисовала, читала стихи, ростом была как пятилетняя. Очень любила меня, своего Даду. На вопросы родителей и родственников: «Кто самый красивый и самый кучерявый?» Она отвечала: «Моя Дада самая красивая и кучерявая!». Сердилась на всех когда её пытались переубедить, что это нана её самая красивая и кучерявая, а не дада. Кричала: «Дада? Дада! Моя кучерявая!». Все смеялись. Начиная примерно с 8-9 месяцев и до трех лет ночевала только у дады и наны. Однажды согласившись остаться ночевать у родителей, которые жили на другом конце города, вдруг проснувшись ночью, потребовала «свою кучерявую даду». Пришлось ночью её забирать от родителей. Алинка не хотела засыпать, пока её «кучерявая дада» не споёт её любимую песенку. Целая проблема была, когда дада был на дежурстве или в командировке. Приходилось нане или её родителям петь эту песенку, как на старой долгоиграющей заезженной пластинке. Возмущалась, что поют не так, требовала, что бы пели как её «Дада кучерявая»:

«Алинка, малинка моя,

В саду ягодка росла,

Красавицей она была,

Не плакала малышка никогда,

Крепко по ночам спала …»

И так в разных вариациях пели ей песню, пока она не засыпала.

Так продолжалось почти до четырех лет, пока она не поняла, кто есть кто, кто родители, а кто дада и нана, и стала оставаться на ночь у своих счастливых родителей, которые ревновали её к нам и ждали свою маленькую дочурку так долго.

Каждый год, начиная с 1.5 лет Алина ездила с дадой и наной на Черное море. Не боялась, бегала и барахталась в маленьких волнах, барашках-гребешках, накатывающих на песчаный берег теплого моря. Возвращаясь домой, она долго вспоминала и рассказывала своим родителям о самом красивом море, о ракушках, которые её «кучерявый дада» доставал со дна

черного моря, ныряя в волнах далеко от берега. Волнуясь за своего «любимую кучерявую даду» кричала: «Дада! Дада! Вернись, не надо мне ракушек!». Целыми часами строила песчаные замки, собирала разноцветные камешки, тащила их с собой домой, в лагерь где мы отдыхали, каждый раз плакала, не хотела уходить с моря. Рано утром просыпалась и сразу требовала: «Море! Море! Хочу море!»

Мы души не чаяли в своей маленькой внучке, выполняли все её желания. Летними вечерами ходили в аэропорт, где мы жили недалеко от него, встречая вечерние самолёты, появляющиеся с мигающими звездами далеко в темном небе и садящиеся под лучами ярко светящихся прожекторов аэродрома. Увидев первой подлетающий самолет, она кричала: «Самолёт! Самолет! Летит!» каждую субботу, воскресенье ходили с ней в зоопарк. Целую неделю она готовилась, собирала сладости, печенье, бублики, что бы покормить своих любимых животных, маленьких ягнят, козлят, обезьянок, лошадок и верблюжат. Как то ночью она проснулась и попросила отвести её на речку, где она гуляла днем с нами, не засыпала, капризничала. Пришлось выполнять её очередное желание. Захватила она свой красивый, любимый резиновый мячик и поехали мы на речку. По пути всё спрашивала: «А можно я кину с мостика свой мячик?». Видимо ей приснился сон, что она кидает свой мячик в речку и он плывет в далекое синее море. Приехали на речку, забрались на мостик, и кинула она свой мячик в темные воды быстро бегущей реки Нальчик. Через секунду исчез мячик, она начала плакать, пожалела свой любимый мячик, спрашивает: «А он вернется?». Еле успокоили. Рассказали, что он скоро к ней вернется, через день-два, вот только он доплывет до синего моря, проведает своих братишек, поиграет с ними и приплывет обратно на большом пароходе к ней. Два дня я бегал и искал такой же резиновый мячик, такой же расцветки, как у внучки. Вернул ей мячик, сколько радости было у неё! До сих пор она помнит, как вернулся к ней с далекого синего моря её любимый мячик.

Рослая, выше своих сверстников на голову Алина пошла в школу в шесть лет, окончив третий класс через три года, минуя четвертый, перешла в пятый класс. Училась легко. Веселая, жизнерадостная малышка наша

находила общий язык со всеми одноклассниками и одноклассницами. Ходила с ними в походы, в кино. Закончив школу с золотой медалью уехала наша Алинка учиться в Москву, в город моей мечты далёкой юности.

7 февраля 2017 года. **М.Х. Карашев**

ЧАСТЬ II

БЕЛЭМЫКЪУЭ

Ламырдон Владимир Хъызыр и къуэм и фэеплъу

Тэрч 1уащхьэхэм удэк1мэ, Къаншыуей жылэр къиухъуреихьу таурыхъ щ1ып1э зэрыщы1эм зэпымычу дыкърагъэда1уэрт дэ нэхърэ нэхъыжь къуажэдэс щ1алэ ц1ык1ухэм. Къызэрыджа1эмк1э, къапык1эм я инагък1и 1эф1агък1и къыпэхъун нэгъуэщ1 зы щ1ып1и ущримыхьэл1эну, абы щыкуэдт тутей хадэ хьэлэмэтхэр.

… Щы1эщ абы псы щ1ы1эмыл зэрыт псыкъуий нэхъ куу дыдэри, пэгъунэгъущ чыц1ыр зи шхыныгъуэ бдзэжьей п1ащэхэр зыхэс гуэлри. Аузыр яуфэбгъуащ хужь-ф1ыц1афэу зи джабэр ек1уэк1 хъарбызхэр, фом хуэдэу 1эф1ыпс хъэуан дыщафэхэр. Хьэхэм мэл гуартэхэр ягъэхъу, лъэныкъуэк1э тхьэк1умэк1ыхь хужьхэр къыщызэрохуэк1, «лъахэм» щыпашэр зэхагъэк1ми ярейуэ. Мэрак1уэ жыгхэм жьындур къыхоплъ, губгъуэ джэдхэр абыхэм я лъабжьэм щоулъэпхъащэ…

А щ1ып1э телъыджэр ди нэгу къыщ1агъэувэми, ар зэдгъэлъэгъун хуэдэу гъуэгу дытехьэным иджыри зы илъэситхук1э дежьэн хуейуэ жа1эрти, нэхъыжьхэр къытщ1энак1эрт. Апхуэдэ псалъэмакъхэм дэ а 1уэхум нэхъ ерыщу дыхуригъак1уэрт.

Зэгуэрым щ1алэ ц1ык1уитхум - илъэсищым къыщыщ1эдзауэ илъэситху зи ныбжьынухэр - Белэмыкъуэ щ1ыналъэ дахэр зэдгъэлъэгъуну мурад тщ1ащ. Псы е гъуэмылэ т1ыгъын хуейуэ дэнэ щытщ1энт, дыгъэ гуащ1эм дыхэувауэ дык1уэц1рок1. Къуажэр къызэднэк1ри, нэхъ лъагэу къытщыхъу 1уащхьэм зыдгъэпсэхуну, адэк1э здэдунэт1ынур зэхэдгъэк1ыну дыщет1ысэхащ. А

гъэмахуэр апхуэдизк1э уэгъу хъуати, щ1ыр зэрыщыту зэгуэтхъат. Дэри куэд дэмык1ыу ди 1ур игъущык1ащ, псы дылъыхъуэу щ1эддза щхьэк1э, бгъуэтмэ къащтэ, жыхуи1эращ. Адэк1э нэк1уэн ямыдэу гъуэгыу щ1адзэри, илъэс щырыщ зи ныбжь ди гъунэгъу щ1алэ ц1ык1уит1ым къуажэмк1э ягъэзэжащ. Щ1алэ ц1ык1уищ къэнар нэхъ ерыщхэрат - сэ, си къуэш Вовэ, ди гъунэгъу *Пыт1ат1э* (Володя). Зыдмы1эжьэу ди гъуэгум хэдгъэщ1мэ нэхъ тф1экъабылу дежьащ.

Ди щ1ыбыр дыгъэм трисык1арэ сабэ защ1э дыхъужауэ сыхьэт зыбжанэ тк1уа нэужь, дынэсащ апхуэдизрэ «дызэпщ1ыхьа» лъахэм. Белэмыкъуэр, ди къуажэми хуэдэу, 1уащхьэ лъагэф1хэм я зэхуакум дэтт. Жыжьэу уплъэмэ, жыг хадэ щхъуант1эм гъунэ иуплъыфыркъым. Жыг хадэм пэмыжыжьэу унэ лъахъшэ ц1ык1у (кошарэ) къып1эщ1олъагъуэ, мывэк1э къэгъэт1ылъыхьа псыкъуийри гъунэгъущ.

Асыхьэту дызэрешари т1эщ1эгъупщык1ыжат. Лъагъуэ ц1ык1ум дытету дыгуф1эу дожэх. Дынэсмэ, дызы1уплъэр «къызыф1эдгъэщ1ахэм» зэрещхь щы1экъым: псы тк1уэпс ярымыту пхъэ хьэкхъуафэхэр щыт мыхъумэ, унэм и 1эгъуэблагъэм ц1ыхуи, 1эщи, мэл гуарти, бдзэжьей абрагъуи, тхьэк1умэк1ыхь хужьи, зыри щыдгъуэтыркъым. (Мыбдеж щагъэхъу хабзэ бжэнхэр гъатхэм Дзэлыкъуэ 1эхъуп1эхэм яхурт, ар дэ иужьк1эщ къыщытщ1ар). Ябгынэжауэ зы псыкъуий, псыр къызэрыдэпхьеин к1апси пэгуни гъунэгъуу умыгъуэтыну, щытщ.

Псыкъуийм и лъащ1эр плъагъуркъым. Куу къыщ1эк1ынт, мывэ еддзыха щхьэк1э, зы макъи къэ1ужакъым. Къэдгъуэтакъым «ягъэхъыбара» гуэлри уеблэмэ зы псы к1энтхъи. Ди 1уэхур абдеж къызэрыщимык1ынур къыдгуры1уэри, тутей хадэм дыхыхьащ, ф1ыгъуэр ди гугъап1эу. Арщхьэк1э хадэри зэрыщыту къуацэ-чыцэрэ шупсыранэу къыщ1эк1ащ. Лъэбакъуэ пчыху, уи щ1ыфэр зыхафыщ1э. А псом и щ1ы1ужк1э, бжьэмрэ хьэдзыгъуанэмрэ ди щхьэщыгум щызолъатэри, ди псэр ягъэп1ейтей. Мэрак1уэ хъуахэр жыг щхьэк1э дыдэхэрщ зыпытри, ек1уэл1ап1э къахуэдгъуэтыфыркъым. Ауэрэ ди п1эм диуфэрэзыхьурэ, къыздик1ари къыдгурымы1уэу, къуаргъ гуп къызэкъуэлъэтащ. Зыпэмыплъа хьэщ1эхэр дыкъыщалъагъум, мурадыф1 зэрамы1эр къыдагъащ1эу, я дамэхэр яутхыпщ1у къытщхьэщылъэтащ. Ди къару къызэрихьк1э къудамэк1э абыхэм дахэуэурэ дакъы1эщ1эк1ри, жыг щ1агъ жьауэм зыщыщ1эдудыгъуащ.

Ауэрэ зэманыр к1уэрт. Дыкъызэрежьэрэ псы дызэремыфам хуэдэт. Уэшх нэужьым щ1ы щ1ы1ум къытена псы ф1ейм ф1эк1а щыдмыгъуэтым, ди пл1э к1апэхэр хэтщ1эри, щыткъузыжым абы къыпытк1ур дэдгъэзейурэ дефащ. Дэнэ щытщ1энт, абы дрисымаджэнк1э хъуну?! Ди псыхуэл1эр апхуэдэу идгъэк1щ, щ1ы псы1эм дыщет1ысэхри ды1урихащ.

Дыкъызэщыужа нэужь, ди щхьэм нэсащ «таурыхъ щ1ып1эк1э» зэджэр зэрышыпсэр, нэхъыжь щ1алэжь ц1ык1ухэр апхуэдэу къытщ1энэк1а къудейуэ зэрыарар. Щы1этэкъым мыбы къуалэбзу хьэлэмэтхэри, тхьэк1умэк1ыхьхэри, хъарбыз абрагъуэхэмрэ хъэуан фоупсхэмри, уеблэмэ зы къэк1ыгъэ дахи. Зэрыжыт1ауэ, дэнэк1и къуацэ-чыцэт. Жыг хадэм хьэ, джэду хьэулейхэр хэсщ,

уафэм аддэ лъагэу бгъэхэр хуэму щохуарзэ… Унэм к1уэжын зэрыхуейр къэтщ1эжащ. «Зэрызыдгъэбзэхар» къамыщ1эну дыщыгугъат. Псом япэу *П1ыт1ат* и анэ *Хьэжан* уэрамым дэлъэдащ и къуэ ц1ык1ур къилъыхъуэжу. Абы занщ1эу къыжра1ащ зэкъуэшит1ым ди гъусэу, «Белэмыкъуэ» жэнэт щ1ып1эр къилъыхъуэну ар зэрык1уар. Къуажэкум щызэхэлъэдащ ц1ыхур, адэк1э ящ1энумк1э зэчэнджэщыну. Ц1ыхухъуит1 къыхашри, гъуэгу тету япэу къа1эрыхьа шыдит1ымк1э ди лъыхъуак1уэ кърагъэжьащ (а зэманым шыдыр куэду зэрахуэрт, уэрамхэм дэут1ыпщхьауэ зэпымыууэ урихьэл1эрт). Зы сыхьэт е т1у хуэдэк1э Белэмыкъуэ къэсащ ахэр. Щ1алэ ц1ык1уищыр дызэхэуф1еярэ дыркъуэ мащ1эхэри ттелъу дыкъагъуэтыжащ. Зыдагъэтхьэщ1ыжщ, гъуэмылэ къыздащтахэр къыт1эщ1алъхьэри, зыри къытщымыщ1ам хуэдэу, шыдыгум дыкъит1ысхьэжащ. Илъэсипл1 хъуа пэтми, быдзышэ иджыри ефэ *П1ыт1ат* а махуэм щигъэтат, ик1и ди «зек1уэм» нэхъ балигъ щыри дищ1ами ярейуэ, аф1эк1а зыми зыкъедгъэгъэпц1эжакъым.

К1эрашэ Михаил ***2016 гъэ, гъатхэпэм и 3.***

Си адэ къуэш, КIэрашэ Хьэжпагуэ Мурид икъуэм ,
фэеплъ тхыгъэ хузощI.

Си къуэрылъху Къантемыр ц1ык1у хузотх

ХЬЭГЪУЭЛ1ЫГЪУЭ

1949 гъэ, мазаещ. К1ий-гуо макъ къо1у: Къок1уэ, къок1уэ! Зэуэ шы лъэ макъымрэ теуэ-тепк1э, зэщ1эфие ц1ыхухэмрэ 1эуэлъауэшхуэ къагъэхъу. Адыгэ пшынэми и макъамэр ирешажьэ. Сэ ди гъунэгъум я пхъэ тахътэм сыкъыщоуш. Си анэр къыщ1элъэдащи: «Укъэуша, си къуэ ц1ык1у? Умышынэ. Нысашэр къэсауэ араш», - же1эр…

Ди адэ къуэш нэхъыщ1э Хьэжпагуэ и хьэгъуэл1ыгъуэти, нысащ1эм пэшыр щ1эхыу хуит къыхуэтщ1ын зэрыхуейур къызжи1ащ си анэм. Арщхьэк1э зитчыным дыхунэмысауэ, 1ыхьлы ц1ыхубз гупышхуэ зэрызехьэу къызэрыщ1огуэ пэшым, адыгэ фащэ зыщыгъ, зи нэк1ур шылэ хъарым игъэпщк1уа зы пщащэ къыщ1ашэри. Хьэлэмэту абыхэм яхузэф1ок1 къак1элъыпхъэр ц1ыхухъухэм зыкъы1эпачыну. Унэишэр зэф1эмык1ауэ нысащ1эр ягъэлъагъуэ хъунутэкъым.

Асыхьэту ц1ыхухэр нэхъри зэщ1охуабжьэ. Зэхэт гупышхуэр лъэныкъуит1у зэбгрожри, к1элындор к1ыхьым зы шу щ1алэ къытохутэ. Сэ занщ1эу къызгуры1уащ гъуэлъып1э щ1агъым нэхъ шынагъуэншэ щ1ып1э зэрызмыгъуэтынур ик1и сеп1эщ1эк1ыу сыщ1эпщхьащ. Куэд дэмык1ыу шууей хъыжьэр ц1ыхухъухэм щ1агъэц1ывык1ыжащ, си гур нэхъ мамыр хъужа нэужьи, си зыгъэпщк1уп1эм сыкъыщ1эк1ыжащ.

Бзылъхугъэхэм нысащ1эм и тепхъуэр трахри, ди пащхьэ къохутэ хъыджэбз дахэ Бабыцэ (Женэ). Езыр лъагэщ, и щхьэцыгъуэшхуэр щ1ым нэс тоуэ. Хъыджэбзым и лъагагъым нэхъри хегъахъуэ пы1э хъурей ц1ык1у щхъуэк1эплъык1эм.

Ц1ыхубзхэр псори зэрызыхэу бгъэдыхьэурэ нысащ1эр зрагъэц1ыхур, техьэпщ1эр я1ыгъыххэщи, саугъэтхэмк1э абы хуоупсэр. Си анэри, и нысэгъу нэхъыжьыр, Бабыцэ ирагъэц1ыху. Ар сэ къыскхуэупсащ к1энфет щхъуэк1эплъык1э хъурей ц1ык1ухэм хуэдэк1э. Зауэ нэужьым абыхэм ф1эк1а нэгъуэщ1 1эф1ык1э ди къуажэм щыбгъуэтыну щытакъым.

Арати, Къаншыуей къуажэмрэ Инарыкъуей жылэмрэ аргуэру унагъуит1к1э зэпыщ1а хъуащ - К1эрашэхэрэ Срыхъухэрэ.

А махуэм щауэ зэк1ужу жылэдэсым яхэт К1эрашэ Хьэжпагуэ куэд щ1атэкъым л1ыгъэ зэрихьэу Хэку зауэшхуэм зэрыхэтрэ. 1942 гъэм къыщыщ1эдзауэ ар топгъауэу а маф1э лыгъэм хэтат, Белоруссиер, Польшэр щхьэхуит къэзыщ1ыжахэм ящыщт. Тек1уэныгъэм и махуэшхуэр абы къыщригъэхьар хагъэщ1а Берлин дежт. 1947 гъэм армэм къыхэк1ыжауэ дуней мамыр хъужам абы иджы псэгъу щищ1ырт илъэс 20 зи ныбжь, хъыджэбз къызэрыгуэк1 ц1ык1у Бабыцэ. Ари лэжьак1уэшхуэт, учетчицэу къуажэ колхозым 1утт.

…Жэщищ-махуищк1э ек1уэк1ащ хьэгъуэл1ыгъуэр. Зэрыжа1эу, гъунэгъуи-жэрэгъуи къэмынэу абы къек1уэл1ащ, ныбжьыщ1эхэм я насыпым къуажэ псор хуэхъуэхъуащ. Къехъуэхъурт анэшхуэ Фаризэт и бынит1ри - Хьэзритрэ Хьэжпагуэрэ - псэууэ зауэм къызэрик1ыжамк1и.

Уэнжакъым к1эрахъуэк1э иук1ыу абы щыгъуэм япэу слъэгъуауэ аращ. Сигу изубыда нэхъ хьэлэмэтхэм ар ящыщщ. Ахъшэ жьгъейр джэгум щыдрапхъейрт, «уэредадэр» яшэщ1ырт, ажэгъафэм хьэщ1эр къигъэуджырт. Сэ, илъэсрэ мазибгъурэ ф1эк1а сымыхъуами, а псом нэхъуеиншэу сыхэплъэрти, къыскхуэмыщ1эр зыт - утыкум махуищми имык1а ажэгъафэр зи хэтыр арат. Иужьым на1уэ къэхъужащ - ар ди гъунэгъу щ1алэ ц1ык1у Абазэ Мишэт, икъук1э дэгъуэу и ролыр игъэзэщ1ат.

Зэшит1ым я унагъуэхэр зы пщ1ант1эм щызэдэпсэуащ, Хьэзрит - щ1алих, Хьэжпагуэ зы щ1алэрэ хъыджэбзитхурэ я1эу. Дэ сабийхэм дежк1э ар насыпышхуэт.

К1эрашэ Михаил.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».от 6 февраля 2016 года №21 (23.179)

Къуэжей Азэмэтджэрийрэ си адэ-анэу
К1эрашэ Хьэзритрэ Екатеринэрэ я фэеплъу

Тамик, си къуэрылъху ц1ык1у! Ныбжес1эжыну 1уэхугъуэр теухуащ сэ си къуэ и уэ - уи адэшхуэм и къуэш Владимир. Си хъыбар к1эщ1ым к1эух дахэ и1эщ, къеда1уэ

С Е Л Ь П О

Илъэс 65-к1э узэ1эбэк1ыжмэ къэхъуащ мыр. Сэ илъэсищ сыхъуа къудейт, Вовэ - илъэсит1. Дыщыпсэут дэ Къэбэрдей-Балъкъэрым и гъунэ дыдэм, Ингушетиемрэ Осетие Ищхъэрэ-Аланиемрэ зищ1хэр бгъэдэлъ Къаншыуей (Курп Ищхъэрэ) къуажэм. Щ1ып1э дахэ дыдэт.

А зэманым жылэм токи ек1уал1эртэкъым, гази псыи щы1этэкъым. Арщхьэк1э а псоми дэ мыхьэнэшхуэ еттэкъым. Жэщым фэтыджэн уэздыгъэхэм ди унэхэр къагъэнэхурт, апхуэдэ дыдэу фэтыджэн хьэкук1э ди шхыныр япщэф1ырт. Псыкъуий куухэр пщ1ант1э къэс дэтт, я щхьэм 1унк1ыбзэ етыжауэ (сабийхэр димыхуэн щхьэк1э быдэу ягъэбыдэрт). Ди адэ-анэм къуажэ школым щрагъаджэрти, махуэ псом унэм ди закъуэу дыкъыщ1энэрт. Ди зэхуаку ныбжьышхуэ дэмылъми, си къуэш нэхъыщ1эм к1элъыплъыныр сэрат зи пщэрылъыр. Пщ1ант1эм дыдэмык1ыну унафэ къытхуащ1ми, дэ махуэ псом гъунэгъу сабийхэм я гъусэу уэрамым къэджыхьыу, дыджэгуу дыдэтт.

Зэгуэрым Вовэ къыздэсщтэри, «Сельпо»-м сехащ. Апхуэдэу тетхат 1эф1ык1э, псы, щыгъын, к1эщ1у жып1эмэ, балигъми ц1ык1уми зыхуеину псор щагъуэт къуажэ тыкуэным. Ар зейри зыгъэлажьэри ди адэм и ныбжьэгъуф1 Азэмэтджэрийт. Икъук1э ц1ыху дахэт ик1и гуапэт. Ар щ1эх-щ1эхыурэ къытхуеблагъэ и хабзэт. Езым сабий и1этэкъыми (иджыри къишатэкъым), дэ зэпымыууэ къытк1эрыщ1ат, гъуэрыгъуапщк1уэми нэгъуэщ1 джэгук1эхэми емызэшу къыщытхэтт…

Дыкъыызэрилъагъуу, Азэмэтджэрий къытщыгуф1ык1ащ, дригъэблэгъащ, нэхъыжь ди мыгъусэу абы нэс дызэрык1уэфами щ1эупщ1ащ. К1энфетрэ псы 1эф1рэ абы къыдитри, къуэгъэнап1эм щэхуу дыщыджэгуну дыдигъэт1ысхьащ. Сэ джэгун срикъуати, ди адэм и ныбжьэгъум сэлам есхыжри сежьэжащ. Бжьэхуц зэк1уэц1ыпхахэм хэлъу 1уриха си къуэшыр къэзгъэнащ. Си гугъащ зэман дэк1мэ къэзгъэзэжу здэсшэжыну, арщхьэк1э гъунэгъу щ1алэ ц1ык1ухэм садэджэгуурэ си къуэш нэхъыщ1эр с1эщ1эгъупщык1ащ.

Пщыхьэщхьэм ди адэ-анэр къэсыжащ. Заплъыхьмэ, Вовэр ягъуэтыжыркъым. Сэ апхуэдизк1э сыгузэвати, сщыгъупщат ар тыкуэным здэсшауэ зэрыщытар. Арати сэри абы сылъыхъуэрт. Сыщылъыхъуэрт гуэным, хадэм, къуацэ-чыцэхэм. Си адэр гъунэгъухэм я деж ежэк1ати, ахэри лъыхъуак1уэхэм къахэхъуат. Си анэр псыкъуийм иплъэурэ гъырт, уеблэмэ хьэ нэгъунэхэм ди гуныкъуэгъуэр къагуры1уа хуэдэ банэурэ уэрамыр къызэхажыхьырт. Ди насыпти, зыгуэрым игу къэк1ыжащ Вовэрэ сэрэ махуэм тыкуэным дык1уэу дызэрилъэгъуар. Сэ псори къызэжауэ саутхыпщ1, къызоупщ1 щ1алэ ц1ык1ур къыщызгъэнагъэнк1э хъунумк1э. Ит1анэщ къыщысщ1эжар ар тыкуэным къызэрыщ1эзнар.

Апщ1ондэхук1э пшапэр зэхэуат. Азэмэтджэрий къагъуэтри тыкуэныр 1урагъэхыжащ. Фэтыджэн уэздыгъэхэр щ1агъэнауэ заплъыхь, Вовэр ягъуэтыркъым, я джэ макъми зыри къыпэджэжыркъым. Си анэр мэгъуэг: «К1уэдащ Вовэ», - жи1эурэ. Зэман зэ ди адэр къок1ий: «Мис Вовэ! Бжьэхуцым хэлъу мэжей». Къызэрыщ1эк1амк1э, бжьэхуц тюкым ар хэпщхьэ1уати умылъагъужу арат. Псори гуф1эщауэ Вовэ къыхалъэфыжт бжьэхуцым, езыр псыфрэ (лимонад зытрик1эжауэ) къыпк1эрыпщ1эу (хуит хъуа сабийр 1эф1ык1эхэм хэсагъэнт). Апхуэдизк1э ар езэшагъэнти, зыри дыкъищ1эхакъым, ди адэм и 1эпл1эм илъу унэм ихьыжащ, и пщ1ыхь 1эф1хэри зэпымыууэ.

Азэмэтджэрий а дакъикъи 5-10-м и щхьэцыр хэтхъук1ат, ук1ытэжат Вовэ гу зэрылъимытам щхьэк1э. А махуэм ди адэм и ныбжьэгъум чэнджэщ иритат щхьэгъусэ къишэу бын зригъэгъуэтыну, «Хэт ищ1эрэ, нэхъ набдзэгубдзаплъэ ухъунк1эрэ хъунщ», - жи1эрт. Куэд дэмык1ыу Азэмэтджэрий унагъуэ насып игъуэтат…

К1эрашэ Михаил

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.

Газета «Адыгское Слово» от 23 января 2016 года №11 (23.169)

Си анэ, Дигурко Екатеринэ Никитэ ипхъум, фэеплъ тхыгъэ хузощ!

П С Ы Д З Э

Джылахъстэнейм уэгъур къыщхьэщытт. Щ1ыр апхуэдизк1э псы1агъэ щыщ1ати зэгуэтхъат. Хьэжкурийм кърихьэк1 сабэр нэм къыщ1озэрыхь. Гъэмахуэми, удзхэр гъуэжь хъуащ, псыкъуийхэр игъущык1ащ. Курпыпс ц1ык1ури ежэхыжыркъым, щ1ып1э-щ1ып1эк1эрэ псы к1энтхъ инахэм бдзэжьей жыгъей ц1ык1ухэр, я жьэр яущ1у, щипхъащ. Жыг тхьэмпэхэм зашыхьыжауэ къыпохуж. Дунейм и хъуреягък1э зыуплъыхьмэ, ди гуэн щ1ыбагъым щык1 к1арц закъуэрщ щхъуант1эу къызэтенар.

Жылэдэсхэм шыгук1э, выгук1э, уеблэмэ къуажэм я1э махъшэ закъуэмрэ шыдхэр зыщ1эщ1а гухэмк1э псы хуабэ утхъуар гъунэгъу жылэхэм кърашыр. Къаншыуей къуажэ псом зы псынэ закъуэрт имыгъущык1ар. Псыгъуэ дыдэу къиж псым деж махуи жэщи къуажэм дэс ц1ыхубзхэмрэ сабийхэмрэ чэзу къагъэхъуу щызэхэтт. «Водокачкэ»-к1э еджэрт абы жылэдэсыр. Абдеж къыщ1эж псы къабзэм ик1и щ1ы1эмылым хуэдэ сэ си гъащ1эм зэи нэгъуэщ1 зыщ1ып1э сыщрихьэл1эжакъым.

Ц1ык1ухэм зыри, дауи, къытф1э1уэхуртэкъым. Лъапц1эу щ1ы къэплъам, сабэр къэдгъэхъейуэ, къыщыджыхьырт, ди лъэгур щ1исык1ыу хуежьэхунк1э. Иужьк1э къуажэм кърашал1э псы утхъуахэмк1э «псы тек1э» дыджэгужырт. Хъыджэбз ц1ык1ухэри ди гъусэу Хьэнцигуащэр хьэблэм къыщетшэк1ырт, «Яалыхь, уэшх къытхуегъэлъэлъэх!» жыт1эурэ дыщ1элъэ1уу. Куэбжэ къэс псыр къыщыттрак1эрт, л1ыжь-фызыжьхэм даущийрт нэхъ иныжу Тхьэшхуэм делъэ1уну. Тлъэк1 къэдмыгъанэми, дызэхих хуэдэтэкъым. Мазит1-щы хъуат уэшх зэрыдмылъагъурэ.

Зы махуэ гуэрым зэуэ псоми зихъуэжащ: апхуэдизк1э уэм хъуати, хьэуам урибэуэфыртэкъым, псэ зы1уту дунейм тету хъуам жьауап1эм зыщ1адзат.

Уафэм зыкъызэщ1иуф1ыц1ащ. Зы мащ1э дэк1ри, аддэ жыжьэу щыблэр къыщыхъуэпск1ри, гъунэгъу абы зыкъытхуищ1у хуежьащ. Уафэгъуагъуэ макъыр дакъикъэ къэсыху нэхъ шынагъуэжу къэ1урт. Пщ1ант1эм зэкъуэш ц1ык1уит1ымрэ ди хьэжь ц1ык1у Цомэрэ ф1эк1а дэстэкъым. Цоми шынати, унэм зыкъытф1ыщ1идзауэ гъуэлъып1э щ1агъым зыщиудыгъуауэ щ1эст.

Ди анэр къыдэлъэдэжри, къэк1иящ: «Ц1ык1ухэ, унэм фыкъыщ1эмык1! Борэн къоблагъэ». Ар жи1эри, езыр джэдэщыбжэхэр хуищ1ыну жащ. Асыхьэту щыблэр къауэри, унэ гупэм 1ут тутей жыгышхуэр т1ууэ зэгуипщ1ык1ри, маф1э щ1энауэ псыкъуийр зэхуищ1у техуащ. Уэшхышхуэ кърик1утэхуу хуежьащ. Къыздик1ари дымыщ1эу п1алъэ к1эщ1ым пщ1ант1э к1уэц1ыр зэрыщыту псы ежэх хъуащ. Псы уэрым джэдэщри гуэнри здихьырт. Ди анэр унэм къыщ1ыхьэжыну хунэсатэкъыми, к1арц жыгым дэк1уеящи тесщ. Иужьк1э куэдрэ ар егупсысыжащ, жыг банэшхуэм дэпщеину зэрыхузэф1эк1ам.

Ди унэр къуажэкум хуэзэрт, ауэ щ1ы тафэм теттэкъым, уэхыу щытт. Абы къыхэк1ыу пщ1ант1эм псыр лъэныкъуищк1э къыщ1эуэу щ1идзащ: къуажапщэмк1э, гуохьэблэмк1э, метри 300-400 хуэдизынк1э зи1эту къытщхьэщыт 1уащхьэмк1э. Медан бжыгъэм пщ1ант1э псом къибыргъук1ыу псыр дэз хъуащ. Псори абы зэрихьэрт: куэбжэр, гуэныр, джэдкъазыр. Уеблэмэ ди къазхэр пщ1ант1эм дихыпат, ауэ ди насыпу ахэр езыр-езыру махуэ зыбжанэ дэк1а иужь къек1уэл1эжат. Ц1ыхухэм я к1ий макъ къэ1урт, хьэхэр банэрт, 1эщыр зэщ1эгъуахъуэрт. Пхъэ дакъэжьхэр, гъавэ зэрылъ къэпхэр, унэлъащ1эхэр пщ1ант1эм ф1ыуэ къыщрихьэк1ырти, иужьк1э хадэм ирихьэрт, адэк1э губгъуэ нэщ1ым к1уэрт. Фильмым ещхьу, а псор ноби си нэгум щ1этщ.

… Ди анэр жыгым тесу къок1иех: Ц1ык1ухэ! Ц1ык1ухэ! Фыкъыщ1эмык1! Арщхьэк1э а псалъэхэр ди деж къызэрысыр: «Ц1ык1ухэ! Ц1ык1ухэ! Къэвубыд!» Аращи, дэ делэ ц1ык1ухэр унэм «дыкъыщ1олъэтри», псы утхъуам кърихьэк1 кхъуафэхэмрэ нэгъуэщ1 хьэпшыпхэмрэ къэдубыдыжыну дыхуожьэ. Арщхьэк1э кудрэт, псым дэ езыр ды1уех, хадэм адрыщ1к1э щы1э къуэк1ий нэфымк1э дрихьэхыу хуожьэ. Абы метри 10 хуэдиз и куагът, псыр из хъуауэ абы къыф1эк1ыр хадэм къилъадэу арат. Си къуэш ц1ык1умрэ сэрэ гузэвэгъуэ ттелъу псым доныкъуэкъу зредмыгъэхьэхыну. Зэман зэ пщ1ант1эм щыхыф1адзэжауэ къутауэ гум и зы гъущ1 к1апэ къыдоубыдри, абы дыкъегъэувы1э.

Ди анэр мэгъуэг: «Алыхь, алыхь! Си щ1алэ ц1ык1уит1ыр къегъэл», - жи1эурэ. Абы дыхэту, ди гъунэгъу щ1алэр къыдэлъадащ. 1ухъу Мысост нэхъ щ1алэ лъагэ дэстэкъым къуажэм, метрит1 и инагът. Псыдзэр абы зыуи къыщыхъутэкъым, дэрат армыхъумэ. Зэкъуэшит1ыр зэ е1эбыхыгъуэк1э Мысостым дыкъипхъуатэри, унэм дыщ1ихьэжащ. Ит1анэ ди анэр к1арц жыгым къехыжыну дэ1эпыкъури, ари унэм нэс къишэжащ.

Зы сыхьэтит1 хуэдэк1э уэшхыр увы1эжащ. Псы ежэхри хуэмурэ ет1ысэхыжащ. Дыгъэр къыкъуэк1ыжащ. Дунейм дыкъытехьэжмэ, унэ лъапсэхэм я чий, пхъэ куэбжэхэр уэшхым зэтрикъутат. Дыгуф1эрт

къуажэдэсхэм щыщ зыри зэрыхэмык1уэдам щхьэк1э. Губгъуэм щагъэхъу 1эщхэми зыри къащыщ1атэкъым. Пщыхьэщхьэм зыдыхьэжын хуей куэбжэхэр ямыгъуэтыжу зыкъомрэ щхьэрыуауэ къызэрак1ухьар къыумылъытэмэ. А махуэм балигъ зэуэ дыхъуами ярейт. Ди къегъэлак1уэ щ1алэр зэи зыщыдгъэгъупщакъым иужьк1и. Абы илъэсипл1к1э флотым къулыкъу щищ1ати, и адэ-анэм къахуитхыху, дэри абыхэм я деж дежэк1ырти, жэуапыр щатхыжк1э дэри къыдбгъэдэк1ыу сэлам етхырт.
Апхуэдэу къетшэк1а Хьэнцигуащэм дуней къэхъукъащ1эшхуэ кърик1ууэ щытащ.

К1эрашэ Михаил.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны

Газета «Адыгское слово» от 2 апреля 2016г.

Курп псы цIыкIу

Къуажэкум щыпсэу сабийхэр дызэрымынасыпыф1э щы1этэкъым, псынэпс къабзэ щ1ы1эмыл къыщыщ1эж щ1ып1эр ди гъунэгъути. Гъэмахуэ махуэ к1ыхьхэр дэ абдеж щыдгъак1уэрт. Псынэр зыдэт къуэм и кум мылъагэ дыдэу зы 1уащхьэ и1эт. Курп псыежэхыр абдеж къызэрысу, т1ууэ зрищ1ык1ырти, абы и хъуреягък1э къежэк1ырт, 1уащхьэр къызэранэк1а нэужь, зэхэлъэдэжырти, и лъагъуэм пищэрт. Псынэпсыр зыдэт къуэ лъагэм и джабэхэм к1эращ1ыхьа абгъуэхэм жэнэт бзу ф1эк1а умыщ1эну къуалэбзу зэмыл1эужьыгъуэ куэд къиплъу ист.

Дэ, ят1эм къыхэщ1ык1а псы1ущ1эхэр тщ1ыми, блэтхьэк1умэ зэхуэтхьэсми, бдзэжьей жьгъейхэм дещэми, дыгъэ къэплъам зедгъэууэ 1уащхьэм дытесми - тщ1эн щыдгъуэтырт абдеж.

Псынэм дэт къазхэм дахуэсакъыу дак1элъыплъырт, уатеплъэкъук1 хъунутэкъым, хьэ хьэулейхэмрэ бажэхэмрэ абыхэм къещэк1уэныр бетэмалт. Къазхэми, я псэм ищ1э хуэдэ, гъунэгъу дыдэ зыкъытхуащ1ырт, уеблэмэ псым дыщыхыхьэк1и гъусэ зыкъытхуащ1ырт. Языныкъуэхэм къаз анэхэм, хэт ищ1эрэ, шэч къыттрахьэжрэт, я «сыс-с» макъыр ирагъэщ1у къыщытпэувыж къэхъурт. Абыхэм ядэплъагъурт уафэгум адэ жыжьэу ит къашыргъэхэми къуацэ-чыцэхэм, жыг щхьэк1эхэм зыщызыгъэпщк1у къанжэхэми зэрызыщахъумэр…

Махуэ псом гугъу ехьу колхозым щылажьэ ди адэ-анэхэм зыри къыджамы1эу хуиту даут1ыпщырт. Пщыхьэщхьэм къаз хъушэм хэщ1 имы1эу етхул1эж закъуэмэ ядэрт абыхэм. Дэ а пщэрылъыр жэуаплыныгъэшхуэ пылъу дгъэзащ1эрт. Ди къазхэм я лъабзэр тц1ыхурти, хъушэм нэгъуэщ1

къызэрыхэмызэрыхьыным быдэу дык1элъыплъырт. Къыхэзэрыхьамэ, къэдубыдыжырти, зейм яхуэтхьыжырт.

Шэджагъуэхуэк1уэ зэрыхъуу, гуохьэблэмк1э 1эщышхуэ къыщызэрыдэхырт. Ахэр махуэ къэс курпыпс ц1ык1ум яхурт. Дыгъэм игъэц1ыва, псы хуэл1а жэмхэмрэ хывхэмрэ я зэщ1эгъуахъуэ макъым укъигъэу1эбжьырт. Сабэр драпхъейуэ ахэр къыдэзэрыхьырт псынэмрэ курпыпсымрэ хуэк1уэ гъуэгу бгъузэм. Зыр адрейм е1унщ1урэ псыежэх 1уфэм зэрынэсу, хывхэм лъэныкъуэ зрагъэзырти, зэрыжэм хуэдэу ят1эм зыхагъахуэрт. Жэмхэм ахэм къыпак1ухьыурэ курпыпс ц1ык1ум зэпрык1ырти, псынэмк1э къаунэт1ырт.

Псынэпс щ1ы1эмылыр сыт хуэдэу гуак1уэт апхуэдэ махуэ хуабэм деж. Я псыхуэл1эр ирагъэк1а нэужь, 1эщыр тутейхэмрэ жыг делэхэмрэ я жьауап1эм щет1ысэхырт. Абыхэм яхэтт морафэ хъужарэ, зи нат1э дыдэм хуэзэу хъурей хужь хэщ1ыхьа ди Маи. Ар 1эхъуэм яхуми, и шк1ащ1эхэр илъагъуну махуэм зыбжанэрэ къэк1уэсэжыну хузэф1эк1ырт. Шэ иригъафэрти, хъуак1уэ зыгъэзэж 1эщхэм яхэувэжырт.

Апхуэдэ махуэ дахэр зэ1ищ1эу, псыдзэр къыщытхэзэрыхь щы1эт. Къыздик1ар къыбгуры1уэну ухунэмысу, пшахъуэр, мывэр, ят1эр зэхэлъу курп псы ц1ык1ум кърихьэхын щ1идзэрт, уеблэмэ и гъуэгум къыщыпэщ1эхуэ псори - 1эщи, джэдкъази, шыгуи - здихьыу.

Зыми зэи къахуэщ1эртэкъым апхуэдэ бэлыхь къыщытхуэк1уэнур. Зэуэ жьыр къызэкъуэунти, джэдкъазыр зэрыгъэк1ийуэ, 1эщыр гъуахъуэу къуэм къызэрыдэхынт. Я бынхэр къалъыхъуэжу, адэ-анэхэр уэрамым къыдэлъэдэнт.

Уэлбанэм къихь ят1эпсыр дакъикъэ бжыгъэм зэхуишэсырт, ауэ махуэ зыбжанэк1э ет1ысэхыжыртэкъым. Курпыпс чэнжыр зэуэ уэр къэхъурт, метритхук1э, нэхъыбэк1и зыкъи1этырти, бгым дэмыхуэжу къиурт. Ди жэнэт бзухэм я абгъуэхэр, зыщыдгъэпск1 щ1ып1эр - псори щ1иуфэрт абы.

Махуит1-щык1э псыр сабырыжырти, хуэмурэ, зыри щымы1ам хуэдэ хъужырт. Арщхьэк1э псы 1уфэр къабзэ хъужын щхьэк1э тхьэмахуэ зыбжанэ дэк1ын хуейт. Псыдзэм къела къуалэбзухэм я абгъуэхэр зыхуей хуагъэзэжырт, щ1эуэ зыщ1ыжи къахэк1ырт.

Апхуэдэурэ тхьэмахуит1-щы дэк1ырт. Щ1ып1эм зиукъэбзыжа нэужь, сабийхэм ф1ыуэ тлъагъу ди джэгуп1эм дыхуэзэшауэ дык1уэн щ1эддзэжырт щ1эрыщ1эу. Апщ1ондэху нэхъ ин хъуну хунэса къаз шырхэр гу ящыдмыхуэу дгъэхъурт, шэджагъуэхуэк1уэ зэрыхъуу, 1эщыр зэрызехьэу псы ефак1уэ къэк1уэнут...

2017 гъэ, щ1ышылэм и 9. **К1эрашэ Михаил**

Чий матэ

Мы хъыбарыр зауэ нэужь илъэсхэм къэхъуащ. 1уэхур щек1уэк1ыр Сунжрэ Тэрчрэ я бгыхэм къаухъуреихьа Къаншыуей къуажэрщ. Щ1ыуэпсым и щхъуант1агъэм узы1уигъэплъыртэкъым, апхуэдизк1э дахэти. Къуажэм и к1ыхьагък1э ежэх псыр чэнж дыдэми, бдзэжьей ц1ык1ур абы хэзу хэст. Махуэ псор дэ абдеж щыдгъак1уэрт, псыхъуэр ди нэгузегъэужьып1эт.

Пщ1ант1эм дыдаубыдэми, даущийми, абы дызэрык1уэсэн 1эмал зэкъуэшхэм сыт щыгъуи къэдгъуэтыфырт. Нэхъыжьхэр лэжьак1уэ зэрык1уэу, нэхъ пасэу дызыгуры1уа хьэблэ щ1алэ ц1ык1ухэр ди деж къежэк1ырти, 1унк1ыбзэ зэта унэм дыкъызэрыщ1ашыным зэгъусэу дегупсысырт. Ар зэдмыгъэхъул1ауи дыувы1эртэкъым.

Лъагъуэр ауэрэ хэтшащ: унащхьэм узэрыдэк1уейр к1элындорым дежти, ди къару псор зэхэтлъхьэрти, абы дыдэпщейрт, ди ныбжьэгъухэм кърахьэк1а пк1элъейр унэм къык1эраупсаерти, унащхьэм дыкъехыжырт. Дызэрымызэран щы1этэкъым. Ди к1эм ищ1а хьэжь ц1ык1уми дунейр хуит хуэхъуами ярейуэ, ди гъусэу джэдкъазыр кърихуэк1ыу дэтт. Мо махуэ къэс дгъэп1ейтей джэдкъазыр апхуэдизк1э едгъэсати, дыкъызэралъгъуу къуэгъэнап1эхэм зыкъуадзэрт, къуацэ-чыцэхэм хэлъадэрт, языныкъуэхэри хадэм щхьэпрылъэтык1ырт…

Гъуэгум узэпрык1мэ, хьэфиз хъуа зы ц1ыхубз щыпсэурт ди гъунэгъуу. Си къуэш ц1ык1ур си гъусэу дэ абы дыдэ1эпыкъурт: псы къыхуэтхьт, джэдкъазыр хуэдгъашхэрт. Ауэ и нэхъыбап1эм ди къуейщ1еягъыр къытф1ытек1уэрти, сэбэп дызэрыхъуари дгъэк1уэдыжырт. Дауи бзаджагъэ дигу къыхуэк1ыхэрэт а тхьэмыщк1эм?! Лъапэпц1ийуэ пэшым дыщ1ыхьэнти, езым джэдкъаз ф1эщ1у:

«Шу, шу! Фыщ1эк1ыт», - жи1эурэ къыф1эщ1 «джэдыр» къредгъэхуэк1ынт. Языныкъуэхэм Дадусэ (арат абы зэреджэр) джэдык1э щихъумэ пэгуным гъэвахэр хухэдгъэзэрыхьырт, зэми бабыщ, къаз джэдык1эхэр к1эщ1эддзэрт. Дызэребзэджэк1ам фызыжьым гу щылъитэм, ди анэм деж тхьэусыхак1уэ къежэк1ырт. Апщ1ондэху дэ ар тф1эгъэщ1эгъуэн хъурти, дытхъэрт. «Катя, уи щ1алэжь ц1ык1ухэр зэщ1экъуэж», - жи1эрт нанэм, губжьа хуэдэу. Ауэ иужьк1э зэрыпыдыхьэшхык1ыжым, ди гушы1эр къызэрыгуры1уар къыдигъащ1эрт…

Ди зэхэзек1уэхэр щахуэмышэчыжыххэм, ди гъэсэныгъэм к1элъагъэплъыну, урысыбзэ т1эк1уи дигъэщ1эну ди адэшхуэ Никитэ деж даут1ыпщащ. Ди анэм и адэр щыпсэур Раздольнэ урыс къуажэрт. Къаншыуеймрэ а жылэмрэ километр 20 хуэдиз я зэхуакуу арагъэнт. Балигъ гъащ1эм къыщытхуэсэбэпыжыну ик1и гъэщ1эгъуэну сыт хуэдиз щытлъэгъуат дэ а ди япэ зек1уэ к1эщ1ым!

…Ди адэшхуэ Никитэ и гъусэу зэманыр бгъэк1уэну ф1ыт ик1и хьэлэмэтт. Зэпымыууэ абы хъыбар гъэщ1эгъуэнхэр жи1эжырт, езыр гушы1эшхуэ зыхэлът. Нэхъыщхьэрати, ди адэшхуэр урысыбзэр зэрыдигъэщ1эным хущ1экъурт. Арщхьэк1э а 1уэхур ф1ыуэ къыдэхъул1эхэм ящыщтэкъым. Жи1эр къыдгуры1уэрт, ауэ урысыбзэм дрипсэлъэфыртэкъыми, жэуапыр зэреттыжыр адыгэбзэк1эт. Апхуэдэм деж ди адэшхуэр къытщыдыхьэшхырт. Езыми зэзэмызэ адыгэбзэк1э псалъэ хьэлэмэт гуэрхэр къыжьэдэлъэту къэхъурт, мис абы щыгъуэхэм дэ абы дебзаджэк1ыжырт.

Ди адэшхуэм колхозышыр игъэхъурт. Сыт хуэдэу дэгъуэт ахэр, я шы сокур зэ1ыжрэ лъэдакъэцу. Ди жылэм щытлъагъу шыхэм хуэдэтэкъым абы зэрихуэхэр, хуэдит1-щык1э нэхъ ину къытф1эщ1т. Ахэр 1эсэлъасэт, жы1эда1уэт, уеблэмэ ди адэшхуэм и унафэхэр абыхэм зэрагъэзащ1эм гу лъыттат. Насыпышхуэу къэтлъытэрт апхуэдэшхэм абы дыщигъэшэск1э. «Дыщигъэшэск1э»-р ины1уэу жыс1ащ. Къытф1эщ1рат: «Шы лъэрызехьэр пщ1ант1эм уардэу щобэкъук1, уэркъ щ1алэхэри абы и шыпл1эм пагэу дэсщ». Ауэ теплъэгъуэм итхэм уак1элъыплъыжыпэмэ, пэжыр нэгъуэщ1т: «уэркъхэр» ди адэшхуэм зэри1эту апхуэдизк1э къэрабгъэ дыхъужырти, шы сокум зыхэдуфэрт.

Ит1ани шыхэр ф1ыуэ тлъэгъуат, ахэр ди адэшхуэм щигъашхэк1э дыдэ1эпыкъурт: мэкъур, хьэр, псыр абыхэм яхущ1этхьэрт, уеблэмэ шы сокухэр зэ1ыжу къеджьыхырт, къабзэу зэрызетхьэным дыпылът. Иджы согупсысыжри, ди адэшхуэм и ф1ыгъэщ дызэрыщ1ык1урэ дэ псэущхьэхэр ф1ыуэ тлъагъуу дыкъызэрыхъуар…

Куэди къэтщ1ауэ, ди нэгуи ф1ыуэ зиужьауэ ди к1уэжыгъуэр къэсащ. Шы нэхъ дахэ дыдэу ик1и нэхъ лъэщу и1эхэм щыщу т1у ди адэшхуэм къыщ1ишри, мэкъу 1эмбатэ зэрылъ гум щ1ищ1ащ. Гум щ1эт автомобил шэрхъ дэгъуэхэр, къызэрыщ1эк1ымк1э, нэмыцэхэм къыф1атхьэкъуахэм ящыщт. Мэкъур ди адэшхуэм кумбу зэлъы1уитхъури, абы чийм къыхэщ1ык1ауэ матэ хъар

хигъэуващ. Абы дригъэт1ысхьэри: «Зывмыгъэхъейуэ 1эдэбу фис!» - унафэ къытхуищ1ыжащ.

Къаншыуей к1уэ гъуэгум дытехьауэ дык1уэц1рок1. Зэман-зэманк1эрэ гу лъыдотэ шагъыр зэрыт гъуху п1ащ1э ц1ык1ум ди адэшхуэр зэрыхуе1эбэк1ым. Уэрэдри къыхедзэри, абы ину ирешажьэ. Хуэму ик1и щабэу дыздэк1уэм, жейр къытток1уэри, зэкъуэш ц1ык1уит1ыр ды1урех. Зы макъышхуэ гуэрым дыкъызэщегъэу. Дызэрыс матэр хуэму ек1уэт1эхым-ек1уэтэхыурэ шыгум ищэтык1ауэ къыщ1ок1. Матэм дису гъуэгущхьэм дыкъытенащи, къэхъуар занщ1эу къыдгуры1уэркъым. Ди шыгухуращи, сабийхэр зэрыс матэр зэрыф1эк1уэдам гу лъимытауэ к1уэц1рок1, и уэрэдым, к1уэ пэтми, нэхъри зригъэ1этурэ и гъуэгум хегъэщ1.

Т1эк1у зыкъэтщ1эжа иужьк1э, метрищэ хуэдэк1э 1ук1ыну хунэса шыгум дык1элъе1эну щ1ыдодзэ, нэгъуэщ1у жып1эмэ, матэ дызэрысар къыдощтэри, шыгум «дык1элъопхъэр». Гъэщ1эгъуэну къыщ1эк1ынт, мо дыгъэм иса, сабэм иуф1ея щ1алэжь ц1ык1уит1ым езыхэм нэхърэ нэхъ иныну чий матэр гъуэгум пхралъэфу лъэныкъуэк1э укъыщеплъыну. «Деда, Деда! Стой! Вернись!» - асыхьэтым иджыри къэс тхужымы1а урысыбзэри къыджьэдолъэт зэк1элъыпыту. Аращхьэк1э ар жыжьэ1уэ хъуащи, л1ыжьым дызэхихыркъым. 1эмалыншэ дыщыхъум, дызэрыса матэр дгъэуври, абы дит1ысхьэжащ. Дытесщ гъуэгущхьэм. Дыц1ык1уми, л1ыгъэм зедгъэхьри дыгъакъым, дызэгупсысыр ди адэшхуэм матэр зэрыф1эк1уэдам гу лъитэмэ, къыщыщ1ынк1э хъунурт.

Зэман гуэр дэк1ауэ (зы мащ1эми, ар илъэс псоуэ дэ къытщыхъуагъэнт) дадэ къызэплъэк1ри, сабийхэр зэрыса матэр гум зэримытыжыр къилъэгъуащ. Маф1эгу кърижэ къытф1эщ1ат, шыхэр абы апхуэдизк1э хуабжьу къихурти.

Зыри къытщымыщ1ауэ, «дыкъакъэ-дыпщ1ыпщ1у» ди адэшхуэм дыкъыщигъуэтыжым, гуф1эщауэ сыт хуэдэу адыгэбзэр абы игъэшэрыуэрэт, дэрати - урысыбзэк1э дыкъэпсэлъат. Л1ыжьыр гъырт, зэми дыхьэшхыжырт, к1эщ1у жып1эмэ зыкъомрэ абдеж дыщысыжащ и гур къызэрыгъуэтыжыхунк1э. Ди адэшхуэр къыдэлъэ1урт къэхъуар зыми яжедмы1эжыну. Хэт ищ1эрэ, ит1анэ ф1ыуэ илъагъу и пхъурылъхухэр хьэщ1ап1э хуамыгъэк1уэнк1и хъунут.

Абы псалъэ еттар т1ыгъыжащ, сэ зыми закъезгъэщ1акъым, си къуэшрати, дынэсыжыхук1э дызыхэтар щыгъупщэжагъэхэт. Дауэ мыхъуами, ди адэшхуэм зэман к1эщ1ым дерсыф1 къыдитат. Унэм дыщыкъуейщ1еижыныр дэнэт, джэдкъазымрэ 1эщымрэ зрахьэнымк1э ди адэ-анэм дадэ1эпыкъуу дежьэжащ. Сыт хуэдэ 1уэхуми дыхуигъэсащ ди адэшхуэм, ауэ а зэманым абы езым и щхьэм мыгъуагъэ хуихьыжырт ди адэ-анэр къызэригъэгугъа ди урысыбзэр, дауэ имыщ1ами, «ещ1экъуауэу» дыкъызэриут1ыпщыжам щхьэк1э.

Апхуэдэу бзэха матэм и хъыбарыр ф1ык1э иухащ.

К1ЭРАШЭ Михаил.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

Си анэшхуэ Еленэрэ, Фаризэтрэ я фэеплъу.

Кхъухьлъатэ

Ди анэм и 1ыхьлыт Степан. Ар 1эщхэр 1усыпхъэк1э къызэгъэпэщын 1уэхум хэтт, нэхъыбэрэ Беслъэн къалэм бардэ къришурэ Раздольнэ жылэм щызэбгришырт. Зэгуэрым ар ди деж къыдыхьащ. Степан здэк1уэр ди анэшхуэр зыдэс къуажэрати, ди анэр абы елъэ1уащ си къуэшымрэ сэрэ дыздишэну. Адыгэ къуажэм къыщыхъуа щ1алэжь ц1ык1уит1ыр япэу урыс жылэм дыдыхьэну арати, дытепы1эртэкъым. Раздольнэм дэсыр нэхъыбэу Украинэм къик1ахэрт.

Ди анэр урысыбзэк1э къыдэпсэлъами (и анэдэлъхубзэр арат), ди хьэблэм дэ зэпымычу щызэхэтхар адыгэбзэт. Иджы украинэбзэри зэхэтхыну 1эмал къытхукъуэк1ат. Пэжыр жып1эмэ, бзищри тф1ызэхэзэрыхьыжырт, ауэ си къуэшымрэ сэрэ зыми дыкъигъэдзыхэртэкъым…

Ди анэшхуэ Еленэ ц1ыхубз тк1ийт. Щ1алэ ц1ык1ухэр дызэрыкъуейщ1ейми ф1ыуэ щыгъуазэрти, ар 1уэхум хуэхьэзыру къытпежьащ. Нэгъуэщ1у жып1эмэ, зыми дызэрыхуимытыр ди анэшхуэм занщ1эу къыдгуригъэ1уащ: пщ1ант1эм дыдэк1мэ, цыджанхэм «дахьынк1э» хъунут, хадэм - бжьэхэр къыщыдэуэнут, Тэрчыпс дыхыхьэмэ, дрихьэхынут… къэнэжыр зы щ1ып1э деж дыкъэмып1эт1ауэу дыщысынырт. Апхуэдэ «гъащ1эр» дэ хьэзабу къытщыхъуащ. Хуэмурэ ди анэшхуэ бзаджэм дызэрык1эщ1эк1уэсык1 хъунум егупсысын щ1эддзащ. Ди плъап1эр - дыщыщхьэхуит Къэбэрдейрт. Ауэ къыдгуры1уэрт ар тыншу тхузэф1эгъэк1ыну 1уэхухэм зэращымыщыр - дэнэк1э дымыгъазэми, ди анэшхуэр набдзэгубдзаплъэу къыщытк1элъыплъырт.

Лъагъуэ гуэри тхухэмышурэ махуэхэр къызэрыгуэк1ыу к1уэрт. Ауэрэ ди ныбжьэгъухэмрэ ди анэшхуэ Фаризэтрэ дахуэзэшын щ1эддзащ. Нэхъри ди

Къаншыуей нанэм зыри къытпиубыдыртэкъым: курпыпс ц1ык1уми дыхигъэхьэрт, губгъуэми ди закъуэу диут1ыпщырт.

… Махуэ гуэрым си къуэш ц1ык1умрэ сэрэ дыкъепэзэзэхыу дытест бжыхьым. Раздольнэм я бгым зэман-зэманк1эрэ къыкъуэлъэтык1 ик1и абык1э щет1ысэхыж кхъухьлъатэ мыиным (кукурузник) дыхуей-дыхуэмеищэу дык1элъыплъырт. Къаншыуеи апхуэдэ зы аэродром ц1ык1у зэрыщы1эм дыщыгъуазэт. Асыхьэту дигу къэк1ащ: «Сыту ф1ы хъунт а кхъухьлъатэмк1э ди къуажэм дылъэтэжыфамэ», - жыт1эу.

Ди анэшхуэр кхъуэхэр игъэшхэну 1уэм щихьэм иредгъэхьэл1эри (дэ абы жыжьэуи-гъунэгъууи дригъэк1уал1эртэкъым, кхъуэ шырхэр тп1ыт1ыжыну жи1эрти), зитчащ. Къуажэ уэрамыкум диувауэ кхъухьлъатэхэр щытелъэтык1ыу тлъэгъуа 1уащхьэмк1э дожэ. Метр 200 е 300 тк1уами арагъэнт, ди анэшхуэр къытк1элъыжэу къыщытлъэгъуам. «Къэвгъазэ!» - шынагъуэу къэгуот ар. Куэд къэнэжатэкъым 1уащхьэм дынэсыным, арщхьэк1э ди анэшхуэм ды1эщ1эк1ауэ дызэрыжэм гу лъызыта зы л1ы гуэр къытпэуври дыкъигъэувы1эжащ. Ди анэшхуэр апхуэдизк1э къэгубжьати, зимыщ1эжу украинэбзэк1э къыдэшхыдэрт, ар дэ нэхъ гъэщ1эгъуэныж тщыхъурти зыуи къытщымыхъуу дыдыхьэшхырт. Дауэ къемык1уми, дэ а дакъикъэм ди анэшхуэм «дызэрыхурикъужамк1э» дызыхуэарэзыжт. Дригушхуэрт ди махуэ фагъуэхэр зыгуэрк1э нэхъ щ1эщыгъуэ зэрытщ1ыфами.

Ди зэхэзек1уэхэр куэдрэ яшэчынт, мыгувэу Степан къраджэри, абы адэк1э ди анэшхуэм къытк1элъыплъыну къару зэримы1эжыр жра1ащ ик1и елъэ1уащ Къаншыуей дишэжыну.

Пщэдджыжьым Степан и шыгумк1э къы1ухьэри, ди анэшхуэ Фаризэт и деж, Къаншыуей, дишэжащ. Дыкъыздэк1уэжам къыщытпэплъэр нэхъ тыгъэшхуэт - иджыри зы къуэш ц1ык1у къытхэхъуат. Благъэри 1ыхьлыри щ1эупщ1эрт урыс анэшхуэм и деж дыкъызэрыщыхьэщ1ам, зэдгъэлъэгъуам. Вовэрэ сэрэ зык1элъыдгъэп1ащ1эу псори яжет1эжырт: Раздольнэ жылэм дызэрыщыпсэуари кхъухьлъатэр «къэдгъэ1урыщ1эну» дызэрыхэтари. Псом хуэмыдэу къыхэдгъэщырт нанэ Еленэ и ц1ыхуф1агъымрэ абы игу зэрыхэдгъэщ1амрэ. Дгъэхъахэм я пэжып1эр, дауи, Степан псоми яжри1эжат.

Тф1эф1 дыдэу иджы дыщы1энут ди анэшхуэм деж, арщхьэк1э…

К1эрашэ Михаил,

2016 гъэ, щ1ышылэ.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

Си къуэш К1эрашэ Тимофейрэ Валерэрэ я фэеплъу

ЩХЬЭЛ

Дыщыц1ык1ум ди адэ-анэм куэдрэ ди закъуэу пщ1ант1эм дыкъыданэн хуей хъурт. Илъэситху хъуа сэрэ зы илъэск1э сэ нэхърэ нэхъыщ1э Вовэрэ нэхъыжьу дыкъагъанэрти, зи ныбжьыр илъэсит1ым нэса къудей Тимошэрэ илъэсым ит Валерикрэ дак1элъыплъырт. Дак1элъыплъри хэт ищ1энт, пщ1ант1эм ахэр дэмыпщын щхьэк1э, я лъакъуэм к1апсэ к1ыхь итщ1эрти, езыхэми нэжэгужэу къапщыхьу, дэри щхьэхуиту дыджэгуу дыдэст.

Гъуэгум узэпрык1мэ, ди унэм хуэзанщ1эу щхьэлыжь гуэр щытт. Ар кхъухь хужьышхуэм нэхъ зэзгъэщхь абы щыгъуэм щы1этэкъым. Чырбыш плъыжьк1э зэтралъхьами, илъэс куэдым къриубыдэу абы къыщ1ихуа хьэжыгъэ сабэм ар хужьыфэ ищ1ат. Щхьэлым и унащхьэм жьындухэр ист. Жэщ зэрыхъуу, ахэр къилъэтык1ырти, жыг къудамэхэм къытет1ысхьэрт, я джэ макъым нэхъ ц1ык1ухэр дызэбгригъэжырти, дыгужьеяуэ унэхэм зыщ1эддзэжырт. Ар ди анэм ищ1эрти, дыщыхуэмыгъэбэяум: «иджыпсту жьындухэр къэлъэтэнущ, щ1эхыу фыгъуэлъи фыжей», - жи1эрти къытхурикъурт.

… А зэманым Къэбэрдей Ц1ык1ум и Курп район псом зы щхьэл закъуэт щы1эри, ари ди къуажэм дэтрат. Гъунэгъу къуажэхэми, уеблэмэ нэхъ тпэгъунэгъу щ1ыналъэхэми (Осетие Ищхъэрэ-Алание, Ингуш республикэхэм) я1эм елъытауэ, вы, махъшэ, шы, шыд зыщ1эщ1а гухэмк1э къик1ыурэ ц1ыхухэм я гъавэр абы щахьэжырт. Къэпхэр я пл1эм илъу къуажэдэсхэм я нэхъыбэр щхьэлым къак1уэрт. Нэхулъэр къызэк1эщ1итхъыу щыщ1идзэ къудейм абыхэм я псалъэмакъымрэ шыхэм я щыщ макъымрэ

дыкъыз эщ1игъэушырт, асыхьэтуи дыкъэтэджырт. Апхуэдэу нэхущым щегъэжьауэ, жэщыр хэк1уэтэхук1э лажьэрт къуажэ щхьэлыр.

Щхьэл щ1ыхьэп1эм уф1эк1ыну ухуиттэкъым (абдежт гъавэр къыщы1ахыр), моторыр гъуахъуэу адэк1э щылажьэрт, мывэ щхьэлым гуэдзыр, нартыхур, хьэр, хугур хьэжауэ къыщ1игъэк1ырт.

Щхьэлым щ1эт хьэкушхуэм зэпымыууэ сэхураныр тезу тек1утат, ар ягъэлыгъуэрти, дагъэр къыщ1ахужырт. Си 1ум ноби итщ абдеж ц1ык1ухэм къытхуашийуэ щыта мак1уху пщтырым и гурыхьагъыр. Хьэлыва 1эф1ыр уигу къигъэк1ырт ар щыпшхк1э… сыт хуэдэуи тф1эф1т дэ ар!

Щхьэлым щ1ыхьэну хуитыныгъэ зрат мащ1эм дэ дащыщт - сэрэ Вовэрэ. Абы и щхьэусыгъуэри дымыщ1эу щыттэкъым - ди анэм иригъаджэрт щхьэлтетым и бынхэр. Зи нэ лъэныкъуэм имылъагъуж а л1ы 1эчлъэчыр мазут1ым ф1ыц1э ищ1арэ пщ1энт1эпсыр ирикъуэк1ыу къижыхьу ф1эк1а плъагъунутэкъым.

Щхьэлым ихьэжар пхъэ ашыкхэм кърак1утэрти, ит1анэ пэгунк1э зэбграхыжырт. Языныкъуэхэми къэп хьэзыр я1ыгъмэ, бжьамийм щ1аубыдэрти кърагъэщащэрт. А 1уэхутхьэбзэм ахъшэ щ1атыртэкъым, яхьэжам и 1ыхьэ гуэр къы1ахт армыхъумэ. Зыр адрейм дэ1эпыкъуу, зэрыхьзэрий лъэпкъ къэмыхъуу чэзур псынщ1эу ек1уэк1ырт.

Щхьэлым щылажьэхэр хьэжыгъэ защ1э хъурт, уеблэмэ я напи хыумылъэгъук1ыжу. Апхуэдэм деж дэ абыхэм псысэ л1ыхъужь гуэрхэр къахуэдгупсысурэ ди зэманыр нэжэгужэу дгъак1уэрт. Ауэ нэгъуэщ1 зы лъэныкъуэк1э ар къыттехьэлъэрт: щхьэлым къигъэ1у 1эуэлъауэр апхуэдизк1э инти, ц1ыхуит1 зэгуригъа1уэртэкъым, абы къыхэк1ыу 1эпэтэрмэшу псори зэпсэлъэн хуей хъурт. Къищынэмыщ1ауэ, абы пэгъунэгъуу щыт унэхэм я абджхэр щигъэзджызджыр нэхъыбэт. Зыдгъэпсэхуну абы 1эмал къыщыдитыр жэщрати, ар ди гуф1эгъуэшхуэт. Нэгъуэщ1 къуажэхэм къик1ыурэ я гъавэр яхьэжтэкъэ-т1э?! Зи чэзум нэмысурэ щхьэлыр щызэхуащ1ыжым деж, ц1ыхухъухэм абдеж жэщыр щагъак1уэрт. Щхьэл дыхьэп1эм маф1э щащ1ырти, абы пэрысу хъыбархэр жа1эжу нэху ягъэщырт. А псори дэ ди нэгу щ1эк1ырт, щхьэлыр дызэригъунэгъум къыхэк1ыу. Щ1алэ ц1ык1ухэм хамэ щ1ып1э нэс кърахуа, иджыри гъуэгуанэ къызыпэщылъ псэущхьэхэм псы яхуэтхьурэ щедгъэфа куэдрэ къытхуихуащ.

Махуэ псор щыдгъэк1уэфырт а щхьэлым. Ди сэбэпынагъ гуэри едгъэк1ырт лэжьак1уэхэм. Псалъэм папщ1э, хьэжыгъэр къэпхэм къыщрак1утэк1э, дэ 1эмал имы1эу дэ1эпыкъуэгъуф1 дыхъурт. Щхьэхуит дыкъыщыхъужым, щхьэл щ1ыбагъым щигъэувык1а чейхэм ярыт псы пщтырхэм зыщыщ1эдгъэмбрыуэрт. Абы хьэлэмэту хэлърати, зыуи къытщыхъуртэкъым чейхэм щагъэупщ1ы1у хабзэ гъущ1ык1эхэм къак1эрык1 дагъэм дыкъызэриц1алэри. Иужьк1э ди анэм сабын ф1ыц1эк1э дигъэкъабзэжырт…

Тф1эпсэк1уэд хъурт махуэ псок1э к1арц жыгхэм к1эрыт шыхэр. Си къуэш ц1ык1умрэ сэрэ зэгуэрым мурад тщ1ащ дек1уэл1эфын хуэдэу нэхъ зэп1эзэрыту къытщыхъу зы псэущхьэ дут1ыпщыжыну. Зыми

дыкъыщамылъагъу п1алъэ зидгъахуэри, шыр жыгым къык1эрытпхык1ащ: «К1уэж!», - дысакъыу абы к1элъыддзащ. Шыр щхьэхуит зэращ1ыжар и ф1эщ мыхъущэ хуэдэ, хуэм дыдэурэ лъэбакъуэ ц1ык1ук1э щхьэлым 1ук1уэту хуежьащ. Гъэщ1эгъуэнрати, тэлай къэсыхук1э, ар къызэплъэк1ыжырт: «Сыщымыуэу п1эрэ?», - жыхуи1эу.

Щхьэлым метр 300 хуэдизк1э пэ1эщ1э хъуа нэужь, шым лъэхъулъэущ зищ1ри, нэхъ тегушхуауэ и гъуэгу хигъэщ1ын щ1идзащ - гъавэншэрэ зыхуар имышэжу. Шыр и закъуэу щыдыхьэжым, зыхуэк1уэжахэм гущтэ къащтащ, тхьэмадэр к1уэда къаф1эщ1ри. А шы дыдэм къуэр ягъэшэсащ, ик1эщ1ып1эк1э Къаншыуей жылэ нэсу къэхъуар зыхрагъэк1ыну. Мыдэк1и, куэд дэмык1ыу л1ым гу лъитащ и шыр зэрыщымытыжым. «Ар дауэ къэхъут? Дэнэ к1уа?», - гуоун щ1идзащ абыи. Ц1ыхухэр къызэхуэжэсащ, къэхъуар зрагъэщ1эну. Арщхьэк1э зэман щ1агъуи дэмык1ыу, езыр кърагъэлъыхъуэжыну кърагъэжьа шууейр къэсри, 1уэхур зы1утыр къагуры1уащ, хэти зэпхыдыхьэшхык1ыурэ л1ым къыщ1энэк1ащ. А псом дэ лъэныкъуэк1э щэху зытщ1ауэ дыкъыщеплъырт…

Куэдрэ дигу къеуащ а щхьэлыр якъутэжа нэужь. Къуажэхэм токур к1уэц1рашри, макъышхуэ езымыгъэщ1у лажьэ, хьэжыгъэр нэхъыбэу къыщ1эзыгъэк1 нэгъуэщ1 щхьэл ц1ык1ухэр къэунэхуащ. Щхьэлыжьыр зыкъомрэ яхузэтехыжакъым, апхуэдизк1э зыхуей хуэзауэ быдэу ар ящ1ауэ щытати.

Щхьэл унащхьэм иса жьындухэри псэуп1эншэ щыхъум, гъунэгъу унэхэмк1э 1эпхъуащ. Ц1ык1ухэм тхуэмыгъуэтыххэр арати, ди унащхьэм къит1ысхьа бзухэм тф1эхьэлэмэту дак1элъылъырт, уеблэмэ шырхэм лы гъэвахэр яхудэтхьейрт. Жьынду анэхэм ф1ыщ1э къытхуащ1у къытф1эщ1ырт, я нэ п1ащэ гъуэжьыфэхэр къыттраубыдэу, бзэрабзэу щыхуежьэк1э.

Зэман дэк1ри, щхьэлыр жылэдэсым зэбграхыжыпащ, зы чэрбыши гъущ1ыпи абы къыхэмынэу. Ауэ а зэманым хиубыда зэкъуэшхэм ар ди гум къинащ кхъухь хужьышхуэм едгъэщхьу зэрыщытам хуэдэу. Языныкъуэхэми си нэгум иджыри къыщ1оувэ я чэзум ежьэу щхьэлым деж уэршэру щызэхэт ц1ыху гуп…

К1эрашэ Михаил,

2016 гъэ, мазае.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

Си адэшхуэ К1эрашэ Жэмал
фэеплъ хузощ1

ПСЫКЪУИЙ

Си къуэш нэхъыщ1э ц1ык1у Вовэрэ сэрэ ди адэм Мэртэзей (иджы Тэрч къалэщ) дишат ди адэшхуэр къытк1элъигъэплъыну. Езыр дзэ сымаджэщым гъуэлъын хуейт, зауэм хиха фэбжьым къигъэдзыхати.

Ди адэшхуэ Жэмал Мэртэзей гъущ1 гъуэгум пэмыжыжьэу щыпсэурт. Ардыдэми жэщым хъумак1уэу щылажьэрт. А зэманым абы и пщэрылъ нэхъыщхьэ дыдэр Канадэм къраша, Александровскэ жылэм дэт спирт заводым щхьэк1э станцым кърашэл1а нартыхур ихъумэнырт. Дэ махуэм и зэманыр къыддигъак1уэрт, ит1анэ лэжьак1уэ к1уэрт. Зэзэмызэми дыздишэрт абы и лэжьап1эм. Апхуэдэ махуэхэр дэ ди 1ут1ыжт: нартыху самэшхуэхэм дыхэсу зыкъредгъэхьэхырт, зэми абы зыщ1эдгъэмбрыуэнти, Жэмал зыкъедгъэлъыхъуэнт.

А псом и щ1ы1ужк1э, ди адэшхуэм мэкъуауэ дыздишэрт, Арыкърэ Александровскэ жылэмрэ я зэхуакум дэж псы ц1ык1уми бдзэжьей ещэк1эм дыщыхуигъасэрт. Бдзэжьей къуэлэныр хэзт а псым. Аращхьэк1э, сыплъэгъуамэ сыплъэгъужынукъым, жыхуа1эм ещхьу, уи лъакъуэхэм дэжу бзэхыжынт. Дэри ерыщ дек1уэрти, бдзэжьей гупышхуэхэр п1ейтей тщ1ырт.

Жэмал пщ1ант1эм щыдэмысым, абы ипхъу нэхъыжь Сонярэ и щхьэгъусэ Мэчрэ1илрэ я нэ1э дыщ1этт. Ахэр зы унэ къэбгъанэм адрейм щыпсэурти, щ1эх-щ1эхыурэ ди адэшхуэм 1уэхук1э къык1элъы1эбэрт. Езыхэм бын зэрамы1эрагъэнт, къытхуэсакъырт зэл1зэфызыр. Дгъэщ1агъуэрт мылъагэ дыдэу узы1уплъэ бзылъхугъэмрэ метрит1ым щ1игъу зи инагъ Мэчрэ1илрэ щызэдгъапщэк1э. Аращхьэк1э Соня и щхьэгъусэм сабийм хуэдэу хуэсакъырт: «Щэхуу, щэхуу», - къыджи1эрт абы, Мэчрэ1ил жэщым лэжьауэ щхьэукъуэну

зыщигъэук1уриям деж. Арати, зэран дымыхъун щхьэк1э, дэ Жэмал дежк1э дежэк1ыжырт.

Ди адэшхуэм хадэ иныф1 дыдэ зэрихьэрт. Абы и курыкупсэм хуэзэу псыкъуий щытт. Хьэлэмэту зэтраухуат абы и лэжьэк1эр. Псыкъуий лъащ1эм бжьамий ирахьэхауэ, абы и к1уэц1ым илъ цепыр ягъэк1эрахъуэурэ архъуанэу псыр абык1э къыдрашейрт. Ар хьэкхъуафэм къилъадэрти, бжьамийхэмк1э губгъуэ псом щызэбграшыжырт: помидорми, нащэми, хъарбызми, хъэуанми, жыгми псыр щ1элъадэрт. Псыр ек1уал1эрт 1эщхэр зыщ1эт 1уэми джэдэщми.

Мы псыкъуийм метрищ и кууагът. Къаншыуей щыди1эр метр 30-м нэблагъэк1э ет1ыхат. Дыдейм къыщхьэщык1ыу, ди адэшхуэм и псыкъуийм и к1уэц1ри мывэ хъурей зэмыфэгъухэмк1э къэгъэт1ылъыхьыжат. Псыкъуийм ит псым ущызык1ыщ1эплъу къабзэт, пшахъуэ хьэдзэ нэгъунэ хэплъагъук1ырт. Абы зы бдзэжьей къуэлэнышхуэ, удзыфафэ хъужу, хэст. Нэхъыжь ди мыгъусэу, псыкъуийм дыбгъэдыхьэну ди адэшхуэм зэи хуит дищ1ыртэкъым. Дэ дызыхуеиххэр а зырт: махуэ псор абдеж щыдгъэк1уэфынут, бдзэжьейр дгъашхэу.

Зы махуэ гуэрым ди адэшхуэм и унафэм дебэкъуащ. Тхьэмахуэ махуэу ар май жылэм (иджы къалэщ) щызэхэт жармык1эм к1уат. Дэ, зэрыхабзэу, Сонярэ Мэчрэ1илрэ дыкъыхуигъэнащ. Мэчрэ1ил лэжьыгъэ нэужьым зигъэпсэхуну гъуэлъащ, дэ ар къэдмыгъэушын щхьэк1э, Соня ди адэшхуэм и щ1ап1эмк1э щхьэхуиту диут1ыпщащ.

Зыри къызэрытк1элъымыплъым дыкъигъэбырсейри, Вовэрэ сэрэ мурад тщ1ащ псыкъуийм «щыпсэу» бдзэжьейр дгъэшхэну. Шхап1эм зы щ1акхъуэ п1ащ1э къыщыдздэтщтэри, бжыхьым депк1ащ (хадэбжэр 1унк1ыбзэ къэбк1э гъэбыдат). Деп1эщ1эк1ыу псыкъуийм дыбгъэдэлъадэри, щ1ахъуэ 1ыхьэхэр бдзэжьей къуэлэным хуэддзыу дыхуежьащ. Тф1эхьэлэмэту дык1элъыплъырт бдзэжьейм зыкъыхидзурэ псым нимыгъэсу щ1ахъуэр къызэриубыдым.

Куэд дэмык1ыу а 1уэхури къыт1эщ1эужэгъуащ. Абдежым зэуэ сигу къэк1ыжащ псыкъуийм дыгъэпс махуэм уехмэ, жэщым уафэм вагъуэхэмрэ мазэмрэ къызэрит1ысхьэм хуэдэу плъагъуу ди анэм къызэрыджи1эжар. Си къуэш ц1ык1ум сеупщ1ащ: «Ухуей махуэу вагъуэхэр плъэгъуну?», - жыс1эри. Ар занщ1эу арэзы хъуащ.

Арщхьэк1э сэ зыкъомрэ сытегушхуакъым псыкъуийм сехыну. Ик1эм-ик1эжым бжьамийр субыдри, хуэмурэ сепщыхуу щ1эздзащ. Куэд ск1уатэкъым, мывэ псы1эхэм сец1энтхъуэхыу си щхьэр щ1игъанэу псы щ1ы1эмылым сыщыхэхуэжам. Зыкъыщ1эзгъэмбрыук1ыжащ, ауэ псыр сэ нэхърэ нэхъ лъагэу псыкъуийм итщи, сыкъыхэк1ыжыфыркъым. Лъапэпц1ийуэ сыщыту, си пэр псым къыхэсшиик1ауэ собауэ.

Бдзэжьей къуэлэнышхуэр гужьеящи, темыпы1эу псыкъуийм и хъуреягък1э зыщеутхыпщ1, зэ т1эуи и к1апэмк1э си напэр кърехулэк1. Си нэм хъуаск1эр къыщ1ихащ. И щхьэмк1э тет Вовэ вагъуэхэр слъагъурэ сымылъагъурэ зригъэщ1эну къек1иех ф1эк1а, сызыхэхуа гузэвэгъуэр къыгуры1уэркъым. Соплъэри, езыми зегъэхьэзыр псыкъуийм къипщхьэну. Сыкъэгузэвэпати, къарууэ си1эр зыхызолъхьэри сыкъо1э псыкъуийм

сыкъыдэк1уеижыну. Арщхьэк1э мывэ псыфхэм соц1энтхъуэхыжри, псым сыхохуэж. Вовэ сыкъегиящ: «Вовэ, псынщ1эу жэи Мэчрэ1ил къеджэ. Сыкъыдэпщеижыфынукъым!», - жызо1эри.

Псыр апхуэдизк1э щ1ы1эмылщи, бауэк1эщ1 сищ1ащ, си дзэхэр сф1ызэтоуэ, си лъакъуэхэр зэхэсщ1эжыркъым. Дакъикъит1-щы дэк1ауэ, л1ы зыбжанэ псыкъуийм къы1улъэдащ, Мэчрэ1ил я пашэу. Ар занщ1эу къелъэри сызэщ1ипхъуэтащ, адрейхэм сахуишийри, псыкъуийм сыкъралъэфыжащ. Щ1ым яубгъуа щ1ак1уэм асыхьэту сык1уэц1агъэджэрэзащ, хъыдан гъущэк1э си 1эпкълъэпкъыр ялъэщ1ым, «арак» щахуэурэ, зыкъызагъэщ1эжащ.

«Псыкъуийм уихуэн хуей щхьэ хъуа?», - къызоупщ1 псори. Сэ яжызо1э вагъуэхэмрэ мазэмрэ слъэгъуну сызэрыхуеяр. Хъыбарыр зэхэзыха гъунэгъухэри Жэмал деж къожэк1, къэхъуам и пэжып1эр зэхагъэк1ыну. Хэти къысхуогузавэ, сакъыгуро1уэри, языныкъуэхэри къысщодыхьэшх: «Плъэгъуа-т1э вагъуэхэр?», - жа1эурэ. Сэри си ф1эщу жэуап язотыж а псом сык1элъыплъыну зэман сызэримы1ар, си псэм «сызэрыщ1эбэнар».

Ди адэшхуэ Жэмал ямыгъэгужьеин щхьэк1э, зэхэлъадэри жа1энумрэ ящ1энумрэ уэрамдэсхэм къагупсысащ. Къалмыкъым и уэрамым ищхьэ дыдэм щыпсэу, ди адэшхуэм и ныбжьэгъу л1ыр абы прагъэжьащ и къэк1уэжыгъуэм ирихьэл1эу. Иригъэблагъэри, 1энэ къыхуищтащ. Ауэрэ псалъэм уэршэрурэ, абыхэм гъусэ зыкъыхуащ1ащ Мэчрэ1ил зи пашэ адрей ц1ыхухъухэми. Арщхьэк1э щ1алэ ц1ык1уит1ым къытщыщ1ар жызы1эфын къахэк1тэкъым. Арати, чэзуурэ хъуэхъур я1этын щ1адзащ. Ди адэшхуэм хуэхъуахъуэурэ, «щ1алэ ц1ык1уит1ри зэрыгубзыгъэ, 1ущыцэ, езыр-езыру я 1уэхур зэрызыф1агъэк1ыжыф», - жа1эу хуежьащ.

Ди адэшхуэр зэщ1эдэ1ук1ри, зыгуэр гурыщхъуэ ищ1ащ. «Къэхъуар фымыбзыщ1у иджы къыжыф1эт», - къахуэтк1иящ щысхэм. Псоми зэуэ чэфыр ящхьэщык1ыжами ярейт. Сыт ящ1энт, шынапэурэ: «Псыкъуийм ихуащ», - къыдрашеящ абыхэм. Хабзэм тету 1энэри зэхуимыщ1ыжу, ефэ-ешхэр къызэхинэри, ди адэшхуэр къыщылъэтыжащ. Дыпсэурэ дыузыншэрэ зригъэщ1эныр нэхъ ф1элъап1эт абы а дакъикъэм.

Зыри къытщымыщ1а хуэдэ, нэжэгужэ дыкъэхъужауэ дыщысу ар къыщыдихьэл1эжым, къыдэшхыдэжакъым. «Сыт, ц1ык1ухэ, фыхуей иджыри псыкъуийм фелъэну?» - жи1эу къыдэупщ1а ф1эк1а.

Си къуэш ц1ык1умрэ сэрэ псалъэ быдэ ттащ апхуэдэ щхьэпсыншагъэ аф1эк1а зэрыдмыщ1энумк1э. Ди адэшхуэрати, ди адэ-анэм дыжри1эжакъым, дэри зыдбзыщ1ыжащ.

К1эрашэ Михаил,

2016 гъэ, мазае

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

КЛУБ

Губгъуэ лэжьыгъэхэм къыщыдэхуэм, къуажэдэсхэм я пщыхьэщхьэхэр нэхъ щ1эщыгъуэ ящызыщ1ыр клубым щ1эх-щ1эхыурэ къыщызэрагъэпэщ пшыхьхэрт. Къаншыуей жылэм щыпсэухэми т1орысэ дыдэ хъуауэ зы клуб ц1ык1у я1эт. Ар щхьэлымрэ амбулаторэмрэ я зэхуакум дэтт.

Клубым зэман-зэманк1эрэ Молдавием, Украинэм къик1ыурэ щ1ып1эхэр къэзэхэзык1ухь артистхэр къеблагъэрт, Москва, Ленинград къалэхэм щыщ циркачхэм зыкъыщагъэлъагъуэрт. Иужьрейхэм ц1ыхухэр къызэрыдамыхьэх щы1этэкъым. Къыздашэ хьэ бацэ ц1ык1ухэмрэ номин хьэлэмэтхэмрэ сабийхэр, шэч хэмылъу, дытрагъэурт. Ауэ ц1ыхухэр я шэнтхэм къеук1уриехыу зэбгрыжырт, артистхэм я къэлътмакъхэм блэ «шынагъуэхэр» къыщрахым. Зыри тегушхуэртэкъым а хьэпщхупщым гъунэгъу зыхуищ1ыну.

Фокус зыгъэлъагъуэхэм я1ыгъ пы1э ф1ыц1эшхуэхэр-щэ! Къарымык1ыр ук1уэдыж - тхьэрыкъуэхэм къыщыщ1эдзауэ лент1 зэмыфэгъу к1ыхьышхуэхэм щыщ1эк1ыжу. Пэшым щ1эсхэм я бохъшалъэхэр бзэхынти, асыхьэтуи я мылъку т1эк1ур а пы1э ф1ыц1эшхуэм къыщыунэхужынт. Къуажэдэсхэм ар телъыджэ зэращыхъур я 1эгуауэ макъхэмк1э кърагъэлъагъуэрт.

Апхуэдэ пщыхьэщхьэхэр фэтыджэн уэздыгъэк1э къагъэнэхуурэ ирагъэк1уэк1ыу арат. Токур къуажэ пхыдзам иджыри нэсатэкъым. Языныкъуэхэми машинэ т1орысэ дыдэм дэсу районым къик1 киномеханикым (абыи тхьэмахуэм зэ е т1эу фильмхэр игъэлъагъуэрт) артистхэр гуры1уэрти, абы иригъэдз уэздыгъэмк1э утыкур кърагъэгъэнэхурт.

Унагъуэурэ къек1уал1эрт апхуэдэ пшыхьхэм, дэтхэнэми езым и шэнтыр къыздихьыжырт. Щ1алэгъуалэм тет1ысхьэп1э к1ыхьхэр гъунэгъу кхъэм къралъэфырт, т1ысып1эншэу къэна щы1эми, щхьэгъубжащхьэхэм къыщет1ысэк1ырт е щыту еплъырт. Апхуэдэу ц1ыхуи 100-м тещ1ыхьа клубым 300-м щ1игъуми зыщ1агъахуэрт.

Пшыхь нэужьым уэм хъуа пэшым, я пщ1энт1эпсыр иракъуэк1ыу, щхьэж къихьа т1ысып1эр и 1эдэжу къыщ1эк1ыжырт, ауэ зэбгрык1ыжыртэкъым. Ахэр нэху щыхук1э щ1ыбым деж щеплъынут клуб блыным трагъапсэ индие фильмхэм. Къуажэдэсхэм апхуэдэу я гъэмахуэ жэщхэр ягъак1уэрт.

Клубым щылажьэрт театрым хуэзыгъасэ гупжьейи. Еджак1уэ нэхъыжьхэм Чехов Михаил и пьесэхэм къытращ1ык1ыурэ спектаклхэр адыгэбзэк1э ягъэувырт е езыхэм зэхалъхьа лэжьыгъэхэр ягъэлъагъуэрт. Къуажэдэсхэр абыхэми зыхагъэныртэкъым. Псори зэрыщ1эмыхуэм къыхэк1ыу, къуажэ клуб ц1ык1ум ахэр гъуэрыгъуурэ къек1уал1эрт, спектаклыр щэ, пл1э ягъэлъагъуэжын хуей хъурт.

Клубым щек1уэк1 1уэхугъуэ нэхъыщхьэхэм ящыщт парт зэхуэсхэри. Апхуэдэ махуэхэм къуажэм дэс лэжьак1уэ нэхъыф1хэр орденхэмрэ медалхэмк1э ягъэпажэрт. Абыхэм яхэтт тракторымрэ комбайнымрэ тесу лажьэхэр, ехъул1эныгъэф1хэр къэзыгъэлъагъуэ жэмышхэр, нэгъуэщ1хэри.

… Абы щыгъуэм сэ илъэсих сыхъурт. Хыдзэл1хэм ятеухуауэ Шаляпин Федор зи л1ыхъужь нэхъыщхьэ фильм гуэр деплъыну зэныбжьэгъу ц1ык1ухэр клубым дык1уат. А пщыхьэщхьэм кинор и к1эм нэсу деплъакъым, зэпагъэури Сталиныр дунейм зэрехыжар хъыбару къыдагъэщ1ащ.

Асыхьэтуи пэк1ур зэхашэри, ди Пашэм щхьэк1э л1ы зыт1ущым псалъэ гущ1ыхьэхэр жа1ащ. Ц1ыхухэр гъыт-бжэрт: «Дауэ иджы дыхъуну?» «Дауэ дыпсэуну Сталиныншэу?» - жа1эурэ. Пэк1у нэужьым ц1ыхухэр хуэмурэ зэбгрык1ыжащ…

Къуажэ клубым сыт хуэдэ 1уэхугъуэ къыщамы1этми, т1ысып1э нэхъыф1ыр сыт щыгъуи хуагъэфащэрт адрей ц1ыхухэм емыщхьу «зи дуней» зи1эж Гуэщланэ. Абы хуэдэу къуажэм иджыри ц1ыхубзит1, К1ушэрэ Любэк1э еджэу, дэст. Жылэдэсыр абыхэм я шхынк1и сытк1и яхуэсакъырт, нэхъыщ1э ц1ык1ухэми ахэр зыми зэремыщхьыр къыдгуры1уэрти, зэи зэгуэдгъэпыртэкъым ик1и я жагъуэ тщ1ыртэкъым.

Ц1ыхум нэхъ яхыхьэ Гуэщланэ сабийхэм пщ1э лей хуащ1ырт. Ар бзылъхугъэ нэф1эгуф1эт, зэпымычу хъыбар гъэщ1эгъуэнхэм дыкъригъэда1уэрти, абы жи1э псор ди ф1эщ хъурт. Ар къэзымыц1ыхухэр зы меданым, щынэ ц1ык1уу закъыщигъэхъуу, къигъэпц1эфынут. Апхуэдэу сыт хуэдизрэ къадэгушы1эрэт Гуэщланэ къуажэдэсхэм. И гушы1эк1эр ящ1э пэтми, бзылъхугъэм и «къэпхъэным» дэтхэнэри ихуэрт. Ауэ ныбжьыщ1эхэр абы зэи дыкъигъапц1эртэкъым. Ар абы и хабзэ нэхъыщхьэт.

Гуэщланэ ди деж щ1эх-щ1эхыурэ къак1уэрт. Ар ди анэм ф1эгуэныхьти, мэжэщ1ал1э ц1ыхубзыр зэпымыууэ игъашхэрт. Зэгуэрым ар къыдыхьащ пщ1ант1эм. Нэхъыжьхэм щыщ зыри дэстэкъым, лэжьак1уэ щы1эхэт. Арати, пщ1ант1эм джэгуу дэт сабийхэм гу лъыттэхакъым, къик1ук1-ник1ук1 зищ1ыурэ, абы унэмк1э зэрызыщ1игъэхуам. Арщхьэк1э унэм щ1акхъуэ щыкъуеи къыщ1эднагъэнтэкъым. Дэ сабиих дыхъурт, зы хьэшхуи тщ1ыгъуу. Апхуэдизым къелынт зыгуэр?! Гуэщланэ ишхын къилъыхъуагъэнщ, зыри

щимыгъуэтым, Тхьэм ещ1э, ар къызэрыщыхъуар, сабын ф1ыц1э 1ыхьэшхуэ къы1эрыхьэри ишхащ.

Унэм къыщ1эжащ ар щ1ыхуфэ хъууэ. Зэхэмыщ1ык1ыгъуэу зыгуэрхэри жи1эрт. Ик1эм-ик1эжым, тхъурымбэр къыжьэдэк1рэ и 1эпкълъэпкъыр тхытхыу бзылъхугъэр щ1ым ехуэхащ. Дэ ф1эк1а дэ1эпыкъун дэскъым. Тщ1энур сыт?! Метри 100 хуэдэк1э тпэжыжьэ къуажэ амбулаторэм псынщ1эу сыжащ, Артюшэ (ди дохутыр Аркадий дызэреджэр арат) къезджэри, бзылъхугъэр къригъэлащ.

Артюшэ Ростов къик1ат ди къуажэм щылэжьэну. Къуажэ псор абы и лэжьэк1эм дихьэхат, ныбжьыщ1эхэми ар ф1ыуэ тлъэгъуати, дымышынэу мастэр зыхедгъэ1урт. Ди жылэм дэсхэм я закъуэтэкъым Артюшэ зэ1эзэр, абы и деж къак1уэрт къуажэ гъунэгъухэми, Ингуш, Осетие, Калмыкъ республикэхэм щыщхэри. Иужьк1э, медицинэ институтым щригъэджэну ар Дон 1уфэ 1ус Ростов ягъэк1уэжат, апхуэдэ дохутырыф1 зэра1эщ1эк1ам иринэщхъеят псори.

… Зы пщыхьэщхьэ гуэрым къуажэ клубым ц1эры1уэ дыдэ хъуа «Зита и Гита» индие фильмыр щагъэлъагъуэрт. Къыздик1ари къагуры1уэну хунэмысу, зи бынхэри къыздэзышэу клубым мамыру къек1уэл1а адэ-анэ гупым Гуэщланэ къахэлъэдащ: «Мишкэ зиук1ыжауэ лъы къуалэм хэлъу къуажэкхъэм деж щылъщ», - зэпегъэувэ абы зэман зэ жи1эну зыхуейр.

Ц1ыхухэм зэхэзежэн щ1адзащ, фильмри къызэтрагъэувы1ащи, клубым псори къызэрыщ1ох. Гупышхуэм сабийхэри дахэзэрыхьауэ псори здэжэмк1э дахь. Япэ иту Гуэщланэ мажэ. Мэгъуэг, мабжэ. Нап1эзып1эм уэру жэ ц1ыхур зэщ1эувы1ык1ащ, щым хъуащ. Къызэрыщ1эк1ымк1э, «л1ауэ» зытра1уа Мишкэ езыри гупышхуэм хэту жэрт. Зэрыхъуарат: Мишкэ тутын ефэу и куэбжэпэм здэщытым, гупышхуэ къажэу къилъэгъуащ. «Сыт къэхъуар?», «Дэнэ фыздэжэр?» - жи1эурэ, ар езыри ц1ыхум къахэзэрыхьауэ упщ1эурэ жэрт. Арщхьэк1э мо ц1ыху къэу1эбжьахэм занщ1эу къагуры1уатэкъым «л1ар» къазэрыбгъурытыр. Я гур къызэрыгъуэтыжа нэужь, хуэму зыщ1эдыхьэшхык1ыжащ ахэр. Ауэ Гуэщланэ къазэрыдэгушы1а апхуэдэ щ1ык1эр къызэремызэгъыр къыгурагъэ1уэн хуейти, техъущ1ыхьыну зыщыхуагъазэм, ц1ыхубзым и ныбжьи ягъуэтыжакъым. Ауэ абдежи абы къыщигъэнакъым хьэгъапхъагъэ т1эк1ухэм жылэдэсыр хидзэн…

Илъэс пщ1ы бжыгъэхэр дэк1ыжащ абы лъандэрэ. Сабийуэ щыта дэри ди ныбжьыр к1уащ, ауэ Гуэщланэ иджыри ди гум илъщ псэ къабзэ зи1а ц1ыхуу.

К1эрашэ Михаил,

2016 гъэ, гъатхэпэ

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

ПСЫ1УЩ1Э

Гъэмахуэр сыт щыгъуи сабийхэм я 1ут1ыжщ. Зэкъуэшхэм (сэ, си къуэш нэхъыщ1э Вовэ, Мэздэгу щыщ ди анэшыпхъу Марие и къуэ Шурик, Николай сымэ) ар щ1эщыгъуэу щыдгъак1уэрт ди адэшхуэ-анэшхуэр щыпсэу Раздольнэ къуажэм. Нэхъыжь дыдэм илъэситху и ныбжьт, нэхъыщ1эр илъэсищ хъуа къудейт.

Ди зэманыр зэрыдмыгъэщ1 щы1эжтэкъым - номин шырхэм ещхьу жыгыщхьэхэм дыпыст, мэкъу 1этэхэм дытэпщейрт, гъуэрыгъуапщк1уэр нэхъыф1 дыдэу тлъагъу ди джэгук1эт. Зыми хузэф1эк1ыртэкъым дигъэбэяуну.

Зы махуэ гуэрым гу лъыттащ унащхьэм ныкъуэ къутэу хэлъ щхьэгъубжэмк1э бжьэхэр щ1элъатэурэ къызэрыщ1элъэтык1ыжыр. Куэдрэ дыгупсысакъым, мурад тщ1ащ фор щагъэпщк1ур къэтхутэну.

Шурикрэ сэрэ мэкъуэщым пхъэ пк1элъей къитлъэфри, унэ блыным едупсеящ. Абы дызэрыдэпщеяр зыми къамыщ1эн щхьэк1э, Вовэрэ Николайрэ пщ1ант1эм щыджэгуну къыдэднэри, нэхъыжьит1ыр унащхьэм дык1уащ. Безынэр бэджыхъым щ1ихъумауэ пл1анэпэ нэхъ к1ыф1ым къыщыдгъуэтащ. Ар ят1эк1э хъурейуэ зэгъэпц1ат, гъуанэ ц1ык1у куэдык1ейхэр и1эу. Нэхъ гъунэгъу1уэ зыщыхуэтщ1ым, бжьэхэри абы ису къэтлъэгъуащ. Арщхьэк1э фор къызэрыдгъуэтам дин эр къыщхьэригъапхъуэри, зыдмы1эжьэу блыным ят1э хъурей зырыз къык1эрытчащ абы кърик1уэнум иджыри дыщымыгъуазэу. Безынэм зэуэ хьэдзыгъуанэхэм зыкъызрапхъуэтри, ди щ1ыфэ пц1анэхэм къеуэу хуежьащ. Нанэ дегуапэк1ыу зыщыдгъэтхъуну дызэрыхуеяри а сыхьэтым тщыгъупщат.

Дык1ийуэ абгъуэхэр хыф1ыдодзэжри, пк1элъей дэк1уеип1эр зэрыщытри дымыщ1эжу унащхьэ лъагэм дыкъопк1эж. Щ1ым дыркъуэншэу дыкъызэрыщыхутар дауэми иджыри къызгуры1уэркъым, ауэ а дакъикъэм

псори зырик1т дэ ди дежк1э, дыкъезыхуэк1 хьэдзыгъуанэхэм дакъызэры1эщ1эк1ынрат нэхъыщхьэр.

Дызэхихри, ди анэшхуэр гужьеяуэ къэжащ дыкъригъэлыну. Къытщыщ1ар къыщыгуры1уэм, сэ папц1эрэ мастэрэ абы къищтэри, ди щ1ыфэ псом хэуа хьэдзыгъуанэ шэрэзхэр къытхухихыжу къыдбгъэдэсащ. «У1эгъэхэм» форэ тхъуц1ынэрэ зэхэлъу къытхущихуэурэ махуит1ым и к1уэц1ым ди анэшхуэм дигъэхъужащ, дэри а къэхъугъэр зы1эщ1эдгъэхужри, дызэрыкъуейщ1еин нэгъуэщ1 1уэхухэм дылъыхъуэу дежьэжащ.

Тэрчыпсыр ди анэшхуэмрэ адэшхуэмрэ я лъапсэм метри 100 хуэдэк1э пэжыжьэт, абы ди закъуэу дагъак1уэртэкъыми, заф1эдгъэпщк1уурэ к1уэсэн щ1эддзащ. Тф1эф1т псы1ущ1эм дыдэпщейурэ псы елъэм деж къыщызэтрихьэ бдзэжьейхэм деплъу дыщысыну. Псы уэрым а бдзэжьей тхьэмыщк1эхэр щ1и1убэрти, зэми къыдрихьеижырт, языныкъуэхэми лъэныкъуабэу телъу къигъанэрт. Тф1эгуэныхьи хъурт ахэр, зыкъащ1эжыну хунэмысу аргуэру псы хьэлъэм ириудыжырти.

Зы бдзэжьейм, нэхъ мыхъуми, а псы1ущ1э щ1агъым къыщ1эк1ыну щыхузэф1эк1ым, зы ф1ыгъуэшхуэ къыдэуэл1ам хуэдэу «Ура!» - жыт1эурэ езыр-езыру 1эпл1эхэр зэтшэк1ырт. Ауэ бдзэжьей псоми ар къехъул1эртэкъым. Абы щхьэк1э махуэ къэс, шэджагъуэхуэк1уэ хъуа нэужь, зы сыхьэт хуэдизк1э псы1ущ1эр зэхуащ1ырт, псы дэжып1э закъуэ ф1эк1а къэмынэу. А «лъагъуэмк1э» бдзэжьейхэр ирсык1ырти, Тэрчыпсым и къежьап1эмк1э яунэт1ырт.

Псыежэхыр чэнж щыхъу щ1ып1эхэм деж бдзэжьейм 1эк1э ущещэ хъурт. Арщхьэк1э ди зэрыгъэк1ие макъым бдзэжьейр игъэгужьеирти, къэдубыдами, зиудыныщ1эурэ зыкъыт1эпыщ1иудыжырт. Хьэлъэу пшахъуэм хэхуэу ехуэхырти, псык1ант1эм пк1эжырт.

Бдзэжьей сещэурэ зэгуэрым псыежэх лъащ1эм граждан зауэ лъандэрэ щ1элъ топ улъиям сыжьэхэуэри си 1э сэмэгур зыщ1эзгъэжыжащ. Нэхъ гъунэгъу дыдэу Виноградэ къуажэрат амбулаторэ здэщы1эри, абы сашэри къызагъэ1эзащ.

Ари дерс тхуэмыхъуу, махуэ къэс ди л1ыгъэм хэдгъахъуэурэ бдзэжьейм дещэрт. Псыежэхрэ гуэлрэ хуиту зымылъэгъуа щ1алэ ц1ык1уит1ым (сэрэ Вовэрэ) ар ди нэгузыужьып1э нэхъыщхьэу жып1э хъунут.

Бысым къуажэ щ1алэжь ц1ык1ухэм нэхъри дытрагъэгушхуэрт. Езыхэм псы1ущ1эр къыщызэ1уахк1э толъкъуным зрагъэхьэхыурэ джэгурти, абы шынагъуэ зэрыпымылъыр ди ф1эщ ящ1ыну хэтт. Арщхьэк1э дэ апхуэдэ дыдэу иджыри дыхахуэтэкъым, ауэ дызэрышынэри къедгъэщ1эну дыхуейтэкъым. Щхьэусыгъуэ гуэрхэр къэдгупсысурэ апхуэдэу тхьэмахуит1ыр дгъэк1ащ. Раздольнэ жылэм дэс щ1алэ ц1ык1ухэмрэ дэрэ нэхъ дызэхыхьэ хъуащ. Зы махуэ гуэрым дызэрызехьэу псым дыхэтурэ, ныбжьэгъу къытхуэхъуагъащ1эхэм дытрагъэхьэулеик1ри, т1эщ1агъэхуащ мыгувэу псышхуэ къызэрехынур. Псы уэрыр дыпэмыплъауэ нап1эзып1эм къыкъуэури, дыкъыхэк1ыну дыкъе1ами, зыри тхулъэмык1ыу дызэлъэкъуауэурэ дрихьэхащ. 1эрпхъуэр дыхъуами, куэд дэмык1ыу

къыдгуры1уащ дызэримытхьэлэр ик1и псым дыздихьымк1э зредгъэхьэхащ. Къамылыщхьэ унэхэм, хадэ щхъуант1эхэмрэ хъуак1уэу губгъуэм ит бжэнхэмрэ, нэгъуэщ1 хьэлэмэт куэдми дыдихьэхыу деплъурэ псым дытелъащ. Апхуэдэу Къызлар нэс (Раздольнэ къуажэм адэк1э къыщыс жылэм) псым дынихьэсащ. Абдеж псыежэхыр чэнж щыхъужырти, псык1ант1э ц1ык1уурэ щызэбгрыжырт.

А махуэм тхузэф1эк1ам дрипагэу, ди щхьэр 1этауэ дыщыхьэщ1э къуажэм къэдгъэзэжащ, абы къыщытпэплъэрт ди анэшхуэмрэ адэшхуэмрэ…

К1эрашэ Михаил,

2016 гъэ, гъатхэпэ.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

МЭЛГЪЭБЭГ

Си къуажэр Сунж, Тэрч 1уащхьэ лъагэхэм я зэхуаку дэс Къаншыуей жылэращ. Дунейр щыуэф1ым, дыгъэ бзийхэр зытридзэ Сунж бгым къыкъуоплъ Мэлгъэбэг къалэр (Ингуш Республикэ). Унэ хужьышхуэхэм я къуапэр къып1эщ1олъагъуэ, нэрыплъэк1э къалэ уэрамхэм удоплъэ, болъагъу шыгухэри машинэхэри.

Осетие Ищхъэрэ-Аланием хыхьэ адрей Мэлгъэбэг къуажэ ц1ык1ур нэхъ тпэгъунэгъуми, апхуэдэу плъагъуркъым - 1уащхьэхэм зыкъуигъэпщк1уащи. Мэлгъэбэг къуажэм сыблэжурэ куэдрэ си анэр къыщалъхуа Раздольное (Мэздэгу районым хохьэ) жылэм сык1уащ, си адэшхуэ-анэшхуэм я деж сыщыхьэщ1ащ.

Ингушым щы1э Мэлгъэбэгым зэи сыщы1атэкъым, си анэ шыпхъу Аннэрэ и щхьэгъусэ Федоррэ дахуэхьэщ1эну дапщэрэ къыдэмылъэ1уами. Сэри си нэр къик1ырт а щ1ып1эр зэзгъэлъэгъуну, арщхьэк1э ди адэмрэ ди анэмрэ тегушхуэртэкъым саут1ыпщыну. Арэзытэкъым си анэшхуэ Фаризэти (си адэм и анэр). Зы 1уэху гуэрым пыухык1ауэ щытрамыубыдэфым, унагъуэм щ1эсхэр зэхуэсри унафэ ящ1ащ си адэшыпхъум ипхъу Лолэ (ар сэ нэхърэ нэхъыжьы1уэт, илъэс 12 хъут, сэ илъэситху срикъуагъащ1эт) гъусэ схуащ1ыну.

Ди къуажэм уик1ыу Мэлгъэбэг ук1уэныр а зэманым тынштэкъым - автобус щы1этэкъым, Грознэ къалэ к1уэжу зэзэмызэ блэж хьэлъэзешэ машинэхэми хьэпшыпыр изти, къэувы1эххэртэкъым.

Щэбэт, тхьэмахуэ махуэхэм я нэхущым жылэдэсым зэрыбейр - гъавэ, хьэжыгъэ, 1ус къэпхэр, джэдык1э, кхъуей матэхэр, шатэр, шэр, тхъуц1ынэр, къазхэмрэ гуэгушхэмрэ - я1ыгъыу гъуэгу зэхэк1ып1эм къытеувэрт, Мэлгъэбэг бэзэрым нэзыгъэсын машинэ къаубыдын мурад я1эу. Я1ыгъым къыщ1ах ахъшэмк1э щыгъын, вакъэ, тхылъхэр, ручкэхэмрэ тетрадхэмрэ, къапщтэмэ зыхуэныкъуэу хъуар къащэхунут.

Языныкъуэхэми машинэ ямыгъуэту махуэ ныкъуэк1э гъуэгущхьэм тесауэ я щхьэр дахьэжырт. Къык1элъык1уэ зыгъэпсэхугъуэ махуит1ми апхуэдэ дыдэу бэзэр 1уэху зэрахуэнут.

Ерыскъыпхъэхэр к1уэдыртэкъым. Къуажэ школым и щ1ыбагък1э щащ1а, щ1ы1алъэ папщ1эу къагъэсэбэп щ1ыунэм щахъумэрт. Къэхъурт Мэлгъэбэг, Орджоникидзэ, Беслъэн, Мэздэгу, Грознэ къалэхэм къик1ыурэ езы щэхуак1уэхэм ерыскъыпхъэхэр щаши…

1952 гъэрат ар. Дыдейхэм зэрыжа1ам хуэдэу, Лолэрэ сэрэ гъуэгу дытехьащ: зэми шыгук1э, языныкъуэхэми лъэсу дык1уэурэ, Мэлгъэбэг къалэ дынэсащ. Нэгъуэщ1 дуней дыкъыщыхутами ярейт. Ди дежк1э къэк1ыгъи жыги дыгъэ гуащ1эм илыгъуэжарэ Курпыпс ц1ык1ур игъущ1ык1ауэ щытмэ, Мэлгъэбэгым щытлъагъур нэгъуэщ1т: ихъуреягък1э щ1ыгур щхъуант1эт, щихухэмрэ дзэлхэмрэ ек1уу дэк1еят, уэрам хуитхэм псынэпс къабзэр щежэхырт. Къалэм дэт курыт еджап1эр пщ1ык1э мынэхъ инмэ, тхук1э нэхъ лъагэу къысщыхъуат. Адэк1э гъущ1 гъуэгур 1уащхьэ щ1агъым щ1ок1, мазут1ым ищ1эла цистернэхэр яхуу абы тет маф1эгу мыинхэри гъуахъуэу блож. Къызэрыщ1эк1ымк1э, Грознэ къалэ щ1ыдагъэр яшауэ абыхэм къагъэзэжу арат. А зэрызехьэ псом дэ дыдихьэхауэ доплъ…

Лолэрэ сэрэ тлъагъур хьэлэмэт тщыхъуу махуэ псом Мэлгъэбэг къалэ къыщытк1ухьащ, ауэ дешат, дыкъэмэжэл1ат. Ди анэ шыпхъур къэтлъыхъуэу дыхуежьащ ит1анэ. Ц1ыху блэк1хэм деупщ1ырт Семиренкэхэ я унагъуэр къызэрыдгъуэтынум. Зыми зыри ящ1эртэкъым. Ик1эм-ик1эжым, пщыхьэщхьэхуэк1уэ хъуауэ, Мэлгъэбэг къалэм и щ1ыбагък1э, мэзым ук1уэц1рык1а нэужь, къыщыс жылэ ц1ык1ум дынэсащ. Адэк1э-мыдэк1э ф1эдза уэздыгъэхэр уэрамхэм къыщоц1у, розэхэмрэ жызумейхэмрэ къахухьа унэ зэщ1экъуа ц1ык1ухэри сатыру «ит1ысык1ащ». А псом къахэщырт къэтлъыхъуэ ди 1ыхьлым я лъапсэр - унэбжэм хуэк1уэу ягъэт1ыса удз гъэгъахэмк1э, пхъэм къыхэбзык1а щхьэгъубжэ хьэлэмэтхэмк1э, щхъуант1эу ялэжа пырхъуэмк1э, унащхьэм тет радиоантеннэмк1э.

Дыкъызэралъагъуу, бысымхэм гуапэу драгъэблэгъащ, ц1ыху 1ув асыхьэту къызэхуэсащ. 1эпл1эр, бар къытхуащ1, ди адэ-анэм къыщ1оупщ1э. 1энэр къытхуаузэдащи, темылъ щы1эжкъым ик1и тф1эф1 защ1эщ: хьэлывэм джэдык1э, к1эрт1оф, лы дэлъу, борщ, лы гъэва, 1эф1ык1э куэдык1ей. Ди анэшхуэ Фаризэт игъэ1ущауэ, Лолэ ф1ыуэ щыгъуазэт кхъуэлыр зэрыхьэрэмым, зы1утлъхьэ зэрымыхъунум. Арщхьэк1э 1энэм къытхутралъхьа лы л1эужьыгъуэр зыхуэдэми щ1эупщ1эжакъым, сэрати а псом хэсщ1ык1ыртэкъми, тф1эф1 дыдэу «едгъэмэрэк1уэхащ».

Аннэрэ ди анэмрэ зэт1олъхуэныкъуэу ф1эк1а умыщ1эну зэщхьти, ар згъэщ1агъуэу сеплъырт. Хуэмурэ зэдгъэц1ыхурт ди къуэш-шыпхъухэри. Зы илъэск1э сэ нэхърэ нэхъыжьыну Рае щхьэц сырыху хъужарэ гуащэ ц1ык1ум хуэдэт. Дэнэк1э дымык1уэми, ар ди ужьым итт, дыхуей-дыхуэмейми, украиныбзэр дигъэщ1эну къыдэныкъуэкъу зэпытт. Сощ1эж абы щыщ псалъэ зыбжанэ: бжьын – цибуля, хъарбыз – кавун, нэгъуэщ1хэри. Дэри ар адыгэбзэм хэдгъэгъуэзэну дыхэтти, зыхих макъхэм иридыхьэшхыжырт. Толэ курыт школыр къиухырт, зэпымыууэ п1ащ1эу зыщ1ып1эхэм к1уэрти, дэ, сабийхэм, къыдэл1эл1эну зэман и1этэкъым. Абы къык1элъык1уэ Виктор ебланэ классым щеджэрт, си гъащ1эм япэу радиоприемник абы

сигъэлъэгъуат. Сэ згъэщ1агъуэрт пхъэм къыхэщ1ык1а пхъуантэ морэ ц1ык1у абджыпс ф1ыц1э зи щхьэм телъым макъамэмрэ уэрэдымрэ къызэри1ук1ыр. Апхуэдэ приемник сэри си1амэ, сэ нэхъ насыпыф1э дунейм темытыну къысщыхъунут абы щыгъуэм. Джэгум дыкъыщыдэхуэм, «Маяк» радиостанцым тедухуэрти деда1уэрт. Нэгъуэщ1ыбзэхэмк1э лажьэ радиостанцхэри къиубыдырт абы. Къыдгурымы1уащэми, хъыбархэм зэпыдмыгъэууэ деда1уэрт, антеннэм нэхъ лъэщу къиубыдын папщ1э, Виктор щ1эуэ зыгуэрхэр къигупсысырт, а 1уэхухэм сэри зыхэзгъэгъуазэрт. «К1апсэм нэхъ лъагэу зебгъэшэщ1мэ, радиостанц нэхъыби къиубыдынущ, нэхъ 1упщ1уи зэхэтхынущ», - къызгуригъа1уэрт абы.

Витя зыщытхъужырт мэз кусэм зыкъыщезыдза дыгъужьыр, къыдеджэ хъыджэбз ц1ык1уит1ым ялъагъуу, зэритхьэламк1э. Абы зэрыжи1эмк1э, и л1ыхъужьыгъэм щ1ыхь тхылъи къыпэк1уат. Пэжым фыхуеймэ, сэ ноби си ф1эщ мэхъу а псор къэхъуауэ зэрыщытар.

Ди анэ шыпхъум и щхьэгъусэр механикыу Мэлгъэбэг къалэр псык1э къызэзыгъэпэщ насос станцым щылажьэрт. Лэжьак1уэ ар щык1уэк1э, абы 1эщэ къыздищтэрт, щак1уэхьэу щы и мотоцикл удзыфэм къыбгъурытт. Ауэми хьэ дахэт ахэр! Ц1ыху къоплъ ф1эк1а умыщ1энуи губзыгъэ дыдэхэт, гъэсат. Федор хуэдэ щак1уэ зэк1элъык1уэрэ абы и хьэхэм хуэдэу дахэрэ Мэлгъэбэг нэгъуэщ1ым ущыхуэзэнутэкъым.

Хьэщ1ап1э дызэрыщы1а махуэхэм хъарбызымрэ хъэуанымрэ дриуэркъат, 1эф1ык1эмрэ ерыскъы берычэтымрэ дритхъэжат, нэгъуэщ1у жып1эмэ ди «зек1уэр» къыдэхъул1ат. Къищынэмыщ1ауэ, хъу-мыхъуми, украиныбзэр зэдгъэщ1ат. Дыхуейтэкъым жэнэту къытщыхъуа щ1ып1эм дыкъик1ыжыу, токуи радиои здэщымы1эм дык1уэжыну. Ауэ арыншауэ хъунутэкъым. Зэрысщ1эжымк1э, токыр ди къуажэм иужьк1э, илъэсибл дэк1ри, зэпрашауэ щытащ.

… Епл1анэ классым сыщеджэрт ди адэм Латвие къригъэхыу радиоприемникышхуэ пощтк1э къыщытхуригъэшам. Апхуэдизрэ сызыщ1эхъуэпсар къызэуэл1ат, унагъуэм щ1эсу хъуар, ини ц1ык1уи, гуф1эгъуэм зэщ1и1этэрт. Радиоантеннэр ща1этым сэ сычэнджэщэгъу нэхъыщхьэт, дауэ мыхъуми, сэ а 1уэхум Витя сыхигъэгъуэзатэкъэ?! А псом сэ зэрыхэсщ1ык1ыр ди адэм къыгурымы1уэу игъэщ1агъуэми, къысщытхъурт, радиоинженер 1эк1уэлъак1уэ къысхэк1ынк1э зэрыхъунур жи1эу.

Си анэ шыпхъу Аннэ и унагъуэр и гъусэу 1957 гъэм хьэщ1ап1э къытхуэк1ауэ щытащ Раздольное жылэм, ди анэшхуэм деж дыщы1эу.

Иджы щ1эблэр ин дыхъури, дызэбгрык1ащ: Толик - Урал, Витя - Сыбырым, Рае - Сталинград къалэм. Арщхьэк1э зыми зыри зыщигъэгъупщакъым, дызэхуотхэ, дызэк1элъок1уэ, ди анэшхуэ-адэшхуэхэр, а лъэхъэнэ насыпыф1эр дигу къыдогъэк1ыж.

К1эрашэ Михаил.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.

Газета «Советская Молодежь” № 33, 17 августа 2016 г

Хэку зауэшхуэм и л1ыхъужьхэм я фэеплъу.

Махуэ лъап1э

К1эрашэ Хьэзрит и бынихымрэ ди адэм и къуэш нэхъыщ1э Хьэжпагуэ и бынихымрэ дыкъакъэ-дыпщ1ыпщ1ыу Къаншыуей зы лъапсэшхуэм дыщыпсэурт. Илъэс къэс дэ гупыр Тек1уэныгъэм и махуэ лъап1эм нэхъ хэхауэ дыпэплъэрт. Псом хуэмыдэу, тепы1эншэр сэрэ Вовэрэт - зы илъэс ди зэхуакуу, а махуэм къалъхуаит1ырт. Пэжыр жып1эмэ, адрейхэр мащ1эу къыдэфыгъуэрт, апхуэдэ я насып къызэримыхьам щхьэк1э. Мазэ ипэ, дызэхэзежэн щ1эддзэрт: ди адэ-анэм ятха тхыгъэ гуапэхэмрэ накъыгъэм и 9-р зэгъусэу ягъэлъэп1эну къызэрырагъэблагъэмрэ пощтым дызэпеуэу тхьырт. Ахэр яхуэгъэзат Сталинград, Сыхъум, Дон 1уфэ 1ус Ростов къалэхэм щыщу ди адэм и гъусэу зауэм хэтахэм. Далъэ1эсырт Къэзахъстаным, Уралым, Сыбырым, Ставрополь, Осетие Ищхъэрэ-Аланием щы1э ди 1ыхьлыхэми. Дауи, а зэманым ди къуажэ пхыдзам ипщ1ык1ыу зыщ1ып1и упсэлъэфынутэкъым: уэздыгъи связи щы1этэкъым. Махуэм зэ машинэр къуажэм къыдыхьэрти, письмохэмрэ телеграммэхэмрэ къыхихырт, Тэрч район центрым ахэр ишэрти, адэк1э зэбграгъэк1ыжырт. Хьэщ1эхэр къытхуеблэгъэным зы тхьэмахуэф1 и1эу ди унагъуэм ису хъуам щхьэж къалэн хэха и1эу дытемыпы1эу зыгуэр тщ1эрт. Нэхъ ц1ык1ухэр ц1ыхубзхэм дадэ1эпыкъурт: хур тлъэсырт, дгъэгъущыжырт, дгурт, шатэр сыхьэтк1эрэ дыудэурэ тхъуц1ынэ гуак1уэр къыщ1этхурт. Абыхэм хьэлыуэ 1эф1ыр, джэдык1эрыпщыр, кхъуейлъалъэ, к1эрт1оф зыдэлъ дэлэнымрэ хьэлывэмрэ иридгъэхьэзырынут. Псоми гугъу зыщ1ыдедгъэхьыр къытхуеблэгъэнухэр къызэрыдэтхьэхынурат.

… Накъыгъэм и 9-р къэсыным иджыри махуит1-щы и1эжщ. Кхъухьлъатэк1э, маф1эгук1э я унагъуэхэр ящ1ыгъуу ди 1ыхьлыхэр, ди адэм и ныбжьэгъухэмрэ и гъусэу зауэм къыдыхэтахэмрэ къытхуеблагъэу щ1адзэ. Сабийхэм сыт хуэдэу ди 1ут1ыжт ди къуэш, ди шыпхъу ц1ык1ухэр къыщытхуашэк1э. Накъыгъэм и 8-м хьэмк1эшыгухэм, машинэхэм дэ гупыр

драгуашэрти, Инэрыкъуей губгъуэшхуэм дыдашырт. Абдеж шыгъажэ щек1уэк1ынут. Районым и къуажэхэм, Налшык къалэ, Осетие Ищхъэрэ-Алание, Ингуш республикэхэм къик1ыурэ ц1ыху миным нэблагъэ абы еплъыну къек1уал1эрт. Мэздэгу, Мэлгъэбэг, Тэрч къалэхэм хьэрычэтыщ1э къик1хэм я тыкуэн ц1ык1ухэм псыр, 1эф1ык1эр, лэкъум пщтырыр, мороженэр щыгъунэжт.

Гуф1эгъуэ махуэм зыхуэзыгъэхьэзыра нэхъыжьхэм я орденхэмрэ медалхэмрэ я бгъэгум щылыдырт, я гукъэк1ыжхэм щ1эблэр щ1агъэдэ1урт. Псоми 1эпл1э зэхуащ1ырт, зауэм къадыхэта л1ыхъужьхэм тепсэлъыхьыжырт, иужьк1э я нэпсыр щ1алъэщ1ык1ыжырт, зи Хэку мамыру зылъэгъужыну зи насып къимыхьахэм щхьэк1э. Дэ дунейр тхуримыкъуу къэджыхьырт, футбол дыджэгурт, ди нэгу зедгъэужьырт, ди жылэм щыщ шыгъажэм щытек1уамэ, «Ура! Дыдейхэр тек1уащ!», - жыт1эурэ ди макъым зедгъэ1этырт. Тек1уахэм кубокхэмрэ ахъшэ саугъэтхэмрэ хуагъэфащэрт. Гуф1эгъуэм егъэщ1ыл1а япэ махуэр апхуэдэу зэрыблэлъэтар къытхуэмыщ1эу еужьэрэк1ырт. Ауэ дыдзыхэртэкъым, 1уэхугъуэ нэхъыщхьэхэр щек1уэк1ыну, Тек1уэныгъэм и махуэр, дгъэлъэп1эну иджыри къытпэщылъти.

Нэхулъэр къызэрызэк1эщ1итхъыу, ц1ык1ури инри дызэщ1этаджэрти, аргуэру псоми зэхэзежэн щ1эддзэрт. Ц1ыхухъухэм гуэгушыр, мэлыр шыуанышхуэхэмк1э щ1ыбым щагъавэрт, ц1ыхубзхэм лыц1ык1у лыбжьэр, лэкъумыр япщэф1ырт. Зыри 1уэхуншэу къанэртэкъым. Псоми Хэкум и махуэ нэхъ лъап1э дыдэр къызэрырагъэхьэнум зыхуагъэхьэзырт. Ди пщ1ант1эм и курыкупсэм щык1 мэрак1уэ жыгышхуэхэм я щ1агъым 1энэхэр щагъэувырт, унагъуэр зыхуэкъулейхэмк1э ахэр къаузэдырт. Шэджагъуэхуэк1уэу ди адэм и ныбжьэгъухэр, къыдеджахэр, зауэм къыдыхэтахэр абдеж къыщызэхуэсырт. 1энэм хабзэ тк1ийм тету ет1ысыл1эрт. Хъуэхъу къэзы1этри зыхуэфащэрт.

Сощ1эж, сыт щыгъуи япэу хъуэхъу къызытехуэр ди адэм зауэм къыдыхэта, Дон 1уфэ 1ус Ростов щыщ Аркадийт. Абы езым дыркъуэ телъ пэтми, ди адэр у1эгъэ хьэлъэ хъууэ 1942 гъэм Сталинград деж зауэ-банэм къыхихауэ жа1эжырт. Абыхэм зэгъусэуи сымаджэщым я узыншагъэр щрагъэф1эк1уэжат. Абы щыгъуэми, тек1уэныгъэ къызэрахьынум л1ыхъужьхэм шэч къытрахьатэкъым, зауэр и к1эм нэсыным илъэсищ иджыри и1э пэтми.

…Жэщыр ф1ыуэ хэк1уэтащ, арщхьэк1э ц1ыхур зэбрык1ыжкъым, мамырыгъэм ину хъуэхъур хуа1эт. Ныбжьэгъущ1э тхуэхъуахэмрэ зэкъуэшхэмрэ (адыгэ, осетин, ингуш, урыс, украин сыт хуэдэ лъэпкъым щыщри) хэт сытым дихьэхми зэдгъащ1эурэ нэхъыщ1эхэри нэхъыф1у дызэроц1ыху…

А лъандэрэ л1эщ1ыгъуэ ныкъуэм щ1игъужащ. Сабиигъуэ дахэм хэтахэри балигъ дыхъужащ, ди щ1эблэм щ1эблэ къыщ1эхъуэжащ. Шэч хэлъкъым, ноби пщэдеи ди махуэ нэхъ лъап1э дыдэу къэнэнур Тек1уэныгъэм и махуэшхуэращ.

…Си нэгум щ1этщ махуэшхуэ 1энэм нэжэгужэу хъуахъуэу бгъэдэса ди адэ-анэри зауэм л1ыгъэ щызезыхьа ди нэхъыжьыф1хэри…

К1эрашэ Михаил.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

ТЕЛЕФОН

Ди гъунэгъу щ1алэ ц1ык1у Валерэ бауэбапщэу къыдэлъэдащ пщ1ант1эм. Абы хъыбар гуапэ къызэрытхуихьыр и нэгум къищырт. «Хьэмыщэ нобэ къуажэкум телефон к1апсэ пхришынущ!» - зэк1элъигъэп1ащ1эрт абы. Къаншыуей жылэм телефон дэнэ къэна, току къудеи жылэдэсым абы щыгъуэм иджыри я1этэкъым. Зэрысщ1эжымк1э, апхуэдэ лэжьыгъэхэм уеблэмэ 1953 гъэ пщ1ондэ щ1адзэххакъым.

Зэныбжьэгъу ц1ык1ухэм - П1ыт1ат1э (Володя), Сэлэдин (Вовэ), сэ, Валерик - телефонымк1э «мастер» ц1эр зытедгъэ1ук1а Хьэмыщэ къытхэту, илъэситху-хы ныбжьым диту арат. Хьэмыщэ зэрыхъум елъытауэ хуумыгъэфэщэну нэхъыжьыфэ епплъырт. Илъэситху щыхъуам, абы еджэк1э зригъэщ1агъэххэт. Икъук1э щ1алэ губзыгъэ ц1ык1ут. Хьэлэмэтрати, абы япэу къищта тхылъыр алыфбейратэкъым, ат1э радио зэрызэпкъралъхьэм теухуарт. Зэрыц1ык1урэ сымаджэрилэти, ар зэпымыууэ унэм щ1эсын хуей хъурт. Дэ зэрытлъэк1к1э Хьэмыщэ къызэрыдэтхьэхынум иужь дитт, и адэ Шэмсэдин (Хэку зауэшхуэм хэтат) зэпымыууэ абы къыхуихь хьэпшып гъэщ1эгъуэнхэм дэри деплъыну дыхуейти. Зэгуэрым ди ныбжьэгъум и адэм тыгъэ къыхуищ1ащ нэмыцэ рацэрэ телефон трубкэрэ. Хьэмыщэ дызэрыщымытхъуа къэдгъэнатэкъым, псом хуэмыдэу и л1ыгъэр зыхуэдэр къыхэдгъэщырт. 1уэхум хьилагъэ хэлъу дэнэ щищ1энт абы, псалъэ дыгъэлхэм я ужьк1э, езыри къэгумащ1эрти, дызыхуейр къыт1эрыхьэрт. Тф1эхьэлэмэту зэпытплъыхьырт Шэмсэдин къыхуагъэфэща орденхэмрэ медалхэмрэ. Езы Шэмсэдини куэд къыджи1эжырт зауэм теухуауэ: т1асхъэщ1эх зэрык1уар, «бзэгу» къаубыдауэ зэрыщытар, иужьк1э а псом дамыгъэ лъап1эхэр къызэрыпэк1уар, нэгъуэщ1хэри.

зэрыщытар, иужьк1э а псом дамыгъэ лъап1эхэр къызэрыпэк1уар, нэгъуэщ1хэри.

Зы махуэ гуэрым ар къыдэлъэ1уащ радиоприемникхэмрэ передатчикхэмрэ зэпкърылъхьэнымк1э Хьэмыщэ дыдэ1эпыкъуну. Тщ1эн къэдгъуэтаиххэ, жыт1эщ дыгуф1эри, телефон к1апсэр зытешыхьа шэрхъышхуэр къетхьэжьащ. Абы ди хадэк1эм къыпылъ къуэк1ийнэфым и 1уфэм зыщедгъэубгъуащ. Мураду ди1эр к1апсэр к1арц жыг щхьэк1эхэм ф1этщ1энырт. Дыерыщми, сабий къарур а 1уэхум зэрыпэмылъэщынур къыщыдгуры1уэжым, нэхъыжьхэр къедджэн хуей хъуащ… Къуэк1ийнэфыр езыр щ1ып1э хьэлэмэтт. Абы удыхьэмэ, кууэ псынэпс щ1ы1эмыл къабзэу къыщыщ1эжырт. И к1ыхьагък1э къуэк1ийр метр 400-м нэблагъэ хъурт. Абы и 1уфит1ымк1э к1арц жыг баринэ лъагэхэмрэ хьэцыбанэхэмрэ ек1уэк1ырт. Бжьыхьэм жыгхэр пц1анэ хъуа нэужь, абыхэм пащ1ыхьа къуалэбзу абгъуэ куэдык1ейхэр къыщ1эщыжырт. Абы псыхэуэхэми ущрихьэл1энк1э хъунут, хьэндыркъуакъуэ, блэ е шындырхъо къаубыдыну къуэк1ийнэфым къыщыщхьэрыуэхэм. Зэзэмызэ абы къыщыхутэрт бабыщ джэдык1эхэм ещэ бажэ-дыгъуэгъуак1уэхэри. Зи абгъуэмрэ зи шырхэмрэ «хахуэу» зыхъумэ бабыщ анэхэри къик1уэтынутэкъыми, бажэхэм абыхэм гъунэгъу зыкъыхуащ1ыртэкъым, къызэрагъэлъеинур ящ1э хуэдэ. К1арц гъэгъам, хьэцыбанейм, псым къыщык1 а1уудзым (лилие) къапих мэ 1эф1ым дунейм тет гъудэ-бадзэр кършал1эрти, къуэк1ийнэфыр мэз дыдэу къыпф1агъэщ1ырт. Сабийхэр абы дысакъыу дыкъыпек1уэк1ырт, къуэк1ийнэфым удэхуэмэ къуацэ-чыцэмрэ хьэдзыгъуанэмрэ «узэрызэхафыщ1энум» ф1ыуэ дыщыгъуазэти.

…Пк1элъей нэхъ к1ыхь дыдэр (зы метрии 10 хуэдэ хъууэ) къетлъэфэл1ащ телефон к1апсэм зыщедгъэшэщ1ыну щ1ып1эм. Арщхьэк1э ар апхуэдизк1э к1ыхьти, жыгым едупсеину тхузэф1эк1акъым. Ди ныбжьэгъу щ1алэ нэхъыжь зыт1ущ къы1ухьащ. Заур, Ахьмэд, Сулът1ан, Бидон, П1ет1ро, Мыцэ сымэ къыддэ1эпыкъури, пк1элъейр дгъэуващ, к1арц жыг щхьэк1эхэм к1апсэм зыщедгъэшэщ1ын щ1эддзащ. Ауэрэ шэджагъуэхуэк1уэ хъури, ди адэм и къуэш нэхъыщ1э Хьэжпагуэрэ Хьэмыщэ и адэ Шэмсэдинрэ къытхыхьэжащ. Махуэ псом пк1элъейр зэм зы жыгым, зэм адрейм едгъэувал1эурэ телефон к1апсэм зедгъэубгъун тхузэф1эк1ащ. Телефонхэр Хьэщхъуэжь Валерикхэ, ди деж, П1ыт1ат1эхэ щ1эдгъэуващ. Сигналыр къэзыт 1эмэпсымэр (передатчикыр) Хьэмыщэхэ деж щ1этт. Щхьэж и унэ ек1уэл1эжащ, ик1и япэу а махуэм ди адэ-анэхэр телефонк1э зэпсэлъащ. Щытхъук1э дэри къытлъэ1эсащ, дауи. Ит1анэ, сабийхэм чэзур къытлъысри, зым-зым деж дыпсэлъэн щ1эддзащ. Сыхьэтк1эрэ дызэпсалъэу телефоныр т1ыгът, уеблэмэ къуажапщэми къуажэкуми къик1ыурэ ц1ык1уми инми, зэрыжа1эу, ар къагъэсэбэп хъуащ. Зыгъэпсэху ди1акъым махуэ зыбжанэк1э - ц1ыхур чэзуурэ ди деж щызэблэк1ырт. Ауэ тхьэмахуит1 дэк1ри, ц1ыхухэр нэхъ сабырыжащ, зы мазэ хуэдэк1э телефонхэр тетхыжри, Хьэмыщэ 1эрыдгъэхьэжащ. Телефонхэр къэзуужыртэкъым. Пэжыр жып1эмэ, Хьэмыщэ и закъуэт ар зи жагъуэ дыдэ хъуар. Абыхэм яп1эк1э, зэгъунэгъуу псэу зэныбжьэгъухэм къэдгупсысащ маф1эдз пхъуантэ нэщ1хэр 1уданэ 1увк1э зэпыщ1ауэ абык1э «дызрипсэлъэну». Апхуэдэ 1эмэпсымэм урипсэлъэфыну

жып1эныр т1эк1у егъэлеят. Ауэ механикэ макъхэр абы иризэхэпхырт. Къэнэжыр Морзэ и азбукэр къыдгуры1уэнырти, Хьэмыщэ ари дигъэщ1ащ. Зы мазэ хуэдэк1э ар къэдгъэсэбэпу дежьэжащ. 1954 гъэм зэныбжьэгъухэр зэгъусэу япэ классым дык1уащ. Хьэмыщэ школым мык1уэми (унэм щрагъаджэрт), дэ псори дызэхэту дыкъапщтэмэ, ар и 1ущагъэк1э къыттек1уэрт. Пэщ1эдзэ классхэр къыщыдухым, ар щ1агъэт1ысхьащ курыт еджап1эм. Егъэджак1уэхэм зэпымыууэ Хьэмыщэ щапхъэу къытхуахьырт. Ар 1эсэлъасэт, щэныф1эт, псом нэхърэ нэхъыф1у еджэрт. Хьэмыщэ щ1эныгъэл1 1ээзэ хъуну тра1уэрт, дэ, къуещ1ейхэм, 1эщыхъуэ ф1эк1а къытхэмык1ыну къыджа1эрти, мащ1эу дризэгуэпырт.

Хьэмыщэ школым щ1эсу ди щ1ыналъэм щумыгъуэтыну передатчик нэхъ лъэщ дыдэ зэпкърилъхьэфауэ щытащ. Школыр ехъул1эныгъэ и1эу къиухри, ар Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университетым и радиотехникэ факультетым щ1эт1ысхьащ. Абы къыхуагъэлъэгъуат университетым егъэджак1уэу щылэжьэну, арщхьэк1э къуажэм къигъэзэжауэ щытащ. Мы зэманым абы радиоэлектроникэм хурегъаджэ, Налшык щопсэу.

Сабиигъуэм зэры1ыгъа зэныбжьэгъухэр гъащ1эм дызэбгридзащ, ауэ ди гукъэк1ыжхэм «дызэпащ1эу» согугъэ.

2016 гъэ, фок1адэм и 22 **К1эрашэ Михаил**

ИНДЕЕЦХЭР

… «Жьгъейхэм» (жыхуэс1эр си къуэш нэхъыщ1э ц1ык1ухэу Валерикрэ Лиуанрэ, ди гъунэгъуу псэу Хьэщхъуэжьхэ я къуэ Валерик сымэщ) зэпымыууэ сыт хуэдэ джэгук1эри къазэрыф1эсхьыр зэгуэрым къа1эщ1эужэгъуащ.

Топ къыщетхуэк1к1э, ди судьяр зэрыц1ык1урэ мащ1эу ещ1экъуауэ Тимошэт. Ари иризэгуэпырт илъэсибгъум нэблэгъа щ1алэ танэм (ар сэрат) топыр нэхъ ц1ык1ухэм къазэры1эрызмыгъэхьэр. Хьилагъэ къимыгупсыс щы1эжтэкъым абы: ди адэм и шырыкъужьит1ыр зылъызигъэт1агъэрт, хуэму ф1эк1а къысхуэмыжыжьын хуэдэу, е ди хьэ Цомэ къызиуштынти, ар си лъакъуэм ф1элъу топри зы1эщ1эзмыгъэк1ыу утыкум сыуфэразэу ситын хуей хъурт. Сыт ямыщ1эми, зи къехъул1эртэкъым абыхэм тек1уэныгъэр. Арати, «жьгъейхэр» зэчэнджэщыжри, топу яхудэзгъэк1ауэ хъуар мытэмэму къыщ1рагъэдзащ, джэгур хьэрхуэрэгъухэм зэрызэдэдгуэшам псори арэзы техъуащ. Зыри яжес1акъым, сабийхэм замыгъэгусэн щхьэк1э.

1уэхур адэк1э щымык1уатэм, зыгуэрым къыхилъхьащ «индеецхэр» джэгук1эщ1эр къэдублэну.

…Къаншыуей къуажэ клубыжьым, абы щыгъуэм токуи зэмышэл1ам, тхьэмахуэм зэ къыщызэрагъэпэщыфырт индеецхэм ятеухуа фильмыр щагъэлъэгъуэну. Фильмыр к1ыхьу ек1уэк1ырт. Куэдрэ зэк1арагъэпщ1эжыру зэманым къыдек1уэк1а кинолент1 т1орысэр зэ, т1эу зэпычыжынти - угувэным

къеблагъэ! Языныкъуэхэми еплъ ныкъуэу кинор зэпыурти, яхущ1егъэжьэжыртэкъым. Абы щыгъуэм жылэдэсым я насып къихьмэ, тхьэмахуэ, тхьэмахуит1 хуэдэ дэк1мэ, фильмыр и к1эм нагъэсыжынут.

… Жьгъейхэм мурад ящ1ащ зи к1эухыр иджыри ямылъэгъуа фильмым, езыхэр хэт хуэдэу, «гъунэ иралъыну». Сэ къысхуагъэлъэгъуар л1ыхъужь нэхъ гурымыхь дыдэрт. Ар Америкэм щыпсэу къэзэуак1уэт. Ят1агъуэ ф1ыц1эк1э пащ1э зытесщ1ыхьри, мэлыцым къыхэсщ1ык1а ажэ жьак1э псыгъуэр зытезгъэувэжащ. Дыгъэм зи фэр трихуа, чэтэн 1увым къыхэщ1ык1а тепхъуэр щ1ым хэслъафэу зытездзэри, ди адэм 1уэхугъуит1к1э - гуф1эгъуэмрэ гузэвэгъуэмрэ я деж - къищтэ хабзэ пы1э ф1ыц1эр щхьэрыст1эгъащ, апхуэдэуи зауэм кърихауэ ди адэр зригъэщ1агъуэу ц1ыуужу зэрихьэ фэ шырыкъуит1ыр зылъыпыс1уащ. Шабзэ схуэхъуащ тутей къудамэр. Апхуэдэ щ1ык1эк1э си ролыр згъэзэщ1эным хуэхьэзыр сыхъуащ. Си теплъэм, уеблэмэ, «жьгъейхэр» къигъэшынэжат, Цомэти, къек1уэк1ыну 1уэхур зэрыф1эгъэщ1эгъуэныр къригъэлъагъуэу къызэбэну къэуващ: «Адэк1э-щэ?» - жыхуи1э пэлъытэу.

Индеецхэм - Тимошэ, Лиуан, Валерикит1ым - я напэхэр къуэлэну кърац1элык1ри, пщ1ант1эм щыулъэпхъащэу дэт джэдкъазым къыхача къабзийхэмк1э я щхьэцхэр ягъэдахащ. К1арц жыгхэр къафыщ1ащ, абыхэмк1э 1эщэхэр яузэдри, шабзэхэр хадэк1эм щык1 щ1эпым и жэпкъхэм къыхабзык1ыжащ. Уэшх уэр къешха нэужь, Мэлгъэбэг Ипщэмк1э илъэсым зэ е т1эу кърихьэх псыдзэм Шадык1э нэс къик1ыу ди къуэк1ийнэфым дунейм тет хьэбыршыбырыр дэз ищ1ырт. Ди «индеецхэр» абы щыгъуазэрти, абы щызэхуахьэса гъухухэр шабзэшэ яхуэхъуащ.

Зы 1уэху нэхъыщхьэ я1эщ1эк1ащ «жьгъейхэм» - псоми зэрызыдгъэхьэзырым набдзэгубдзаплъэу еплъу щыса Цомэ и ролыр яубзыхуатэкъым. Ар сэ къызбгъэданэри, гупу зызыгуэшахэм зы меданым загъэбзэхащ - дэнэк1э къуэгъэнап1э и1эми, зыкъуадзащ. Апхуэдэ «т1ысып1э» щэхухэр щыгъунэжт пщ1ант1эшхуэм, ди хадэм къищынэмыщ1а, ди адэкъуэш нэхъыщ1э Хьэжпагуэ и хадит1ым. Хэти зыкъуигъапщк1уэрт бэрэжьей, шупсыранэ, мэзбзий къуацэхэмк1э зэщ1эк1а къуак1эхэм. Ди хадэшхуэм къыпылъ къуэк1ийнэфым зыгуэр дэпщхьэри, к1арц къудамэхэмрэ жыг делэхэмрэ зыхигъэпщк1ухьащ.

Пщ1ант1эр зэуэ щым, нэщ1 къэхъуащ. Лъапсэм уридыхьэу егъэувэк1а пхъэбгъу зэк1эры1ул1а т1орысэ дыдэм сэрэ (л1ыхъужь тк1ийр) си хьэ гъэсамрэ (хьэм нэхърэ, кхъуэп1ащэм нэхъ ебгъэщхьынур) дыкъы1унауэ дык1эрытщ. Къапщтэмэ, къуажэкум щыбгъуэтынутэкъым Цомэ нэхъ хьэ губзыгъэ. Игъащ1эм ар зыми едзэкъатэкъым, ауэ иджыи сэлэт бгырыпхк1э пха пхъэбгъу куэбжэм зыри къыф1игъэк1атэкъым: благъи, жэрэгъуи, хьэщ1и, пощтзехьи. Зы ц1ыху закъуэм хэхауэ ар ущытт: зи акъылк1э нэгъуэщ1хэм емыщхь Гуэщланэт. Куэбжэпэм къыщыщ1эдзауэ Цомэ абы и 1эм, и напэм ебзейуэ, унэм нэс нишэсырт. 1эгъуэблагъэм ит хьэхэм абы пщ1э къыхуащ1ми ярейт, уэрамым

хамэхьэ къыдэзэрыхьамэ, Цомэ и жанагъымк1э абы и лъэр щ1иудынут (езым хуэдэу т1у хъу пэтми)…

Аращи, дыщытщ Цомэрэ сэрэ ди закъуэу куэбжэпэм деж. «И1э, къэлъыхъуэ-т1э!» - унафэ хуэсщ1ащ си дэрэгъум. Джэгур зэрыдублэу, зы дакъикъэм абы пабжьэм къыхихуащ япэ индеецыр - Лиуан. Арат япэу «шабзэшэк1э» къыхэук1ар. Сэри си шабзэр щысшэщ1ым, абы и набдзэм хуэзэу сытехуащ. Ди насыпти, и набдзэм дыркъуэ т1эк1у къытена ф1эк1а, и нэм блэлъэтат.

Ет1уанэ шабзэр щызут1ыпщым, ет1уанэ индеецыр «къэзук1ащ». Ар си къуэш ц1ык1у Валерикт, чей нэщ1ым зриудыгъуауэ Цомэ къигъуэтат. Валерик къыск1элъыуат, арщхьэк1э шабзэшэр блэлъэтащ къыстемыхуэу. Ещанэр, Тимошэ, нэхъ егугъуауэ зигъэпщк1уауэ къыщ1эк1ащ.

Къуэк1ийнэф куум дыщылъыхъуэн хуей щыхъум, Цомэ абдежи щак1уэхьэу зыкъыщигъэлъэгъуащ. Тимошэ здыхэсыр абы банэурэ сигъэлъагъури, ари къыкъуэтхуащ.

Зэрыгъэк1ие-зэщ1эгъуагэ макъыр пщ1ант1эм зэуэ дэз къэхъуащ. Лиуан и набдзэм лъыр къожэх, Валерик и пхэщ1ыщхьэм шабзэшэм зыхит1ащи, къежыхь… Псом нэхърэ зи пхъэ къик1ар Тимошэт - абы шабзэшэр и дамащхьэм телъэтык1ри, мащ1эу иу1ауэ арат. Сызытемыхуар ди гъунэгъу щ1алэ ц1ык1у Валерэщ. Къэхъуа псор абы щилъагъум, жэрыжэу зричри ежэк1ыжащ. Сык1элъыуами, а зыр с1эщ1эк1ат.

Цомэ къэхъуа псом къигъэу1эбжьыжащи, мэпщ1эу, гъуэгыу зэхэс сабийхэм зэрадэ1эпыкъуныр имыщ1эу къежыхь. Сэ къызобэн.

Зэрызехьэ макъым игъэгузавэри, езыр-езыру къыщ1эмык1ыф ди анэшхуэ Фаризэти хьэлэмэту щхьэгъубжэм нэс къэк1уэтауэ мэк1ий. Гъунэгъухэр асыхьэту къежэк1ащ. Ц1ыху гупыр зэхэту ди анэр къыдыхьэжащ. Хъыбарыр щ1эхыу нагъэсащ къуажэ сымаджэщым, Лиуан и адэ Хьэжпагуэ щылажьэм. Хьэжпагуэ ди къуажэ дохутыр Артюшэ щ1ыгъуу, къыдэлъэдащ пщ1ант1эм. Занщ1эуи у1эгъэ хъуа «индеецхэм» ядэ1эпыкъун щ1идзащ. Валерик и пхэщ1ыщхьэм шабзэр къыхачыжри, Лиуанрэ Тимошэри е1эзащ. Абы псори игъэсабырыжащ, къэхъуа щ1агъуэ зэрыщымы1эр яжри1эри. Иужьк1э «л1ыхъужь бзаджэр» къызапэсри, куэдрэ а махуэр сигу къагъэк1ыжащ.

Сэ абы щыгъуэм сыук1ытэжат щ1эщхъу с1эщ1эк1ам щхьэк1э. Сыкъамылъагъум псори зэуэ ящыгъупщэжын си гугъэу, къуажапщэмк1э щыпсэу ди адэ шыпхъу Хьэтхъэнхэ я деж сыщ1эпхъуат. Махуищк1э сыкъик1акъым абыхэм я деж.

Икъук1э ц1ыхубз 1ущу щытащ ди адэ шыпхъур. Ар къуажэ амбулаторэм щылэжьат, зэф1эк1 хъарзынэхэри и1эу. Сымаджэщым къабзагъэм зэрыщык1элъыплъ хабзэм хуэдэу, абы и унэри сыт щыгъуи зэлъы1ухат, и хьэкъущыкъур ц1ыужырт, зы сабэ к1апэ лъэгуи щхьэгъубжи щыплъагъунутэкъым. Абы и унэм хуэк1уэ лъэс лъагъуэ к1ыхьыр зэгъэзэхуат, мывэ хужь зэхуэдэк1э ибгъухэр къэгъэт1ылъыхьауэ. Дэнэк1э уплъэми, удз

гъэгъар пщ1ант1эм дэзщ, хадэм зэхэгъэщхьэхук1ауэ сатыр захуэу нащэр, бжьыныр, бэлыджэр, шыбжийр щык1ырт…

Махуищ дэк1ри, сэ сек1уэл1эжащ ди адэжь лъапсэм. Сызэримыгугъауэ, си къуэш ц1ык1ухэр къысхуэзэшауэ гуф1эжу къыспежьат. Дыркъуэ ятездзахэри хэгъуэщэжауэ, езыхэми псори ящыгъупщэжауэ къыздэплъейрт: «Иджы сыт тщ1эныр?» - жа1эу я нэм щ1эслъагъуэрт…

К1эрашэ Михаил,

2016 гъэ, фок1адэм и 25-рэ.

Зэзыдзэк1ар

Багъэтыр Луизэщ.

ШКОЛ

Сэлэт унэм нэхъ ебгъэщхьынут Къаншыуей къуажэкум 1938 гъэм щаухуауэ щыта курыт школыр. Абы и пщ1ант1эр къуацэ-чыцэмрэ шупсыранэмрэ къаухъуреихьырт, бгъэнышхьэ унэхэр дэту еджап1эм пэгъунэгъуу щыт лъапсэхэм бжэнхэр куэду щахъумэрти, зэпымыууэ ахэр школым къыдэзэрыхьырт. Хэку зауэшхуэм и зэманым школыр нэмыцэхэм яубыдри, шэщ папщ1эу къагъэсэбэпат…Школ гупэм сабалъэ хъужауэ и1э щ1ып1э нэщ1ым къуажэ сабийхэм топыр махуэм жэщ хъуху къыщрахуэк1ырт. Абыхэм гупипл1у загуэш хабзэт - къуажэкум, къуажапщэм, къуажэк1эм, гуохьэблэм щыпсэухэу зызэхагъэщхьэхук1ырт. Зэман дэк1ри, ахэрщ «Жаншэрхъ» зыф1аща футбол гуп ц1эры1уэм япэ увып1эхэр республикэм къыщезыгъэхьу джэгуар. А зэманым транспортыр гъуэтыгъуейуэ, колхозхэм я къулейсызыгъэк1э гъэсыныпхъэ кърамыту зэрыщытам къыхэк1ыу Къаншыуей къуажэм щыщ футболистхэм къахуихуэрт республикэ чемпионатым мык1уэфу е апхуэдэ зэпеуэр щыщ1идзэну сыхьэт бжыгъэм къык1эрыхуу… Школым и япэ унафэщ1у щытар Хэку зауэшхуэм и л1ыхъужь Къарэжь Къэралбийт. Абы тхыдэмк1и иригъаджэрт, апхуэдэуи Къаншыуей къуажэм и партбюром и пщэ къыдилъхьауэ колхоз унафэщ1уи лажьэрт. Курыт еджап1эм щрагъаджэрт си адэми (дзэ хуэ1ухуэщ1эхэмк1э) си анэми (школ завучт, географиер, биологиер, астрономиер класс нэхъыжьхэм щригъэ1эрт). Ахэр Налшык дэта Ленин еджап1э къалэ ц1ык1ум егъэджак1уэхэр щагъэхьэзыр и курсхэм щызэрыц1ыхуат. Зэрыжа1эжымк1э, ди адэм Екатеринэ (си анэр урыст) къиша нэужь, зэман щ1агъуи дэк1агъэнтэкъым, мазит1-щым, хъарзынэ дыдэу адыгэбзэк1э псэлъэныр зригъэхъул1ат. Къапщтэмэ, ди анэр хамэ къэралыбзэхэм сыт щыгъуи хуэгурыхуэт. Школк1уэгъуэ ныбжьым ар нэсатэкъым, и ныбжьэгъу ц1ык1ухэм яхэтурэ абы нэмыцэбзэр щызригъэщ1ам (ар къыщалъхуа Раздольнэ жылэм нэмыцэ колоние щы1ащ). Хэку зауэшхуэр къыщыхъеям, Екатеринэ 8-нэ классым щ1эст, ар Виноградэ (Мэздэгу район) къуажэм щы1а нэмыцэ комендатурэм мызэ-мыт1эу ираджат нэмыцэбзэр урысыбзэк1э,

урысыбзэр нэмыцэбзэк1э зрагъэдзэк1ын щхьэк1э… Ди анэм егъэджак1уэ 1эщ1агъэр къыдалъхуами ярейт. Нэхъыщхьэрати, еджак1уэм зэрепсэлъэн хуей бзэ дахэр абы 1урылът. Абы и бын нэхъыщ1эхэм къытхуихуэрт, ди школк1уэгъуэ мыхъуами, географиемк1э и дерсхэм дыщ1эсыну школым дыщыздишэ. Зыплъыхьак1уэхэм ятеухуа хъыбархэм тф1эгъэщ1эгъуэну деда1уэрт е щ1ып1э телъыджэ куэд къэтц1ыхурт. Апхуэдэу пасэу егъэджэныгъэм «дызэрыхилъэсар» арагъэнт, илъэсихым сэ езым еджэк1э зэзгъэщ1эжат.

Одноклассницы Миши: Женя Арсаева, Алла Гидова, Зоя Губирова, Равида Шорманова, Римма Гидова.

… Класс нэхъыжьхэм щригъаджэхэм я гъусэу, ди анэм «зек1уэ» дыздишэрт: Сунжэрэ Тэрч бгымрэ я 1уащхьэ лъагэхэм дыдэк1ырт, Хурикау адэк1э щы1э ингуш мэзым дынэсырт, курпыпсым дык1уэрт, къуажэм и 1эгъуэблагъэхэр зэдгъэц1ыхурт. Шэч хэмылъу, апхуэдэ гъуэгуанэхэм щ1э куэд къыщытщ1эрт. Компас (къаблэмэ) къызэрагъэсэбэпым зыхэдгъэгъуазэрт, щ1ып1эм и лъэныкъуэхэр зэхэдгъэщхьэхук1ыу, маф1э тщ1ыуэ, пщы1э дгъэувыфу зыдгъасэрт. Апхуэдизк1э си щ1эныгъэмк1э сигурэ си щхьэрэ зэтелъ сыхъуати (апхуэдэу зыкъысщыхъужырт), школк1уэгъуэ ныбжьым дыщынэсым (сэ илъэсибл сыхъуат, си къуэш нэхъыщ1э Вовэ - илъэсих), «сэ армырми псори сощ1э», - жыс1ащ, школым сахуэк1уэн сымыдэу. Арщхьэк1э щ1эх дыдэуи ди адэ-анэм сыкъытрагъэхьэжащ, си къуэш нэхъыщ1э ц1ык1у Вовэ сык1элъыплъын зэрыхуейр щхьэусыгъуэ схуащ1ри. …Школым предмет псори адыгэбзэк1э дагъэджырт. Сэ зызгъэщ1агъуэрт ди анэдэлъхубзэмк1э нэхъ псынщ1э дыдэу къеджэу классым щ1эсыр сызэрыарам щхьэк1э. Ауэ, къуейщ1еин жып1ами, зыри зытезгъак1уэртэкъым. Пэщ1эдзэ классхэм дыщыщ1эса зэманхэм нэгъуэщ1 зы 1уэхугъуи сигу къок1ыж - ди егъэджак1уищми махуэ къэс «Два веселых гуся» сабий уэрэд ц1ык1ур

жыт1эн хуейуэ къытхуагъэуву зэрыщытар. А къалэныр щ1алэ ц1ык1ухэм дежк1э хьэзаб пэлъытэт абы щыгъуэм, ауэ иджы а мультфильм ц1эры1уэр слъагъуху, сабиигъуэм сыхишэжу си гукъыдэжыр къызэщ1о1этэ, къуажэр, школыр, си классэгъуу щытахэр зэуэ си нэгум къыщ1оувэжыр. Еджак1уэ 300-м нэблагъэрэ лэжьак1уэ 20-м щ1игъурэ зэк1уал1э школым псыи электрэ къаруи ек1уал1этэкъым. Арати, дерсхэр пшапэ зэхэуэгъуэ мыхъу щ1ык1э зэф1агъэк1ырт. Щ1ымахуэм пхъэ гъэсыныр курыт еджап1эм яхурикъуртэкъыми, ф1амыщ1ымрэ пхъэмрэ унэхэм здитхырт. Школым къедзыл1а щ1ы 1ыхьэм къэк1ыгъэ зэмыл1эужьыгъуэхэр къыщагъэк1ырти, гъэмахуэм абдеж биологиемрэ зоологиемк1э дерсхэр ди анэм щригъэк1уэк1ырт. Епэр, къэлэрдэгу, дадийщхьэху, нэгъуэщ1 удз гъэгъахэмк1э, бжьын, бэлыджэ, джэш хьэсэхэмк1э бейт а школ пщ1ант1эр. А дахагъэ псом зы 1уащхьэ къахэщырт - тхьэк1умэк1ыхьхэм я гъуэр. Дэнэ къик1ат школ пщ1ант1эм тхьэк1умэк1ыхь, жыф1энк1э хъунущ. Пэжращи, ди анэм Мэздэгу къалэ тхьэк1умэк1ыхьит1 зэгуэрым кърихауэ щытат. Илъэс зыбжанэм ахэр багъуэри, уеблэмэ я гъуэми имыхуэжу къуажэ псом щызэбгрык1ауэ щытащ. Куэдрэ я хадэхэм къыщаубыдыжащ къуажэдэсхэм ахэр. Нэгъуэщ1 зы 1уэхугъуи си гум кърeдзэж: гуф1эгъуэ махуэхэм ирихьэл1эу еджак1уэхэм гъущ1ык1эжьхэр къуажэм зыщыхудагъэхьэсырт. Ди школым къытек1уэ район псом щы1этэкъым гъущ1 нэхъыбэ зэхуэхьэсынымк1э, сыту жып1эмэ Хэку зауэшхуэм и зэманым къуажэм пэгъунэгъуу щек1уэк1а зэхэуэхэм къащ1энауэ къуак1эхэм фочышэхэр, танк къутахуэхэр, топхэр зытета гъущ1ыпэхэр, 1эщэхэр куэду дэзт.

1953год, школьники , в центре Катя Карашева, завуч школы, моя мама, слева учитель начальных классов Дадова Фараиз, справа подруга мамы, учитель русского языка и литературы Баранова Екатерина, крайний справа я, крайний слева братик Вова.

…Сощ1эж, ди лъахэм и гимныр щ1эту пионер галстук плъыжьхэр къызэрыддалъхьар, зыдгъэщ1агъуэу ахэр ди благъэ-1ыхьлыхэм едгъэлъагъуу, махуэ псом къызэрытк1ухьар. Ар сабий хъуэпсап1эхэм ящыщу къыдэхъул1а зы 1уэхугъуэт. Псынщ1эу блэлъэтат япэ илъэсипл1ыр. Ф1ыуэ дызэреджам и щыхьэту, щ1ыхь тхылъхэри къыдатыжат. Гъэмахуэ зыгъэпсэхугъуэр къэблэгъат. Си къуэш ц1ык1у Вовэрэ сэрэ ди урыс анэшхуэ-адэшхуэ Еленэрэ Никитэрэ я деж (Раздольнэ жылэм щыпсэурт) дык1уэжынут. Ипэк1э уплъэмэ, зэкъуэшит1ым гъащ1э зырыз тхухихырт, ауэ зэк1э 1958 гъэм и гъэмахуэ зыгъэпсэхугъуэ дахэр къытпэщылът…

2016 гъэ,мэлыжъыхъ мазэ. **К1эрашэ Михаил**.

К1эрашэ Анатолэ хузотх

Хъыбарегъащ1э

Тэрч къалэ дэт интернатым и еханэ классыр къэзухауэ, 1960 гъэм и гъэмахуэр сыкъыщалъхуа Къаншыуей жылэжьым щызгъак1уэрт. Махуэ псок1э къуажэм и 1эгъуэблагъэр къызэхэсплъыхьыфырт, слъагъум зыщызмыгъэнщ1у. Хущ1ыхьэгъуэ симы1эу зэпымыууэ зы 1уэху гуэрым сыпэрытми, къалэм щы1э си ныбжьэгъухэм сахуэзэшырт. Япэ-епл1анэ классхэр къуажэ школым къыщызухати, мыбдежи куэд щысц1ыхурт, ауэ абыи емылъытауэ зэманыр зэшыгъуэ сф1эхъурт.

Зы махуэ гуэрым ди деж къыдэлъэдащ К1эрашэхэ Албэчрэ Даухъанрэ япхъу нэхъыщ1э Налифкэ. Абы къыджи1ащ хъыбарыщ1э къахуихьыу Урыху нэс хьэщ1э къазэрыхуэк1уар ик1и сэри зыгуэрк1э сэбэп сыхъуну 1ыхьлыхэр къызэрысщыгугъыр къыхигъэщащ. Даухъанрэ ди анэ Екатеринэрэ сыт хуэдэ 1уэху лъэпкъым къыщамы1этами, зым адрейм зыщ1игъакъуэу апхуэдэт. Даухъан куэдрэ къыхуихуэрт езым и бынхэм къищынэмыщ1а, дэ зэкъуэшитхуми къытк1элъыплъын хуейуэ. Дэри ар ди анэ ет1уанэу дыбжыу, ф1ы дыдэу тлъагъурт. Мамэ пщэдджыжьым къыщыщ1эдзауэ жэщ хъуху къуажэ курыт школым щы1эт, сменит1 иригъаджэу. Ар къэгувэ хъумэ, дэ дыкъызэрымэжал1эу Даухъан деж дыжэрт. Метр 400 хуэдэ къыщ1эк1ынт ар зэрытпэжыжьэр…

Къысхуейуэ щыжа1эм, сеп1эщ1эк1ыу зызгъэхьэзырри, Налифкэ и гъусэу Албэчхэ сунэт1ащ. Даухъанрэ Албэчрэ я пщ1ант1эм зэрызехьэшхуэ дэлът, гъунэгъуи жэрэгъуи зэрыжа1эм хуэдэу, зэхуэсауэ. Нэхъ гъэщ1эгъуэнрати, апхуэдизк1э къыхуахьа хъыбарым ахэр къигъэу1эбжьати, зым жи1эр адрейм зэхамыхыжу сытми зэпсалъэрт. Ц1ыхухъухэм джэдкъазыр кърахуэк1ырт, ц1ыхубзхэм лэкъум ягъажьэрт, хэти п1астэр шыуанышхуэм щызэ1ащ1эрт. Занщ1эу къызгуры1уащ гуф1эгъуэ гуэрым зэрызыхуагъэхьэзырыр.

Даухъан гу къыщыслъитэм, хъыбарегъащ1э Урыху кърагъэк1а щ1алэр сигъэц1ыхуащ. Къызэрыщ1эк1амк1э, абы къытхуихьа хъыбарыр ф1ыт: Албэчрэ Даухъанрэ Урыху дэс я 1ыхьлыхэм я деж щыхьэщ1эну ягъэк1уа япхъу нэхъыжь Рае яхьауэ арат. Хьэгъуэл1ыгъуэр щэбэт гъунэгъум траухуат, хъыбарегъащ1эм уэс1ыхыр ишэну и пщэрылът. А псом зыхуэгъэхьэзырыным махуит1 ф1эк1а къэнатэкъым. Ещанэ пщыхьэщхьэм уэс1ыхыр Урыху к1уэнут.

К1эрашэ Анатолэ лъэныкъуит1к1э нысащ1эри щауэри благъагъэк1э къиубыдырт. Занщ1эу гу лъыстащ хьэлк1и теплъэк1и дэ т1ур дызэрызэмыщхьым. Ар и теплъэк1э къамылыфэт, набдзэ 1уврэ ф1амыщ1ым хуэдэу щхьэц ф1ыц1эрэ зытелъ, сабыр щ1алэ ц1ык1ут. Сэ сыдрийпсрийт, щ1алэ цыплъ, уэгуш нэк1ут. Абы нэхъыжьыфэ хуэдэу у1уплъэрт, ауэ сэ схуэдэ дыдэуи абы еханэ классыр къиуха къудейт. Дызэрызэмыщхьым емылъытауэ, щ1эх дыдэу абырэ сэрэ ныбжьэгъу дызэхуэхъуащ. Дакъикъэ зыбжанэм зэдгъэщ1ащ зым-зым теухуауэ псори. Абы сыхигъэгъуэзащ Къаншыуей нэс къызэрык1уа гъуэгур. Ар лъэсу къыпхырык1ат Елхъуэт, Ботэщей, Акъбащ жылэхэмк1э ик1и пщэдджыжьым Урыху деж къыщежьа щ1алэр шэджагъуэхуэк1уэу Къаншыуей къэсат. Автобус а зэманым иджыри зек1уэу щытакъым, закъуэт1акъуэрэ блэж машинэхэми ар къызэдащтатэкъым. Сытми, апхуэдэурэ ар къэсат ди деж.

Даухъан дэ т1ум пщэрылъ тщищ1ащ пщыхьэщхьэ хъуху, Мэлгъэбэг ц1ык1ум дынэсу, уэс1ыхым хэту Урыху ягъэк1уэну я 1ыхьлыхэм хъыбар едгъэщ1эну. Дэри дахэтт апхуэдэ пщ1э къызылъысахэм. Гъуэгу дытехьэн ипэ, Даухъан дригъэдзэкъащ, дигъэ1ущащ адыгэ хабзэм къызэрезэгъым хуэдэу зэрызыт1ыгъынымк1э.

Тутей, к1арц жыгхэм нэхъ гъуму къудамэ зырыз къапыдудщ, хьэ хьэулейхэм дазэрыпэщ1эувэфыным хуэдэу зызэщ1эдузэдри, дежьащ. Къапщтэмэ, пщ1энутэкъым къуажит1ым я зэхуаку дэлъ гъуэгуанэм узыщрихьэл1энк1э хъунур. Къуажэм дыдэк1ыху, хьэхэм я банэ макъыр увы1акъым, ди лъэ макъыр жыжьэ зэрахуэхъуу зэщ1эсабырэжащ. Л1ыхъужьыгъэм зедгъэхьу жылэр къызэднэк1а щхьэк1э, нэхъ гугъур къытпэщылъу къытщыхъурт. Арщхьэк1э Къаншыуей дызэрыдэк1ыу, сурэту ящ1ауэ ф1эк1а умыщ1эну щ1ыуэпсым и телъыджагъ псори ди пащхьэ къихутащ. 1уащхьэ лъагэшхуэхэм чэтэн удзыфэр хуэф1у траупхъуам хуэдэт, абыхэм я щ1агъым курпыпс ц1ык1ур щоушэ, адэжк1э 1эщхэмрэ бжэнхэмрэ гъудэ-бадзэм хуэбгъэдэну къып1эщ1олъагъуэ… Дакъикъипщ1 хуэдэк1э удзыпц1э щхъуант1эм зыщедгъэхуэхри, гупсэхуу, тлъагъум зыщыдмыгъэнщ1у, дыхэсащ. Ди гъуэгум хэдгъэщ1ын зэрыхуейр къызэрытщ1эжу, дежьэжащ. Ди къуажэм къыщыщ1эдзауэ пхъэ лъэмыжыжьым нэсыхук1э гъуэгур егъэзыхыгъуэт. Лъэмыжым деж абы мащ1эу зыкъыщи1этыжырти, ижьырабгъумк1э 1уащхьэ лъагэхэр къытету, сэмэгурабгъумк1э тафэу ек1уэк1ырт. Мэлгъэбэг къуажэ ц1ык1ум дынэсым километр зыбжанэ хуэдэ дэлъыжщ. Лъэмыжым къыщыщ1эдзауэ, зы дакъикъэ

40 хуэдэк1э къызэднэк1ащ ари. Даухъан зи ц1э къри1уа и 1ыхьлыхэр къэдгъуэтащ. Пэжыр жып1эмэ, зыпэмыплъа хъыбар гуапэт яхуэтхьар.

Асыхьэту 1энэр къаузэдри, нэхъыжьри кърагъэблэгъащ. Л1ыжьым къуэрылъху къыхуалъхуауэ гуф1эгъуэ 1энэм къыпэрашауэ арати, мащ1эу ефа нэхъыжьым занщ1эу къыгуры1уэщакъым дыкъыздик1амрэ хъыбар къахуэтхьар зыхуэдэмрэ. Зэрыхъум хуэдэу хъуэхъу тхуи1этыурэ, куэд дэмык1ыу 1энэм пэрысу ар 1урихащ. Аргуэру къраджащ нэхъ гъунэгъуу хьэблэм дэс зы нэхъыжь. Ари зы хьэгъуэл1ыгъуэ гуэр хэтагъэнти, 1энэм деж куэдрэ зыщимы1эжьэу, къыхуагъэгъуну елъэ1ури, щ1эк1ыжащ.

Къызэрыджа1ам хуэдэу, Анатолэрэ сэрэ псы 1эф1 ф1эк1а дефэртэкъым. Ди благъэхэм дзыхь ящ1акъым ещанэ нэхъыжьыр къраджэну, сыт щхьэк1э жып1эмэ ари ипэ итаит1ым хуэдэу гуф1эгъуэ 1энэ пэрысагъэнк1э зыхуэ1уа щы1этэкъым.

Хьэгъуэл1ыгъуэм ягъэк1уэнум и бжыгъэмрэ ар къызытехуэхэмрэ яубзыхухук1э, жэщыр сыхьэт ещанэм нэблэгъат. Зыдгъэпсэхуну дагъэгъуэлъами, нэхъ щ1эхыжу дыкъагъэушыжри, гъуэгу дыкъытрагъэувэжащ. Пщэдджыжьым сыхьэти 8-м дынэсыжащ Къаншыуей. Тхузэф1эк1ам дрипагэу, Даухъан ди зек1уэр къызэрыдэхъул1ам и хъыбар хуэт1уатэри, Толэ ди къуажэм и 1эгъуэблагъэр езгъэц1ыхуну дэсшащ. Сып1ащ1эрт абы ди курпыпсыр, щхьэлыр, клубыр, ди щ1ып1э дахэхэр езгъэлъэгъуну.

Къык1элъык1уэ махуэр щэбэтт. Уэс1ых к1уэнухэр къызэхуэсащ. Псори къуажэ колхозым и1э «Зис» хьэлъэзешэ машинэшхуэ закъуэм зидгуашэри, дежьащ. Дызышэр машинэ псынщ1эу къехуэк1ыныр зи лъым хэт Гъыдэ Сэлэдинт. Ауэ ар нобэ нэхъ сакъырт. Ц1ыху 30 хуэдэ зэрыс машинэр хуэму ихурт.

Урыху дыщынэсам пщыхьэщхьэхуэк1уэ хъуат. Хьэгъуэл1ыгъуэм хэт псори зэжьэр, дауи, дэрати, гуф1эу пшынэ макъамэк1э къытпежьащ, щ1алэхэмрэ хъыджэбзхэмрэ нэф1эгуф1эу къызэдэфэу щ1адзащ. Ц1ыхухъухэр пэщ щхьэхуэмк1э ирагъэблагъэри, нэхъ щ1алэхэр лэгъунлеймк1э дыщ1ашащ, хъугъуэф1ыгъуэхэм щыщ къыт1уагъэхуэну.

Ди ныбэ из зэрыхъуу, Толэрэ сэрэ пщ1ант1эм дыкъыдэк1ащ зытплъыхьыну. Урыху псы уэрым и 1уфэр зэдгъэлъэгъун хуейтэкъэ. Жэщ к1ыф1ым адэ жыжьэу къызэпхы1ук1ырт псым и ушэ макъыр. Куэд хуейт ди курпыпс чэнж ц1ык1ур абы щ1эрыхьэным. Псыежэхым и даущ макъым дыщ1эдэ1ук1ыу дыздэщысым, Толэ къыдеджэ и ныбжьэгъухэр къы1ухьащ. К1уэрык1уэм тету шыпсэ гуэрхэр яхузэхэслъхьэурэ урысыбзэк1э ахэр къезгъэда1уэрти, сызэпаплъыхьырт къагурымы1уэу.

Джылахъстэнейм сызэрыщыщыр зым къызэрищ1эу, къызэрызэплъамк1э къызгуры1уащ игу сызэрыримыхьар. Къызэрыщ1эк1амк1э, ари дэ дэщхьу зэгуэр уэс1ыхым хэту Ботэщей къуажэ къэк1ууэ щытат. Къуажэ щ1алэжь ц1ык1ухэм ар жэщым залымыгъэк1э тутей жыгым драхуейри, зэи абы къыпымык1а балийм ягъэлъыхъууэ щытат.

Иужьк1э щыдыхьэшхыжу «балий мыхъу ухуейкъэ?» - жа1эурэ ягъэбэмп1эжат.

Шэч хэмылъу, ар къищ1эжат абы, Джылахъстэнейм сызэрыщыщыр щызэхихым. Зы тэлайк1э ар къыт1эщ1эмылъагъуэжу тк1эщ1эк1уэсык1ащ, арщхьэк1э куэдри къэмыту, к1эрт1офрэ кхъуейлъалъэрэ зыдэлъ хьэлывэ пщтырхэр и1ыгъыу къы1ухьэжащ. Урыху псы 1уфэм щызэхуэса щ1алэгъуалэм къахуригуэшэк1ыурэ си деж къыщысым, ар къызэупщ1ащ нэхъ сф1эф1ымк1э. Жыс1ащ къуейлъалъэ зыдэлъыр нэхъ къызэрысщтэр. П1ырып1ыжу езыр пщтыррэ пщтыру абы къысхуишиящ зы. Апхуэдизк1э абы сехъуэпсати, занщ1эу седзэкъащ. Маф1э си жьэм къыжьэдадзами ярейт, си жьэ к1уэц1ыр зыгуэрым кърисык1ырти, сымыбэуэфу, си бзэгур схуэмыгъэхъеижу асыхьэтым сищ1ащ. Толэ къыс1эщ1эна хьэлывэ ныкъуэр къыс1эщ1ипхъуэтри, залым къызэзыхыу щ1эпхъуэжа щ1алэ къуейщ1ейм к1элъыжащ. Хьэлывэм шыбжий сыр дыдэ далъхьауэ къыщ1эк1ащ. Апхуэдизк1э сигъэгузэвати, псыежэхым 1эгук1э псы къыхэсхыурэ сефэрт, нэгъуэщ1 и 1эмал къысхуэмыгъуэту. Толэ жэри сэхуран дагъэ къысхущ1ихащ унэм. Си гуапэ хъуат ар къызэрысщхьэщыжар. Къызэрыщ1эк1амк1э, хьэлывэ ныкъуэр езы щ1алэм абы иригъэшхыжат. Апщ1ондэху жэщыр хэк1уэтащ, сыхьэт 12-р ек1уэк1ыу къыщ1эк1ынт. Уэс1ыхым ежьэжыну зигъэхьэзырами, бысымым куэдрэ да1ыгъащ дыкъыдамыгъэк1ыжу. Толэрэ сэрэ нэхъыжьхэр зыщ1эсымк1э драджэри, дунейм тет хьэпшыпыр (сабын, гъуджэ, дыху, лъэпэд, бэлътоку, мажьэ, н.) зык1эрапха тепхъуэр къытк1эралъхьащ, а псом и щ1ы1уж сом щырыщ къытхутралъхьэжащ (А зэманым ар ахъшэфт1, зы гъуэншэджрэ к1эстумрэ къыщ1эк1ырт).

Утыкумк1э уплъэмэ, благъэщ1э зэхуэхъуахэр к1ыхьл1ыхьу зэпсалъэрт, къафэр зэпыуххэртэкъым. Сытми, жэщым сыхьэтищыр ек1уэк1ыу Урыху дыкъыдэк1ыжащ, къуажэм дыкъыщысыжар нэхущырщ. Си зэрани хэмылъу шыбжийм ирагъэса си бзэгур иджыри маф1эм илыгъуэрт, апхуэдэу махуэ зыбжанэк1э бжьыбжьыр хэк1ыжатэкъым. А уэс1ыхыр сэ си гъащ1э псок1э сигу къинэжынтэкъэ! Толэ хьэгъуэл1ыгъуэм и ужьк1э, зы илъэс 30 хуэдэк1э слъэгъуауэ къыщ1эк1ынкъым. Зэрымыщ1эк1э Арщыдан къуажэ дыщызэхуэмызэжамэ… Зы жьэу т1ури дыкъэпсэлъат: «Кхъуейлъалъэ зыдэлъ хьэлывэ пшхынт?» - жыт1эри…

К1эрашэ Михаил,
2017 гъэ, щ1ышылэм и 23.

Перевод Богатыревой Луизы Артуровны.
Газета «Адыгское Слово».

К1эрашэ Албэч фэеплъ хузощ1

Шейт1аныкъуэ

1950 гъэрщ. Илъэсищ си ныбжьыр ирикъуащ. Махуэ псом 1эубыдып1эншэу къызожыхь. Сыт щхьэк1и сымытхъэнрэт, зэгъунэгъу щ1алэжь ц1ык1ухэр дызэныбжьщи, ди 1утыжщ. Апхуэдэу зэгъусэу къуажэкум щ1алэ гуп дыкъыщыхъуащ, гъащ1эм и курыхыр зэгъусэу къэтщ1ащ.

… Ди Къаншыуей къуажэм и гъунапкъэхэр ф1ыуэ тц1ыхурт. Ипщэк1э абы Курп псыежэхым и сэмэгурабгъум бгъурыту къыщыщ1идзэрти, къуажэкум деж къуажапщэрэ гуохьэблэу щызэхэк1ырт. Ди адэ къуэш К1эрашэ Албэчхэ я деж гуохьэблэм щ1идзэрт, ди адэ шыпхъу Хьэтхъанхэ къуажапщэм щригъажьэу дэк1уейрт. Ди щ1ап1эр къызэбнэк1мэ, 1уащхьэ лъагэшхуэхэр ди щ1ыбагъ къыдэтт. Ди гъунэгъут Жылэхьэжхэ, Портэхэ, Фидархэ, Дадэхэ, Гъыдэхэ, Хьэжьхъуэжьхэ, К1унт1ыщхэ, 1эпщэхэ, Теунык1хэ, Шормэнхэ. Дэ ди 1эгъуэблагъэм къиубыдырт ди лъапсэм къыхуэзанщ1эу щыт щхьэл хужьышхуэр, абы щек1уэк1 1эуэлъауэм нэхущым щ1иддзэрти, гъавэр жэщ хъуху яхьэжын яухыху дыщ1эдэ1урт.

Сельпом псы 1эф1ымрэ к1энфет щхъуэк1эплъык1эхэмрэ щащэрт. Школым ди адэ-анэм зыщрагъаджэрт. Водокачка-к1э дызэджэ псынащхьэр хьэлэмэт дыдэт,

псынэр зыдэт къуэм и бгы блыным щунэфхэм я абгъуэр к1эрызырт. Клубым фильмхэр щагъэлъагъуэт. Къуажэ сымаджэщым ди адэм и къуэш Хьэшпагуэрэ ди 1ыхьлы К1эрашэ Албэчрэ щылажьэрт.

Албэч сабийхэр ф1ы дыдэу дыкъилъагъурт: ар ди деж блэк1ыу лэжьап1эм к1уэрти, псом япэу дыкъилъагъурти, ит1анэ и къалэнхэм пэрыхьэу арат. Иш сабырым дигъэшэсырт, и шыр гум щlэтщlэу дигъасэрт. Апхуэдэуи сыхьэтк1эрэ ар къытхутепсэлъыхьыфырт дызыщымыгъуазэ къалэшхуэхэм я ехъул1эныгъэхэм, кхъухь хужьышхуэхэр ди щхьэлым иригъапщэурэ абы нэхърэ куэдк1э нэхъ иныну тенджызым зэрытетхэр. Хэку зауэшхуэм, ди къуажэм и 1эгъуэблагъэм щек1уэк1а зэхэуэхэм, жылэм и къуак1эбгык1эхэм я щэхухэм, нэгъуэщ1 хьэлэмэт куэдхэри жиlыжт.

Псом хуэмыдэу сэ сф1эф1т Шейт1анык ъуэ аузк1э зэджэ щ1ып1эм теухуа хъыбархэм сыщ1эдэ1уну. Ар езыр абы к1уэрейт. Ди 1ыхьлым зэрыжи1эжымк1э, абы щыпсэурт шейт1ан анэхэм къыхыф1адза я шырхэу тхьэк1умэк1ыхь теплъэ зи1э хъуахэр. Абыхэм губгъуэм ит удз щхъуант1э 1увхэр я хэщ1ап1эт, зэзэмызэ аузым къыдыхьэ я анэхэм ягъашхэт. Махуэ псом апхуэдэу я щхьэ япlыжу Шейт1анык ъуэ губгъуэ хуитым тхьэк1умэк1ыхь хъушэ дэст.

Абыхэм я хъыбарыр Албэч апхуэдизк1э гъэщ1эрэщ1ауэ къыджи1эрти, жэщхэм сепщ1ыхьу щ1эздзащ аузым. Си гур ящ1эгъу хуэдэт анэхэм къыхыф1адза а шырхэм, дуней псор иджы абыхэм «къатегушхуэну» къысф1эщ1ырт.

Аузыр зэзгъэлъэгъуну сыщ1эхъуэпсырти, Албэч мэкъу къишэну щык1уэк1э сыздишэну селъэ1уащ. Сыхуейт тхьэк1умэк1ыхьхэр зэзгъэлъэгъуну, ящыщ унэм къыздэсхьыну. Албэч жи1ащ езыр мэкъу еуэху, сэ и шыр хуэзгъэхъуну, псы хуэсхьыну къэзгъэгугъэмэ, зэрыарэзыр. Къэнэжар си адэ-анэм зыкъезгъэут1ыпщынырт. Си янэм зы мащ1эрэ зихъунщ1ащ, ауэ си адэм занщ1эу хуит сищ1ащ: «Ирек1уэ, балигъ хъунщ», - жи1эри.

Къык1элъык1уэ махуэр къысхуэгъэсыртэкъым. Сытми, Албэчрэ сэрэ дызэрызэгуры1уам хуэдэу, ар жьыуэ къы1ухьэри, удзышэ дежьащ. Гъуэгуанэ к1ыхь къытпэщылът: курп псы ц1ык1ум дызэпрык1ыу, Кавказ къурш ц1ык1ур къызэднэк1ын хуейт, Сунжэ бгы лъэныкъуэмк1э дгъазэу Мэлгъэбэг (Ингуш Республикэ), Хурикау (Осетие Ищхъэрэ-Алание) жылэхэр здэщы1эмк1э дыкlуэрт. Ди гъуэгур зэми сабалъэу, щ1ып1э-щ1ып1эк1эрэ ят1агъуэу, сэмэгурабгъумк1э фэеплъ сын зы щ1ып1э гуэрым деж къызэрыдгъэшар нобэ хуэдэу сощ1эж.

Зы сыхьэт, сыхьэтит1 хуэдэк1э дынэсащ Шейт1аныкъуэ аузым. Жэщк1э сызэпщ1ыхьа «дунейр» нэхуап1э схуэхъуат. Щ1ып1эр дахэ дыдэу къыщ1эк1ащ. Удзыщ1э щхъуант1эхэм тафэр яуфэбгъуащ, абы хэзу 1ущхъэ плъыжьыпс ц1ык1ухэр хэпхъауэ хэтщ, пк1ауэ лъакъуэ к1ыхьхэр, уэгунэбзухэр, къашыргъэхэр аузым щыкуэдщ. Асыхьэту тхьэк1умэк1ыхьхэм сыкъауфэрэзыхьащ, я джэгум сыхашану сыкъыхураджэ хуэдэ.

Албэч сиущиящ удз к1ырхэм сыхэмыхьэну, сыту жып1эмэ тхьэк1умэк1ыхьхэр абыхэм хэзу хэст, сымыщ1эу сп1ыт1ынк1э хъунут. Къэзжыхьым-сыджэгуурэ, махуэр зэрык1уари къэсщ1акъым. Ауэрэ загъэпщк1ужащ тхьэк1умэк1ыхь ц1ык1ухэми. Дыкъыщежьэжым, сэ къыздэсщтащ махуэ псом си ужь иту къэзыпк1ыхьа зы тхьэк1умэк1ыхь шыр. Унэм дыкъыщысыжар жэщыр хэк1уэтауэщ. Албэч 1эщымрэ джэдкъазымрэ къахуиша удз ц1ынэр зэрылъ шыгур щиунэщ1ым къызжи1ащ махуит1 дэк1мэ, удзышэ дызэрык1уэнум зыхуэзгъэхьэзырыну. А п1алъэм къриубыдэу, сегупсысын хуейт къыздэсща тхьэк1умэк1ыхь ц1ык1ур унэм къэзгъэнэнрэ езым хуэдэхэр щыпсэу Шейт1аныкъуэ щ1ып1эм схьыжынрэ.

А махуит1ыр си гур дзапэм ф1элъу есхьэк1ащ, хьэуэ хьэблэм дэтыр тхьэк1умэк1ыхьым къысф1ещак1уэрти. Бэлыхь зытеслъхьа тхьэк1умэк1ыхь шырыр апхуэдизк1э шынэрти, си гуф1ак1эм зыщыдигъэпщк1ухьыну е1эрт. Апхуэдагъэххэу махуит1ыр згъак1уэри, си «ныбжьэгъур» къыздэсщтэжри, Албэч и гъусэу удзышэ сежьащ. Тхьэк1умэк1ыхьыр зэрызут1ыпщыу -

зыщалъхуа лъахэр къиц1ыхужынтэкъэ - илъри, гъуабжэгъуэщым хуэдэу зыщ1ып1эк1э щыбзэхыжащ. Арщхьэк1э куэди димыгъэк1ыу зыбгъупщ1 иджыри щ1ыгъуу ар «къыкъуэлъэтыжащ» ик1и хабзэ зэрытхуэхъуауэ, махуэр дыкъызэрехуэк1ыу дгъэк1уащ.

Апхуэдэурэ тхьэмахуит1 к1уащ. Албэч и удз пыупщ1ынри иухащ. Бжьыхьэр къэблэгъати, удз щхъуант1эхэм я п1эк1э мэкъу 1этэхэр губгъуэм къыщыхутат, дунейр нэхъ фагъуэ хъуат, нэхъ ин хъуну хунэса си тхьэк1умэк1ыхь шырхэми я джэдыгу тхьэмбылыфэхэр нэхъ яжьафэм хуэк1уащ. Абыхэм ящыщ языныкъуэхэм Шейт1аныкъуэр ябгынэри, нэгъуэщ1 аузхэм 1эпхъуат, къэнахэрати, сыкъамыц1ыхуж защ1ырт. Махуит1к1э унэм здэсхьауэ щыта тхьэк1умэк1ыхь шырым и закъуэт къызбгъэдыхьэфыр Шейт1аныкъуэ дихьа нэужь.

Албэчрэ сэрэ ди «зек1уэм» и ф1ыгъэк1э, куэдым сыхэгъуэзауэ къэслъытэжырт, сабий «дунейм» сыкъыхишу дунейр зэрыабрагъуэр а п1алъэ к1эщ1ым зыхызигъэщ1ауэ къысщыхъурт. Нэхъыщхьэрати, гъащ1эм гугъуехь куэдым - дэ1эпыкъуэгъуншэу къэна а тхьэк1умэк1ыхьхэм хуэдэу - узэрыщыуэныр, абыхэми пэлъэщыфын зэрыхуейр къызгуры1уат. Ауэ ц1ыхум къигупсысакъым «усабиихуу зыхэплъхьэрщ» - жа1эу.

Абы лъандэрэ илъэс блыщl дэклащ. Иджыри кьэс жэщхэм солъагъу Шейт1анукъуэ дэс тхъэклумэклыхъ цlыклухэр, зым зым клэлъыжу, удз увым зыщэгъэпщкlу. Зэи тщыгъупщlэнкъым ди сабий и гъуэр!

К1эрашэ Михаил,

2017 гъэ, щ1ышылэм и 19.

Си щхьэц баринэ

Зэкъуэш ц1ык1уих зэгъусэу дыкъэхъуащ. Дэ дызыхурикъужырти, дыщыц1ык1ум гуныкъуэгъуэ ди1акъым зы шыпхъу ц1ык1у нэхъ мыхъуми къызэрытхэмытым ехьэл1ауэ. Нэхъ балигъ дыкъэхъуу, зыгуэрхэр нэхъ къыщыдгуры1уэм, дыщыуэу зэрыщытам гу лъыттэжат, псом хуэмыдэу дехъуапсэрт ди адэ къуэшым и къуэм шыпхъуитху зэри1эмк1э. Сэри насып къысхуиухатэкъым хъыджэбз си1эну. Арщхьэк1э… Илъэс т1ощ1 и пэк1э, февраль щ1ымахуэ мазэм къуэрылъху хъыджэбз ц1ык1у дунейм къытехьащ. Нэ щхъуант1э п1ащит1ым сызэрыщ1эплъэу, дунейр сэ щхьэк1э щ1эрыщ1эу къагъэнэхужа хуэдэу, къысф1эщ1ащ… Алинэ къызытехьа дуней абрагъуэр зэуэ зригъэц1ыхун хуэдэу набдзэгубдзаплъэу зиплъыхьырт. 1эдэбт, гъыринэтэкъым. Мазит1 хуэдэк1э абы зэхиц1ыхук1 хъуащ хэт хэгъэрейми, хэт хамэми. Псысэхэм зэрыщыжы1ам хуэдэу, къэхъурт ар щ1эхыу: мазипщ1ым щитым зи ныбжьыр илъэсит1 хъуа сабийм хуэдэт. Мазибл щыхъуам ар псэлъащ, мазэ 11-м езыр-езыру къик1ухьын щ1идзащ. «Дадэ! Дадэ! Къызэплъыт!» - жи1эурэ зыкъысхуигъэщ1агъуэу абы къижыхьырт.

Илъэсищ ныбжьым иту сурэт щ1ыным дихьэхащ, усэхэм гъэхуауэ къеджэн щ1идзащ - иджы илъэситху хъуа сабийхэм ар яхэгъуэщэнут. Пц1ыр сытк1э щхьэпэ, псом нэхърэ нэхъыф1у илъагъур дадэт. Благъэхэмрэ 1ыхьлыхэмрэ «Хэт нэхъ дахэр? Хэт нэхъ щхьэц баринэр?» - жа1эурэ щеупщ1ым, шэч къытримыхьэхэу: «Дадэщ», - яжри1эрт. Абы игу къигъэк1ыхэртэкъым зи гугъу ящ1ыр нанэу зэрыщытыр.

Мази 8 - 9 ныбжьым щитым щегъэжьауэ дадэрэ нанэрэ я деж жэщгъуэлъ къанэу щ1эзыдза сабийм, дауи, и гур къытк1эрыпщ1ат. Зэгуэрым ар и адэ-анэм я деж щы1эу, и «дадэ щхьэц баринэр» къыхуашэну япиубыдащ. Апхуэдэу жэщ ныкъуэм къалэм адрей и щ1э лъэныкъуэм и дадэр къыригъащащ.

Имыдэхэрати, дадэ езым хузэхилъхьа уэрэд ц1ык1ум щ1эмыдэ1ууауэ зыми хуэжейтэкъым. Арати, лэжьыгъэ 1уэхук1э дадэ къыщытым деж, а уэрэдыр игур зэгъэху зэрызыхэу унэм щ1эсхэм жыригъэ1эрт:

Мэзым жыг цIыкIу Алинэ къыщыкIащ

Жыгхэм я нэхъ дахэу ар щытащ

Зэи мыгъуэгыу, жэщхэм Iэфlу жеуэ,

Пщыхьэмпlэхэр илъагъуу,

Псоми ятекlу, хъыджэбз дахэу ар щытащ…

Абы ещхъу аджэрэ уэрэд жомыIауэ жейтIэкъым ди Алинэ цIыкIур. Игу иримыхьарэ уэрэдыр зигъэгусэрт, си дадэ «щхьэц баринэр» къэвъгуэт, абы тэмэму къысжиIэнуш уэрэдыр. Апхуэдэу илъэсипл1ыр ек1уэк1ащ, итанэ Алинэ къыгурыIэу щидзащ хэт и ада – янами, хэт и адащхуэми - янащхуэми, и адэ – янэ тхъэмыщкIэхэм дей къану щидзащ. Илъэсрэ ныкъуэрэ и ныбжьыр зэрырикъурэ илъэс къэс ар дадэрэ нанэрэ ягъусэу тенджыз Ф1ыц1эм к1уэрт, зигъэщ1агъуэрт толъкъун ц1ык1ухэм щымыщтэу абы ф1эф1у зигъэпскIырт. Къэк1уэжакъэ, зыри

димыгъэху псоми яжри1эжыфынут илъэгъуа псори, уеблэмэ дадэ тенджызым и лъащ1эм къыщIиха блэтхьэк1умэхэми (ракушки) щхьэхуэу я гугъу ищ1ыжынут. Абы щыгъуэм, дадэ жыжьэу псым щыхыхьэк1э, ар къэшынэжырти, къаджэрт: «Дадэ! Дадэ! Сыхуейкъым зыри, къэгъэзэж!» - жи1эу. Зэманыр щ1эщыгъуэу зэригъэк1уэнур ищ1эрт: пшахъуэм унэхэр щиухуэрт, мывэ зэмыфэгъухэр зэхуихьэсырт, а псор унэм нэс кърихьэл1эжырт. Жэщи махуи тенджиз фIэкI зыри хуейтэкъым.

Ди къуэрылъху ц1ык1ум апхуэдизк1э дыкъыдихьэхати, абы и псалъэр ди дежк1э унафэт. Аэропортым пэмыжыжьэу дыщыпсоути гъэмахуэ пщыхьэщхьэхэм дык1уэти жэщым кхъухьлъатэ телъэтык1хэм дак1элъыплъу куэдрэ дыщыст. Щэбэт, тхьэмахуэ махуэхэр зыхухэхар къалэ зоопаркырт. Тхьэмахуэ псок1э Алинэ зыхуигъэхьэзырырт номинхэм, махъшэхэм, шы ц1ык1ухэм, щынэхэм зэра1ущ1энум, игъэт1ыгъуэу и1ыгъырт абыхэм яригъэшхыну 1эф1ык1эхэр.

… Зы жэщ гуэрым къызэщыужащ, махуэм здэщы1а псыежэх ц1ык1ур имылъагъунк1э 1эмал имы1эу. Сытыт дадэ и 1эмалынк1э хъунур?! Игъэзэщ1ащ ф1ыщэу илъагъу къуэрылъху ц1ык1ум и лъэ1ур. Топ нэхъыф1 дыдэу илъагъур абы къипхъуатэри, дежьащ. Хэт ищ1эрэ, пщ1ыхьэп1эу илъэгъуа хъунт и топыр псыежэхым хидзауэ ар зэресым к1элъыплъауэ. Псыежэхым дынэсри, лъэмыжым дихьащ. Зы тэлэн димыгъэк1ыу, абы топыр идзри, Налшык псыежэх уэрым хигъэхуащ. Топыр псым зэрынэсу зыщ1игъэмбрыуэри, бгъуэтмэ къащтэ, жыхуи1эращи - хэк1уэдащ. Алинэ гъынтэкъэ?! Шыпсэ хузэхэслъхьащ, топыр тенджыз Ф1ыц1эм нэсу бэгъуауэ къызэригъэзэжынур къыхэзгъэщу. Апхуэдэу тедгъэужри, мамыру дек1уэл1эжащ унэм. Махуитк1э сылъыхъуащ апхуэдэ дыдэ топ и плъыфэк1и и инагък1и ещхьу сымыгъуэту. Иужьк1э сытми, си насып кърихьэк1ри, 1уэхур зэтедгъэувэжащ. Ноби абы игу къегъэк1ыж тенджызым къызэпрысык1ыу и топыр къызэрык1уэсэжауэ щытар.

Езым и ныбжьхэм сыт щыгъуи зы щхьэк1э къахэщу къыдэк1уэтея хъыджэбзыр илъэсих зэрыхъуу, курыт школым к1уащ. Ещанэ классыр къыщиухым, и ехъул1энытъэхэр къалъытэри, ар занщ1эу етхуанэ классым щ1эсхэм хагъэт1ысхьащ. Тыншу къехъул1эрт абы дерсхэр. Езыр нэф1эгуф1эщи, зыхыхьэ сыт хуэдэ гупми хэзагъэт. Курыт еджап1эр дыщэ медалкlэ къиуха нэужь, Москва къалэм и щ1энытъэм щыхигъэхъуэну к1уащ. Правительствэм и унэфlэщ академиер тху зашlэу къиухащ, Москва щолажьэ, етlуанэ щ1энытъэр зыригъэгъуэтыну правительствэм и академием юридическlэ факультетым щоджэ.

К1эрашэ Михаил *2017 гъэ, февралым и 7.*

ЧАСТЬ III

ИНСТИТУТ

Летом 1965 года, впервые в своей жизни, я, 17 летний паренек, приехал в столицу Северо - Осетинской АССР, город Орджоникидзе, поступать в медицинский институт.

От междугородного автовокзала, который находился при въезде в город со стороны Нальчика, я добирался до улицы Пушкина, где располагался медицинский институт, часа два. Долго ходил вдоль высокого забора, сложенного из красного кирпича, потерявшего цвет за века, прошедшие со дня постройки. Заходил в многочисленные корпуса медицинского института, напоминающий старинный монастырь, искал деканат, чтобы сдать документы в приемную комиссию. Предъявил председателю приемной комиссии справку, выданную Сельсоветом, взамен паспорта и трудовую книжку колхозника, в институт не принимали без двухгодичного трудового стажа, и самый ценный для меня главный документ – аттестат о среднем образовании для зачисления на учебу. Со мной долго беседовал председатель приемной комиссии - декан первых курсов, спрашивал, откуда я, кто родители, почему хочу стать врачом, был у меня опыт какой то в медицине. Я ему рассказал, что в детстве оказывал помощь братику Тимоше, когда он купаясь в реченьке Курп под новым мостом, случайно впоймался на проволоку как рыба на крючек, которая пронзила ему большой палец левой кисти насквозь. Прибежал к нам домой

соседский мальчик Хажхожев Хасанби, сообщил мне про несчастье, приключившиеся с братиком Тимошей, мама и папа были на работе. Помчался я с ним к Тимоше, через минуту я был на речке, осмотрел палец, и понял что проволока прошла под кожей, задела мякоть и вышла на другую сторону пальца. Бедный братик посинел от холода, клацает зубами, терпит, не плачет. Помочь некому, взрослых рядом нет, и инструментов в селе, чтобы перекусить или перепилить проволоку вряд ли можно было найти.

Криком, вот змея плывет, отвлек внимание Тимоши, дернул кисть вверх и освободил от проволоки, отвел его в сельскую амбулаторию, где ему сделали уколы от столбняка.

Другой случай, катались мы ребятишки с горки-обрыва на водокачке, который облили водой и сделали из глины, покрывающую горку - каток, все благополучно добрались до подножья, кроме одного, тихого, скромного, немногословного мальчика Хамизы Жигунова, приехавшего к нам в село Каншуеей с мамой Сальмой из Плановского, он напоролся на ржавый осколок снаряда, скрывавшегося под слоем глины и распорол бедро сантиметров на 20 - 25. Из зияющей раны обильно шла кровь, с перепугу все ребятишки разбежались по домам. Я быстро наложил повязку из рубашки на рану бедра, дотащил Хамизу до сельской амбулатории, где ему зашил рану врач Артюша из Ростова-на-Дону.

Третий случай, братик Валера случайно сел на разбитый осколок бутылки, сильно поранился, быстро я заткнул носовым платком зияющую, кровоточащую рану, плотно прижал рану ладонью и отвез на попутном грузовике в Терскую больницу, где ему наложили швы.

Четвертый случай в моей небольшой медицинской практике, годовалый буйволенок, любимец всей семьи сломал голень, кости торчали наружу, половина голени с копытом свисала как тряпка. Бедный буйволенок с перепугу и боли застыл на месте, держась на трех ногах, не пытался убегать. Мама наша плакала, отец предложил радикальные меры, чтобы буйволенок не мучился. Я собрал и соединил осторожно обломки косточек, налил на рану йоду, наложил повязку, сверху положил гипсовую повязку с четырьмя дощечками от копыта до бедра. Гипс принес из амбулатории младший брат отца Хажпаго, работающий завхозом в сельской больнице. Затем застывшему гипсу, на всю длину поломаннной ноги, привязал колышек - костыль, выступающий сантиметров на пять за копыто, об который буйволенок мог бы опираться. Целые две недели буйволенок не выходил из хлева, не пытался ходить, от еды и воды не отказывался. Меня все время облизывал своим большим шершавым черным языком. Через 3-4 недели буйволенок разгрыз гипсовую повязку и как ни в чем не бывало, на своих четырех ногах встретил нас во дворе. Я рассказал декану, что всему этому я научился у доктора Артюши в сельской амбулатории, где я пропадал целыми днями и наблюдал как он лечит больных, накладывая повязки.

Декан долго смеялся над моим рассказом, заявил, что я хоть сейчас могу работать врачом, что у меня навыки хирурга и он не сомневается увидеть меня в институте к началу занятий первого сентября, принял у меня документы и отправил меня в Нальчик обратно, куда через месяц, вначале августа, должны были приехать преподаватели из медицинского института принимать экзамены.

Окрыленный такой новостью, что экзамены будут проводиться в Нальчике, где дома и стены помогают, я вернулся домой и стал дожидаться экзаменов. За неделю до приезда приемной комиссии, мать сообщила, что звонили из министерства здравоохранения нашей республики, предложили мне попробовать сдать досрочно экзамены в другие медицинские институты нашей большой страны, если не сдам экзамены, или не пройду по конкурсу, то у меня останется возможность сдать повторные экзамены, вторая попытка для поступления в медицинский институт г.Орджоникидзе.

В сопровождении мамы, которая училась в 1944 – 1945 годах в Ленинском институте, в Затишье, ныне Кабардино – Балкарский Государственный Университет, я приехал сдавать досрочные экзамены. Экзамены принимали в главном корпусе университета профессора, заведующие кафедр, доценты, аспиранты.

Многочисленные родители будущих студентов, с перепуганными дочурками моего возраста, и бравые ребята, старше меня лет на пять, закончившие медицинские училища, отслужившие в армии, державшиеся спокойно и солидно, знавшие себе цену, и даже несколько женщин с грудными детьми на руках, собрались в большой аудитории университета. Родители хвалили своих любимых чад, какие они умненькие, вундеркинды, что можно даже без экзаменов их зачислять в медицинский институт.

Вызывали по несколько человек согласно списку, по алфавиту, направляли в разные аудитории, на разные этажи, сдавать устные экзамены по физике, по химии, по биологии. Сразу было видно и без экзаменов, кто знает на отлично школьную программу, чего стоят знания молоденьких семнадцатилетних выпускников, окончивших школу месяц назад, сыплющие формулы по физике и химии направо и налево, и знания старших ребят, закончивших после седьмого класса медицинское училище, отслужившие в Советской Армии по несколько лет, которые не годились в подметки молодым.

Экзамены сдали все, и молодые, и старики, так мы называли старших, которым было за 20 лет. Без особых усилий, волнений, я спокойно сдал все вступительные экзамены. Результаты экзаменов переслали в медицинские институты для участия в конкурсах на зачисление. А нас отпустили, предупредили, в любом случае явиться на повторные экзамены, которые должны были проводить гости из медицинского института г. Орджоникидзе.

Ждали целую неделю, но нам так и никто не объявил, прошли мы по конкурсу или нет в другие институты. Приехали экзаменаторы из

Орджоникидзе, собрали нас в самом большом зале Нальчикского медицинского училища. Первый экзамен был по Русскому языку, я выбрал тему – «Как закалялась сталь?» - Н.Островского. Только начали писать сочинение, минут через десять председатель экзаменационной комиссии объявил, что сдавшие документы в деканат медицинского института города Орджоникидзе месяц назад, и успешно сдавшие досрочные экзамены неделю назад, автоматом зачислены на первый курс Северо-Осетинского Государственного медицинского института, и попросил нас покинуть зал. Человек тридцать девушек и парней, радостно переговариваясь, быстро выскочили из зала. Остальные, примерно двести человек, остались дописывать сочинение.

Особенно радовался я, мне не хотелось далеко уезжать от своей малой Родины, от своих родителей, многочисленных маленьких братиков, от своей любимой девушки Заримы.

Мы, студенты из Кабардино – Балкарии, прибывшие на учебу к первому сентябрю в город Орджоникидзе, не досчитались половины ребят, с которыми познакомились в Нальчике на досрочных экзаменах. Только после окончания третьего курса медицинского института, на практике в Терской райбольнице, я узнал куда делась другая половина пропавших ребят, успешно сдавших вступительные экзамены. Мне рассказал практикант из Ростовского медицинского института Карашаев Хамиша, из села Верхний Акбаш. С ним я познакомился три года назад в Нальчике на досрочных экзаменах, когда сдавал экзамен по физике доценту кафедры физико – математического факультета, симпатичному, вежливому мужчине лет сорока с фамилией Карашаев, как и у моего нового друга Хамиши.

На всю жизнь запомнился мне этот экзамен, я ответил на все вопросы билета, решил все задачи, все время меня внимательно слушал и улыбался доцент, принимающий у меня экзамен, задал несколько дополнительных вопросов, откуда я, не хочу ли я поступить к ним в университет на физико – математический факультет? Предложил, если меня не зачислят в медицинский институт, то с этими оценками примут в университет без дополнительных экзаменов. Поставив оценку отлично, отпустил меня на все четыре стороны. Хамиша Карашаев тоже получил оценку отлично, он рассказывал, что хотел остаться как и я, поближе к своим родителям, но его распределили в Краснодарский медицинский институт, за неделю до отъезда в Краснодар вызывали в Минздрав и сообщили, что он зачислен в Ростовский медицинский институт, а не в Краснодарский. Как он не сопротивлялся и не хотел, все равно отправили учиться подальше от своей малой Родины. Он по конкурсу проходил без всяких препятствий в Ростовский институт, как отлично сдавший все экзамены, имевший стаж медработника – работал в селе фельдшером, а в армии служил в медицинском пункте воинской части.

На установочных лекциях в медицинском институте города Орджоникидзе, нас студентов первокурсников разделили на 14 групп, по 20

студентов примерно, назначили старост групп, меня, семнадцатилетнего паренька из села Каншуей Терского района КБР, выбрали старостой одиннадцатой группы, рекомендовал меня декан первых курсов, который беседовал со мной при сдаче документов для поступления в медицинский институт, он помнил, что в автошколе я был старостой группы курсантов. Старостой всего курса назначили Гучева Анатолия, двухметрового бравого парня из села Альтуд Прохладненского района КБР, только что демобилизованного из Армии, в военной гимнастерки, с погонами старшего сержанта медицинской службы, служившего три года начальником медицинского пункта, и комсоргом воинской части.

1965 год 1й курс, Миша с девочками из 11 группы на занятиях по иностранному языку

Нам, студентам из Кабардино – Балкарии симпатизировали все преподаватели и на первом и на всех последущих курсах до окончания медицинского института. Видимо из – за самостоятельности, и исполнительности.

Две недели нам читали только лекции, практические занятия должны были начаться после колхоза, у нас было масса времени познакомиться с друг другом, подружиться, побродить по городу, по музеям.

Город Орджоникидзе, вторая моя малая Родина, в который я влюбился с первого раза, был основан в 1784 году, на месте ингушского села Зауре (Заур – Победа), осетинское название Дзаурикау (Дзуар – осетинский крест), русская крепость Владикавказ.

Всей группой мы ходили после лекции на киносеансы в ближайший кинотеатр «Дружба», в медицинскую библиотеку института, набирали учебники для занятий.

С первой минуты и до окончания института я успешно исполнял обязанности старосты группы, все вопросы по получению студенческих

билетов, назначения стипендии, предоставления общежития, решал в деканате.

1965 год г. Орджоникидзе. Миша

Быстро пролетели две недели установочных лекций, обустроились все, кто в общежитии, кто на квартире, получили студенческие билеты, учебники по анатомии, по физиологии, атласы. Нас отправили домой на семь дней, чтобы мы прибыли в соответствующей экипировке для поездки в колхоз, чтобы решили вопросы на своей малой Родине по получению паспортов и снятии с воинского учета.

Через семь дней я вернулся в медицинский институт, где меня ждала одиннадцатая группа, готовая к поездке в колхоз имени Коста Хетогурова, селения Кирова, Ардонского района Северной Осетии, для уборки кукурузы – королевы полей…

1 МАЯ 2016 ГОДА **М. КАРАШЕВ.**

К О Л Х О З

В сентябре 1965 года, нас, триста студентов первого курса медицинского института г.Орджоникидзе, в сопровождении преподавателей, ассистентов, доцентов, деканов, кандидатов и докторов наук, профессоров, на больших автобусах под №3 и №4, снятых с городских маршрутов, отвезли на уборку кукурузы в колхоз имени Коста Хетагурова, Ардонского района, селения Кирова.

Разместили нас в большом сельском клубе, девушек за занавесом на сцене, на железных кроватях, а ребят на матрасах, разложенных на деревянном полу всего зала. Жили мы как на войне, в полевых условиях, воду могли брать из единственного крана на улице, туалет был наружный. А в остальном все было отлично, кормили нас три раза в день, утром и вечером в столовой, наспех сооруженной под открытым небом возле клуба, а обед привозили на кукурузное поле, где мы работали, все были довольны сытными борщами, супами, отварным мясом, холодным компотом и сладким киселем. Хлеб в селе был особенный, пекли его в колхозе, огромный круглый каравай, весом до 3кг, мягкий, вкусный, ели и никак не могли насытиться.

Вставали рано, в пять часов утра, быстро завтракали и нас отвозили на грузовых машинах в поле. Норма была 25 корзин на студентку и 30 корзин на студента в день. Первые несколько дней нам всем было трудно, жара за 40 градусов, зной, солнцепёк, жажда, мышцы ноют, болят, пальцы не гнутся. Очень жаль было видеть, как мучаются девчушки – студентки, одетые в грубые рабочие комбинезоны, с грязными заплаканными личиками, тянущиеся вдвоем или втроем большую корзину, еще не заполненную золотыми початками кукурузы, и городских ребят, маменьких сыночков, с нежными пальцами, не привыкшими к тяжелой физической работе, отдыхающих по 15 – 20 минут на своих доверху набитых корзинах. Только нам, ребятам, выросшим в деревнях, привыкшим к повседневному

физическому труду, и демобилизованным из армии бравым парням, было все нипочем. Мы подбирали полные корзины, тащили к трактору с прицепом, двигающемуся по убранному кукурузному полю и кидали эти корзины весом 25 – 30 кг одной рукой за 3-5 метров, не доходя до трактора и попадали прямо в середину прицепа. Если бы не было нас ребят из сел, и отслуживших в армии парней, то сорвалась бы компания по уборке кукурузы, ни колхоз, ни шефствующий над ним наш медицинский институт, никогда не выполнили бы такую трудную задачу, поставленную партией и правительством.

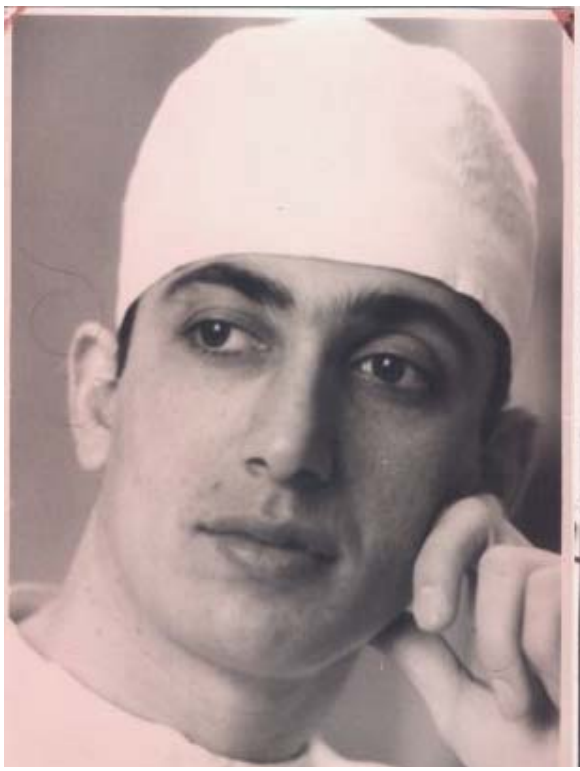
Через несколько дней наших девушек и городских ребят нельзя было узнать, с песнями двигались по рядам кукурузы, шли вперед, как в атаку, по кукурузному полю, обрывали початки, быстро заполняли корзины, а мы едва поспевали подбирать за ними полные корзины и закидывать в прицепы тракторов.

Вечерами гуляли по маленькому селу, пели песни, знакомились друг с другом, узнавали, кто откуда приехал в институт? Подружились за месяц работы, мы, студенты первого курса: Осетины, Чеченцы, Ингуши, Армяне, Грузины, Кумыки, Лезгины, Кабардинцы, Балкарцы, Русские, Немцы, Евреи. Познакомились с преподавателем первого курса, и с будущими на старших курсах. Девчушки из Кабардино-Балкарии ни на шаг не отходили от нас, парнишек, все поучали, как своих младших братишек, с этой или с той не дружить, не встречаться, а с этой можно.

Один - два раза в неделю, к нам, на кукурузное поле, приезжала автолавка из города, привозила по заказу все, что было необходимо в полевых условиях. С радостными криками сбегались к ней наши девочки и мы ребята, покупали сладости: конфеты, халву, сахар, чай, лимонад, минеральную воду. Впервые я попробовал крем-соду, до сих пор будто это было пять минут назад, сладкий вкус, шипучей, ледяной крем-соды стоит во рту. Ближе всех, как с родными братьями подружился в колхозе с: Чеченовым Бесланом, Кештовым Музарином, Хачетловым Романом и Беппаевым Юсупом. Он будто появился ни откуда, все думали что он из Осетии, оказалось, что он наш земляк, из села Верхний Чегем, откуда был родом и наш любимый, народный поэт – Кайсын Кулиев. Юсуп был в военной форме, только что пришел из армии. Каждую ночь ему приходилось менять место в клубе, где он спал, соседи жаловались, что он не дает им спать, сильно храпит, перетаскивая свою постель с места на место, в конце концов он очутился рядом с нами, ребятами из Кабардино – Балкарии, где мы и узнали, что он тоже один из наших. Больше его никто не беспокоил. После окончания медицинского института я шесть лет не видел Юсупа, и не знал где он. После службы в армии и двухгодичной клинической ординатуры в г.Казани, я работал в Терской ЦРБ, переехал в 1979 г. в г.Нальчик, и продолжил работу в отделении Анестезилогии и Реанимации гор.больницы. Случайно, возле Дома Советов, встретил Юсупа, он не изменился, остался таким же как и был, веселым,

жизнерадостным парнем. Оказалось, что он тоже закончил двухгодичную ординатуру, но в г.Саратове, работал на станции скорой помощи в Нальчике, был холост. Я похвастался, что у меня два сына, а он старше меня, и до сих пор не женат. Предложил познакомить его со старшей медсестрой отделения Реанимации – Розой Д. До того он был стеснительный, что начал отказываться, что он после дежурства, не брит, приводил массу причин, что так нельзя, обычаи не позволяют. Тогда я придумал выход, пригласил его к себе домой, на день рождение младшего сына Аскера, которому исполнялось 1 год в ближайщую субботу. Немножко я схитрил, день рождение у сына должно было быть через месяц. Пригласил я и Розу, которую я обрабатывал целых три дня, рассказывал про своего друга, какой он красивый, хороший, умный, но один недостаток, не женат до сих пор, не нашел достойную девушку. Заинтересовалась Роза, согласилась прийти на день рождение к моему сыну и посмотреть на хваленного Юсупа. Пришли они в ближающую субботу, ко мне на день рождение моего второго сыночка Аскерчика, которому должно было исполниться 1 год через месяц. Влюбились они с первого взгляда друг в друга, через пол часа они договорились, куда посылать сватов, и к кому. Через месяц сыграли свадьбу. Через три года у Юсупа подрастали двое детей, девочка и мальчик.

Второй мой друг Чеченов Беслан, с которым я познакомился в колхозе, он был из Жемталы. Высокий, стройный парень с усами, про таких говорят «красавец кавказец», «джигит», приехал на уборку кукурузы в красивой офицерской форме, которую носили наши военнослужащие за границей, он только демобилизовался из армии, где три года служил в Германии, в военном госпитале.



Беслан сразу понравился всем студентам первого курса, и даже преподавателям. Вокруг умного, обаятельного парня всегда крутились девочки – студентки и даже аспирантки, пытавшиеся обратить на себя его внимание. С ним я жил первые три года в одной комнате общежития медицинского института, на улице Декабристов 39, с нами жили в этой комнате Пшуков Борис однокурсник мой, и Тхаголегов Анатолий, учившийся на курс выше. После третьего курса, я женился на односельчанке, из села Каншуей, снял квартиру на улице Народов Востока 28, в ста метрах от общежития.

Очень многому я научился у Беслана за шесть лет учебы, зубрили вместе анатомию, немецкий язык, где на уроках особое внимание обращала на него молодая преподавательница немецкого языка. По нашему совету Беслан отвечал ей взаимностью, дарил ей цветы, которые мы всей группой покупали. Благодаря усилиям Беслана, вся наша группа училась на хорошо и отлично по немецкому языку.

После окончания медицинского института, Беслан работал хирургом, фтизиатром несколько лет в Нальчике, затем главным фтизиохирургом Республики.

Третий друг по колхозу, Кештов Музарин - самый красивый парень на первом курсе, все девочки были влюблены в него, но он выбрал красавицу, ингушку, Мальсагову Л., из ингушского г.Малгобека, на третьем курсе он женился на ней. Целая история была с его женитьбой, приехали ночью из села Психурей забирать невестку, а её из общежития не выпускают к жениху. Сбежались ребята ингуши, кабардинцы, осетины, чуть до драки не дошло. Вызвали милицию, которая выяснила, что невестка по любви выходит замуж. Пришлось невестку выпускать из общежития к своему любимому жениху.

Почему – то никто из родственников жениха не сообразил, что надо было забирать невестку с торжествами, с цветами, с музыкой днём из общежития, никто бы и не припятствовал бы.

В этой истории с женитьбой больше всех пострадал без вины – Хачетлов Роман. Четвертый друг по колхозу.

Мои однокурсники Рома и Музарин.

Комендант общежития написал жалобу Ректору института, что он организатор похищения невестки, что он ночью устроил беспорядок, переполох в общежитии. Очислили Рому из института с формулировкой «За инстинировку похищения девушки».

Разобрались, подключились партийные органы из Ингушетии, Осетии и Кабардино-Балкарии, восстановили его.. Рома обиделся на всех, не захотел продолжать учебу в г.Орджоникидзе и перевелся на медицинский факультет Нальчинского Университета на курс ниже. До сих пор ему обидно, что наказали его безвинного.

Через месяц мы закончили уборку кукурузы, перевыполнили норму в три раза, выполнили задания партии и правительства. Всех студентов - первокурсников поощрили денежной премией. Сельчане благодарили нас, приглашали следующей осенью приехать к ним опять на уборку кукурузы. Радостные мы вернулись в свой родной институт, за которым соскучились, чтобы продолжить учебу.

5 МАЯ 2016 ГОДА. **М.КАРАШЕВ**

АНАТОМИЯ

После окончания уборки кукурузы, осенью 1968 года, у нас первокурсников медицинского института начались практические занятия по анатомии. Занятия проводились ежедневно в отдельном большом корпусе, который студенты прозвали «Анатомичкой». Здесь была знаменитая кафедра по анатомии, учебные комнаты, прекрасный анатомический зал, с тысячами образцов организма, и подвальное помещение с огромными бетонными ваннами, где в растворе формалина хранились «Экспонаты». На лекциях профессора предупреждали – если мы не будем знать анатомию на отлично, лучше оставить институт добровольно, пока не отчислили. Со всего курса только одна красивая, пухленькая девочка Толасова Алла, отказывалась заходить в подвальное помещение, падала в обморок при виде «Экспоната» лежащего в растворе формалина. Написала заявление, чтобы ее отчислили из института. Вызвали нас старост групп в деканат, попросили помочь, взять шефство над Аллой. Весь курс обхаживал её, ни на одну минуту днем и ночью она не оставалась одна, рассказывали ей смешные истории, подкладывали ей в портфель образцы органов из пластмассы и пластилина. Обнаружив страшную для нее находку, она подымала крик, рыдала, хохотала, через две недели Алла забыла все свои страхи, стала свободно посещать занятия по анатомии, заходить в подвальное помещение, где хранились «Экспонаты». На пятом курсе Алла вышла замуж за отличного парня Маирбека из Чечни. Вначале первого курса, у нас студентов из Кабардино-Балкарии, не изучавшие в средней школе иностранные языки, были большие проблемы. Зачислили нас в группу для начинающих изучать английский язык. Целый месяц мучал нас старичок, преподаватель английского языка, он умудрялся на одном занятии поставить каждому по три двойки: по чтению, по грамматике, и за словарный запас. Подсказали нам и помогли в этой тяжелой ситуации – Гоова Лариса, аспирантка кафедры гигиены, моя родственница, односельчанка, Баниева

Роза – председатель проф.союзного комитета института, старшекурсница, Езаов Килишби – старшекурсник, мой близкий родственник из села Инаркой, поговорили они с деканом, пригласили нас всей группой в деканат, написали заявление, что изучали в средней школе немецкий язык, и хотим продолжить изучение немецкого языка. По институту издали приказ – зачислить всех нас в группу продолжающих изучать немецкий язык. Миленькая, красивая, молодая девушка, преподавательница немецкого языка была довольна нами, усердно читающими тексты по немецкому языку. Помог нам латынский язык, которым мы овладели в течение месяца. Через несколько недель мы стали получать четверки и пятерки по немецкому языку. На четвертом курсе все мы успешно без троек сдали гос.экзамен по немецкому языку. Ни один студент из нашего курса не был отчислен за неуспеваемость, с нами ежедневно, ежеминутно занимались прекрасные, умные, тактичные преподаватели, которые могли сотни раз объяснить, рассказать про одну и ту же тему. Наизусть мы учили анатомию, физиологию, гистологию. Могли под микроскопом по одному тоненькому срезу, по клеточкам определить, откуда, из какой части тела, или органа они взяты. Если кто – то переставал посещать занятия, мы – старосты групп, должны были в течение двух – трех дней сообщить нашему декану причину отсутствия студента.

Недалеко от нашего мед.института, за парком, находился педагогический институт, где так – же учились студенты из Кабардино-Балкарии. Богатырёв Леонид - мой односельчанин из села Каншуей, будущий чемпион мира в легком весе по вольной борьбе, будущий тренер сборной нашей страны, приходил часто по вечерам со своими друзьями на тренировки к нам, в спортзал мед.института. В армии, я служил в г.Луховице, недалеко от Москвы, один – два раза в месяц приезжал к нему в гости, в Москву, где он жил в прекрасной однокомнатной квартире, приводил с собой младшего брата Валерика, учившегося в Высшей Комсомольской школе. Бродили по Москве, катались на катерах, смотрели стереосеансы в кинотеатрах на Арбате.

Все мои однокурсники закончили первый курс без проблем и перешли на второй курс, разъехались на каникулы по своим родным домам. Приехал я в свой родной Каншуей, где заканчивали среднею школу мои бывшие одноклассники, проучившиеся одиннадцать лет, и моя девушка Зарима, проучившуюся десять лет. Выпускными классами в этом году по всей стране были десятые и одиннадцатые.

Зарима поступила в Нальчинское медицинское училище, учиться на фельдшера. Мой младший брат Вова, окончивший политехнический техникум, поступил в Нальчинский университет. Все мои бывшие одноклассники – одногодники поступили в институты, университеты, техникумы страны, а учившиеся по два – три года в одном классе ребята, были призваны в армию, все до одного, где доучивались, овладевали

знаниями, которыми не могли их научить в средней школе. Все три месяца на летних каникулах работал водителем, возил пшеницу в на элеватор в Терек, не успел оглянуться, как пришлось возвращаться на учебу в институт.

Анатомия для меня, будущего хирурга, была и остается самой интересной и любимой наукой, разбуди меня хоть в три часа ночи и спрашивай про нее, все я знаю наизусть, где собачья ямка, где красивая мышца, про артерии и вены, лица, черепа, кисти. Эти знания пригодились мне когда я стал работать хирургом в Терской Районной Больнице. Как-то вызвали меня в приемное отделение, посмотреть больную, которую направили из поликлиники на ампутацию пальца, а это оказалась ближайшая родственница, Карашева – Кампарова Х., героиня труда, первую машину жигули – копейку, как ее называли в народе, Райсполком выделил ей. Увидела меня, плачет, как я без пальца буду, как буду работать дояркой в колхозе. Осмотрел я ее палец, понял, что не надо никакой госпитализации, ни ампутации пальца. Хирург в поликлинике увидел почерневший, опухший палец, не разобрался, поставил неправильный диагноз – «гангрена пальца», и направил в стационар. За несколько минут, под местным обезболиванием, убрал все больные ткани до косточек, наложил повязку с мазью Вишневского, и отпустил плачущую родственницу домой, предупредив ее не развязывать рану, не мочить, ничего не делать эти дни, явиться через пять дней. Через пять дней все зажило, повязку сняли и её отпустили домой.

Приехала из Сочи, где проходила практику, Роза, младшая сестра моей супруги. Пришла ко мне на работу с моей супругой, плачут, Роза прикрывает лицо платком. Оказалось, у нее абсцесс лица, в Сочи побоялись её оперировать, посоветовали поехать к себе домой. Тонким, глазным скальпелем ткнул в центр гнойника, на глазах отёк лица у неё спал, через три дня никаких следов не осталось, и Роза уехала обратно в Сочи.

Несколько дней не выходила на работу наша операционная сестра Ю., одна из сестричек – близняшек, работающих в отделении, у неё оказался абсцесс века, лицо отекло, глаз полностью заплыл, плачет. Старшие, опытные хирурги категорически отказались ее оперировать, боялись повредить нерв, вызвать паралич века, советовали ей ехать в Нальчик, обратиться к лицевому хирургу. Помог я, молодой хирург, плачущей Ю., Часто я встречаю Ю в Нальчике, она закончила мед.факультет, работает Зав. Клинической лаборатории в одной из больниц.

На дежурстве, в выходной день, на обходе, меня пригласили в инфекционное отделение к тяжело больной, а это оказалась мамина подруга, учительница Троян П. За секунды, при первом взгляде, я понял, что у нее перитонит, а не инфекционная болезнь. Быстро собрал хирургов, операционных сестер, спасли её, всю жизнь она благодарила меня.

На следующем дежурстве, через неделю, на обходе в терапевтическом отделении, показали мне умирающего мальчика, с диагнозом «ревматизм», а

у него перитонит, флегмонозный аппендицит, вытащили мальчика с того света. Иногда встречаю в Нальчике высокого, красивого мужчину с усами, который кричит – «Доктор! Доктор! Вы меня спасли!», приглашает к себе домой, похвастаться перед своими детьми.

В Нальчике, на дежурстве, толпа людей занесла в реанимационное отделение почерневшего, не подающего признаков жизни, мальчика пяти лет, за мгновение, прямо в коридоре, я вытащил пальцами изо рта мальчика большой абрикос, который перекрывал дыхательные пути, через несколько секунд мальчик стал дышать, порозовел, очнулся, заплакал. Радостные родители унесли его домой, на другой день пришли благодарить своего спасителя.

Хажгуаше 80 лет, увидев меня, она плачет, вспоминает и рассказывает всем, как я лечил ее, сохранил палец, который ей хотели отрезать.

Роза, красавица, вечно молодая, веселая, тоже вспоминает, что благодаря мне она ходит без шрама на лице.

Помог я своему младшему брату Сереже, которого мать привезла к хирургам с болями в животе, осмотрели хирурги его, поставили диагноз – «кишечная колика», и отпустили домой, я заподозрил у него аппендицит, оставил ночевать у меня дома, ночью на скорой привез Сережу в хирургию с диагнозом «Флегмонозный аппендицит», оперировали его, убрали нагноившийся аппендикулярный отросток.

После окончания пятого курса я проходил практику по хирургии в Республиканской Клинической Больнице в городе Нальчике, ко мне приехала из села моя мама Катя с распухшим указательным пальцем правой кисти, я сразу предложил ей, надо вскрыть гнойник, хотел показать хирургам, но она категорически отказалась. Попросила, чтобы я сам ее прооперировал, других она боится, доверяет только мне родному сыночку, отвел я ее в травпункт к хирургу - травматологу Тарчокову Харитону, он когда-то работал у нас в селе участковым врачем, затем учился в ординатуре в городе Орджоникидзе, мы с ним были большими друзьями. Харитон всегда выручал меня, занимался со мной по хирургии, дарил книги по специальности. Объяснил я Харитону, что мама хочет оперировать палец только у меня. Харитон ассистировал мне, подавал шприцы с новокаином для обезболивания, скальпель. Мать не заметила и не почувствовала как я вскрыл ей гнойник на пальце, отвлекал ее разговорами мой друг Харитон. После операции мама благодарила Харитона, за то что он научил меня так ловко оперировать, и поехала домой. Через три дня она выздоровела и забыла про свой больной палец.

Летом 1968 года я проходил практику в Терской Районной Больнице, принимал больных в поликлинике до обеда вместе с Заведующим Хирургического отделения Кошеровым М. Вызвали срочно как-то его в военкомат, меня он отправил в стационар, чтобы я готовил больного с острым флегмонозным аппендицитом на операцию, которого он должен был

оперировать, а я должен был ему ассистировать. Предупредил, что через 30 минут будет на месте. Прихожу в стационар, а там по отделению бегает санитарка Жанна из операционного блока, ищет, спрашивает всех: “Где Заведующий?” . Увидев меня Жанна попросила зайти в операционную. Оказалось, что идет операция, и оперируют моего двоюродного брата Лиуана, по поводу острого аппендицита, я и не знал, что он был госпитализирован, его и хотел оперировать Заведующий вместе со мной, да еще под наркозом.

Не дождавшись Заведующего отделением, молодая врач анестезиолог работающая палатным хирургом на полставки, которая умела только перевязывать больных, решила отличится, и без всякого разрешения взялась самостоятельно оперировать больного, хотя ей строго на строго запрещалось подходить даже к амбулаторным больным. Все мы знали, что анатомию за первый курс, она смогла сдать к окончанию четвертого курса. Сделав разрез, и не найдя отросток новоявленный “хирург” запаниковала, она не знала хотя и окончила мед. институт, что отросток апендикулярный может находиться в другом месте, забрюшинно в области почек. Я успокоил ее, сказал, что Заведующий здесь, чтобы она готовила больного к общему наркозу, без которого флегмонозный аппендицит, расположенный атипично, нельзя было удалить без наркоза. Операция закончилась благополучно для всех.

После этого случая, и других случаях, где она анестезиолог, потерпела фиаско, как-то она хотела сделать обрезание мальчику и чуть эта операция не закончилась трагедией, она уволилась и уехала в другой город работать терапевтом. Но этот случай был единственным произошедший с девушкой хирургом, в моей врачебной практике. Везде где бы я не работал, все хирурги девушки были мастера своего дела, оперировали лучше чем мужчины хирурги.

За много лет работы, я облегчил страдания сотням больным, десятки спас, никогда не жалел, что выбрал профессию врача, что днем и ночью отдавал все свои силы и знания во благо здоровья людей, и где бы я не работал, в хирургии, в анестезиологии и реанимации, в мед. лазарете воинской части, в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, на скорой, в сан.авиации, всегда, в трудную минуту выручали отличные знания по анатомии.

7 МАЯ 2016 года. **Михаил Карашев.**

Зариме, моей верной спутнице длинной дороги жизни посвящаю.

И с этих пор одна лишь ты
Живешь в садах моей мечты,
И с этих пор лишь ты одна
В моей душе отражена.

Ю. И. Кос

З А Р И М А

Старший ребенок, из многодетной семьи школьного друга моего отца, Зарима, худенькая, беленькая, с прозрачной кожей, с вьющимися каштановыми, длинными косичками до пояса, была самым любимым ребенком для родителей, трех братиков, и сестрички. Особенно ее отец Сафарби, фронтовик, не чаял души в ней, все беспокоился, спрашивал, не голодна ли она? Кормили её? Не обижали!? Возил в Нальчик к профессору Кушхабиеву Виктору, бывшему участковому врачу нашего села Каншуей, спрашивал, как ее кормить, почему у нее плохой аппетит, почему худенькая? Всякий раз, его успокаивали, ребенок здоров, наберет вес, всему свое время.

Незаметно для всех, к пятнадцати годам, в 7-8 классах, Зарима превратилась в высокую, стройную, красивую девушку. Одноклассники и старшеклассники стали обращать на нее внимание. Судьбе было угодно, чтобы я вернулся в Родное село и случайно познакомился с ней на одном из

школьных викторин. Она выбрала меня, учившегося пять лет в Тереке, вернувшегося в Родное село заканчивать среднюю школу, стала дружить со мной.

Ребята, ссорившиеся между собой из-за нее, сразу успокоились, взяли мою сторону, не давали никому к ней приближаться кроме меня. Рассказывали мне, кто к ней приставал, кого прогнали подальше от нее. Сперва у меня возникли проблемы с почтовой связью. Пытался передать записку через своих младших братиков Валерика и Лиуана, с которыми Зарима работала в ученической бригаде. Вечером я поинтересовался у братиков передали они записку, оказалось, что потеряли ее на кукурузном поле. На велосипедах мы в троем добрались до кукурузного поля, была летняя ночь, ярко светила луна, освещавшая все кругом, было видно как и днём. Нашли четырнадцатый и пятнадцатый ряды кукурузного поля, которые пропалывали мои братики, прошли целый километр но не нашли записку, вернулись ни с чем, решили рано утром возобновить поиски. Ночью прошел сильный дождь, я успокоился, теперь если записку и найдут, то не смогут прочитать, дождь уничтожил текст написанный простым карандашом, и никто не узнает теперь нашу тайну. После этого случая я стал осмотрительнее в выборе почтальонов, выбрал одноклассника Заримы - Улигова Юру, красивого, умного, интеллигентного парня, он и был нашим тайным почтальоном, через него мы обменивались записками, где мы сообщали друг – другу о месте очередной встречи. В настоящее время Юра работает директором крупной организации. Каждый раз он хвастается, что если ни он, никогда мы с Заримой не поженились бы.

Зарима 1968 год

Другой одноклассник – Володя Богатырёв, стройный, худенький, улыбчивый, веселый паренёк, близкий родственник и тоже сосед Заримы, дома Заримы и Володи разделял всего один старенький, дырявый плетённый забор, через который домашняя птица и даже телята свободно попадали в чужой двор, помогал мне тайно встречаться с Заримой у себя дома. Никто об этом не знал и даже не догадывался.

Я приезжал к Володе на велосипеде, помогал овладевать знаниями по математике, которыми он не блистал. Мать Володи – Сафетка, красивая, смуглая, большеглазая женщина, сразу уходила к соседям, что бы не мешать нам заниматься математикой, увидев ее у себя дома, Зарима через пару минут прибегала к Володе за каким то учебником, где мы «случайно»

виделись с ней. Володя ни на одну минуту не оставлял нас одних, рассказывал смешные историй, веселил нас. Быстро пролетали радостные минуты «нечаянной» встречи, никак не могли наговориться, через полчаса возвращалась мама Володи и Зарима убегала домой, прихватив по пути первую попавшую, не нужную ей какую-то книгу.

Минуло более пяти десятков лет, Юра Улигов и Володя Богатырёв до сих пор спорят между собой, кто из них больше помог мне в той далёкой юности, я успокаиваю своих друзей, что они внесли равный вклад в нашу счастливую жизнь, что без них я не смог бы жениться на Зариме.

В те давние времена нашей юности ни о каких открытых свиданиях речи и не могло быть, да и негде было встречаться в глухом селе, половина села были ее родственники, многочисленные тетушки, дядюшки, двоюродные, троюродные сестрички и родные братья, которые ни на одну минуту ее не оставляли без присмотра. Встречались мы будто случайно в школе на переменах, на олимпиадах по химии, по географии, на новогоднем вечере, на киносеансах в старом сельском клубе.

Однажды моя мать, учительница географии, прислала Зариму со своей одноклассницей, подругой, родственницей, Карежевой Мирой, забрать какие – то книги. Застали меня девочки врасплох, я готовил тесто для выпечки хлеба, весь перепачканный мукой, руки по локоть в тесте, как ни в чем не бывало, я встретил девочек, шутил с ними над собой, что нас шестеро братиков, и нет ни одной сестренки, которая испекла бы хлеб, а матери некогда, пропадает в школе. Всему научила нас, своих сыночков кабардинцев наша русская мама Катя. С этого смешного случая Зарима, стала больше уделять мне внимания.

Поступив в институт, приезжал увидеть Зариму в село, а затем в Нальчик, где она училась в мед.училище. Постепенно наша дружба перешла в любовь.

За месяц до окончания третьего курса института, мы с Заримой решили, что поженимся на летних каникулах, все сельчане, студенты мед училища, и ее преподаватели знали, что у нас скоро свадьба.

Наши отцы перед уходом на фронт обещали друг другу, если вернутся живыми с войны, то поженят своих детей, если у Сафарби будет мальчик, а у Хазрита девочка, или наоборот. Никто из них до нашей свадьбы об этом никому не говорил, скрывал.

Перед летней сессией, после которого я заканчивал третий курс, уговорил я своих родителей послать сватов к родственникам Заримы, решить вопросы о нашей женитьбе, когда можно забирать невестку, и откуда, а сам уехал сдавать экзамены за третий курс. Через неделю я не смог приехать на выходные в село, у моего друга Гучева Анатолия, старосты курса, умер отец, я со студентами ездил в село Альтуд на похороны. За эту неделю, в моем селе Каншуей без моего присутствия произошла целая комедия. Мои близкие родственники: Хашпаго - младший брат отца, Ахмед-старший сын дедушки Джамала, Борис-старший сын

дедушки Алибека, пришли к родителям моей девушки, и попросили отдать ее за меня замуж. Наугощались в гостях так, что забыли зачем пришли, и видя, что родственники девушки согласны хоть сейчас отдать ее за меня замуж, чтобы сделать сюрприз для меня и для моих родителей, привезли Зариму с почестями к нам домой: с музыкой, танцами, и песнями.

Получилось так, как говорится в поговорке: “Без меня меня женили”. Зарима, узнав о том, что меня нет, и я не знаю, что её привезли, хотела убежать домой, уговорили её мои родственники, сказали, что я на похоронах, не смог приехать, но все знаю и буду очень рад. Утром моя мать отвезла Зариму в Нальчик на учебу, попросила ее не звонить мне, а если я сам позвоню, то не говорить, что вопрос о свадьбе решен. Пусть это будет сюрпризом для Миши.

Я целую неделю не знал, что к нам домой привезли Зариму, специально не сообщали, чтобы я не бросил учебу перед сессией, и на радостях не примчался к себе домой в село, или в Нальчик к своей молодой красавице, девушке Зариме – уже жене.

Нижний Курп. Зарима с сыном Анзором 1972

В следующую субботу, ровно через семь дней, как обычно поехал я к себе в Каншуей на автобусе, доехал до Терека, где автобус остановился на автостанции, чтобы подобрать новых пассажиров. Вышел из автобуса прогуляться минут на пять, встретил бывшую учительницу по химии

Юлию, она начала меня поздравлять с женитьбой, я конечно ответил, что еще пока не женат, но мы поженимся через месяц. Посмотрела она на меня как – то странно, я сразу сообразил, видимо сваты «нагрузились» и привезли невестку ко мне домой на целый месяц раньше, чем мы планировали.

Из Терека автобус ехал до моего села минут 30, а мне показалось, что целую вечность. Дома, кроме пятилетнего младшего братика Сережи, никого не было, он так и не смог мне ответить, что произошло здесь за неделю? Постеснялся сходить к соседям, было бы смешно, если б я спросил: “Женился я или нет”? Через два часа, в девять вечера, приехал автобус из Нальчика, увидев из окна маму с Заримой, я спрятался в зале за занавеской, но к ним навстречу побежал братишка Сережа и сообщил, что я приехал, что я дома. Забежала Зарима в дом, ищет меня - «Миша, Миша! Где ты?!...»

Через месяц приехали мои родственники из Волгограда, Виноградного, Раздольного, Иноземцева, Терека, Нальчика, однокурсники из Орджоникидзе, пришли мои и её одноклассники, почти все село, сыграли нам красивую свадьбу по всем Адыгским обычаям, с танцами, народными песнями, с джигитовкой, и конечно, с главным героем Ажигафой. Невестку из дома соседей, младшего брата отца, заводили в дом моих родителей под песню «УАРИДАДА», осыпали конфетами, монетами, стреляли по дымоходу из ружей.

К сожалению, ни одной фотографии нашей свадьбы у нас нет. Профессиональный фотограф Алексей из Терека, рыжий, конопатый парень, перебравшись шампанским на свадьбе, засветил все негативы. Несколько лет он избегал нас с Заримой, но встретившись случайно с нами долго извинялся и оправдывался.

Через две недели, мы с Заримой уехали на целый месяц в свадебное путешествие, в город Сталинград, к моим многочисленным русским родственникам.

Для нас, молодоженов, выросших в далеком, глухом селе, это путешествие навсегда, на всю жизнь оставило яркий след. Всем родственникам понравилась скромная, тихая, немногословная, красивая девушка, кабардиночка Зарима.

Почти месяц мы отдыхали, бродили по городу Сталинграду, где насмерть стояли наши войска, где тяжело был ранен в бою мой отец Хазрит.

Катались на пароходах, были на Мамаевом кургане, фотографировались, восполнили с лихвой не получившиеся фотографии на свадьбе.

Закончились наши счастливые каникулы, вернулись на учебу, я в Орджоникидзе, а Зарима в Нальчик. Полгода, пока Зарима не закончила мед. училище, я приезжал к ней в Нальчик, забирал ее каждую субботу к себе домой в Каншуей или привозил в город Орджоникидзе, помогал ей

готовиться к государственным экзаменам. Через шесть месяцев, Зарима получила диплом фельдшера, и переехала ко мне в г. Орджоникидзе. Поселились мы на съемной квартире, недалеко от мед. института, на улице Народов Востока №28, а по соседству на ул. Народов Востока №28А, поселился мой близкий друг Кештов Музарин со своей супругой Мальсаговой Лидией. Быстро подружились наши жёны, нашли общий язык, жили мы как в одной семье, как родные братья и сестры.

Родители наши часто навещали нас, молодоженов, каждую неделю привозил продукты из села мой младший брат Саша.

После женитьбы я остепенился, стал учиться лучше, не пропускал ни одной лекции и практические занятия. На каждой сессии сдавал по пять – семь экзаменов, перед экзаменом приносил домой десятки книг, целую ночь бегло читал, а утром приходил раньше всех на экзамен, через полчаса прибегал домой, обрадовать Зариму, кричал от калитки – «Пять!». Третий курс я закончил на отлично, начиная с третьего курса до окончания института, последние три года я получал повышенную стипендию, 36 рублей, а обычная стипендия была 28 рублей.

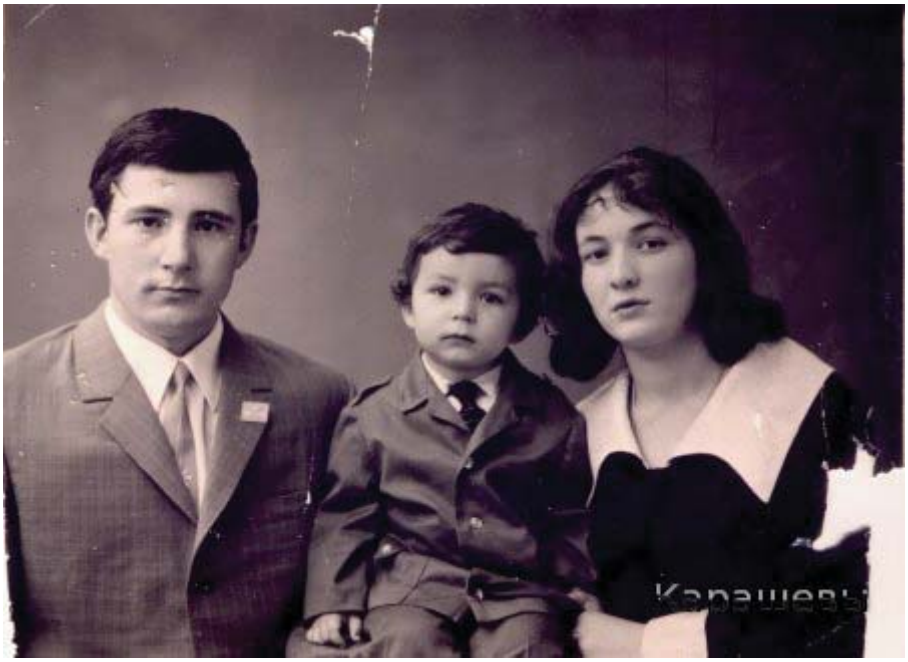
Для студентов молодоженов этой стипендии было достаточно чтобы продержатся один месяц, хлеб стоил три копейки, чай одну копейку, обед в столовой 10 – 12 копеек. На стипендию можно было доехать до Москвы, прогуляться по Арбату, пойти в «ГУМ» за покупками, и вернутся к себе домой в Орджоникидзе. Прекрасное время было, которое не вернуть назад!

Через год у Музарина и Лидии родилась девочка. Музарин донимал меня, что у нас с Заримой тоже будет девочка, я возражал, что мальчик, что у нас в роду рождаются только мальчики, нас шесть братьев и ни одной сестренки, спорили, смеялись. Через месяц, после рождения девочки у наших друзей – Музарина и Лидии, у нас с Заримой родился мальчик. Ни Зарима, ни я, ни наши родители не могли определиться с именем, как его назвать? Выручил друг Маирбек, чеченец, живший по соседству, он предложил имя Анзор – «Заботливый». Всем понравилось это имя, назвали нашего первенца Анзором.

Молодых мам, Зариму и Лидию учили выхаживать младенцев наши хозяйки квартир. Лидию опекала русская Полина, а Зариму грузинка Маруся. Вся грузинская семья, у которых мы жили, Маруся, муж Вахтанг, и дети: Нодар, Василий, Галина, помогали нам с Заримой, ходили за покупками, готовили для малыша и для нас еду. До сих пор скучаем, вспоминаем чудесную, дружную семью.

Каждый месяц, малыша Анзора носили в детскую поликлинику на осмотр. Как – то Зарима отнесла без меня трехмесячного малыша к педиатру, померили ему температуру, а температура выше нормы на градус. Вызвала скорую помощь молодая, не опытная педиатр, и направила Зариму с ребенком в детскую больницу. Только придя с занятий, я узнал, что они ушли утром в поликлинику, и до сих пор не вернулись. Прибежал в поликлинику, выяснил, куда они делись. В детской больнице, плачущая

Зарима показала мне через окно сына, спокойного, спящего и без всякой температуры. Не стал я заходить в отделение, просто забрал через окно сына, а Зарима вышла через дверь, никого не предупредив.



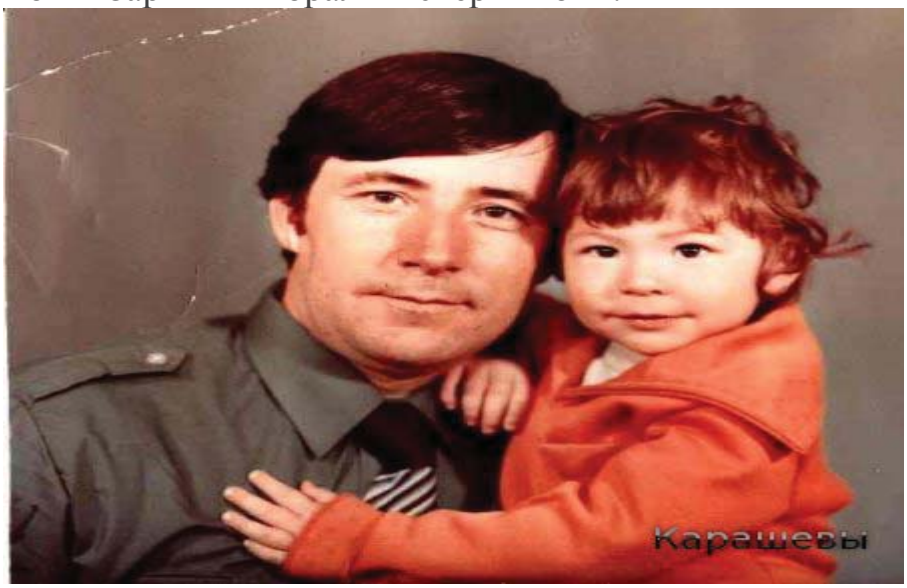
г. Орджоникидзе, Михаил и Зарима с сыном Анзором

Недалеко от детской больницы находился автовокзал, откуда каждый вечер уходил автобус Орджоникидзе – Виноградное, проходящий через наше село Каншуей. Рядом с автовокзалом жили мои знакомые из Нальчика, пришли к ним, попросил я их чтобы помогли Зариме и ребенку пока я не вернусь, а сам уехал на квартиру, забрал все вещи ребенка, предупредил хозяйку, если кто спросит, то она не знает где мы. Вечером отвез Зариму с ребенком к себе домой в Каншуей, к моим родителям. Все обошлось, ребенок не заболел, чувствовал себя прекрасно. Через две недели, привез я обратно в Орджоникидзе Зариму с ребенком, никто не приходил и не интересовался из поликлиники. Пришли в эту же поликлинику, попросились к другому опытному педиатру, проблем больше не было. Выписала она нам рецепты на дополнительное питание в детскую молочную кухню. Все три года, пока я доучивался в институте, я регулярно с малышом ходил за детским питанием. Ребенок вёл себя спокойно, никогда не плакал, радовался, когда в молочной кухне, через окошко выдавали питание.

Сыну исполнился год, отнесли мы его в общежитие к девочкам из моей группы, Канчукоевой Валентине, Кебековой Людмиле и Кусовой Вале, жившими в одной комнате, попросили присмотреть за малышем часик, предупредили, что надо через полчаса его покормить из бутылочки. Вернулись через час, а они с моим сыном играют, все перевернули в комнате, смеётся Анзорчик, ползает от одной девочки к другой. Спрашиваю: “Покормили?”, они отвечают: “Нет, он не захотел”.

Оказалось, они не сняли пробку под соской, и ребенок выплевывал соску, отталкивал бутылку. Мы с Заримой смеялись над беспомощными девушками, что они не смогли накормить нашего карапузика кашей. Даже ребенок смеялся, понимал, что случилось.

Второго сына, беленького, со светлыми кучерявыми волосами, Зарима родила в городе Тереке. Все шутила, первый сыночек для моего супруга, а второй для меня, я возражал, оба сыночка мои. Переполненный от счастья, гордясь рождением второго сына, по несколько раз в день заходил в род. дом, который находился на первом этаже больницы, где я работал на втором этаже, надоедал акушеркам, спрашивал – «Когда моего сыночка выпишут?». Проблем с именем второго сына у нас не было, мы заранее знали, что родится мальчик, приготовили несколько имен, родители мои и Заримы выбрали Аскер – Воин.



Миша с сыном Аскером

После рождения второго сына, будто у меня открылось второе дыхание, бегал в молочную кухню, за дополнительным пайком – детским питанием, ездил в Нальчик и покупал каши, пюре, игрушки. Помогал Зариме купать малыша, следил, чтобы она его не обожгла горячей водой. Аскерчик как и старший братик Анзор заговорил до года.

В возрасте один год и семь месяцев, мы поехали отдыхать на море в Адлер, когда хозяйка квартиры спросила, сколько ему лет, он самостоятельно, четко ответил, что три года, как мы его научили, боялись, не пустят на квартиру с маленьким ребенком.

Я всю жизнь благодарен Зариме за то, что она подарила мне таких красивых, умных сыновей Анзора и Аскера.

Май 2016 ГОДА. **МИХАИЛ КАРАШЕВ**

Т Е Р Е К

Весной 1971 года, за два месяца до окончания медицинского института, приехал из Нальчика в Орджоникидзе новый министр нашей республики Беров Мухадин Л. Пригласили нас на встречу с ним, он рассказал о строящихся больницах, поликлиниках, санаториях, что нас ждут в родной республике с нетерпением. Просил вернуться домой, обещал молодым специалистам квартиры, специализацию в клиниках Москвы, Ленинграда, учебу в ординатуре и аспирантуре. Познакомился с каждым из нас, спрашивал откуда, по какой специальности хотим работать? Понравился нам всем молодой, жизнерадостный, невысокий, внешне напоминающий вождя пролетариата Ленина, Министр Здравоохранения.

Несмотря на такое предложение, несколько молодых врачей из нашей республики уехали в глухие районы центральной России, работать, набираться опыта. Большинство как перелётные птицы, вернулись на малую Родину через несколько лет.

Получив документы об окончании медицинского института, я не смог сразу уехать в Нальчик, военкомат г. Орджоникидзе направил меня на двухмесячные сборы в учебный центр, который находился в Тарском ущелье, в горах Осетии. Эти сборы я должен был пройти после окончания пятого курса, но по болезни пропустил. По прибытию в учебный лагерь, узнав, что я дипломированный врач, закончил мед.институт, меня приказом начальника учебного центра, назначали заведующим мед. пункта, должность которого была свободна, задерживался где-то в Москве, назначенный на эту должность кадровый военный врач.

В учебном центре учились студенты, будущие коллеги, из медицинских институтов Махачкалы, Грозного, Нальчика, Орджоникидзе. Встретил я там бывшего однокурсника, Хачетлова Рому, которого я не

видел три года, познакомился с его новыми друзьями, студентами медиками из Нальчика.

Через месяц прибыл начальник мед.пункта, а меня досрочно, на целый месяц раньше, аттестовали, присвоили воинское звание – «Лейтенант Медицинской Службы», отчислили из учебного центра, и направили в распоряжение министерства здравоохранения Кабардино-Балкарской Республики. Здесь мне предложили на выбор должность начальника лазарета МВД, где сразу присваивали звание капитана внутренних войск, выделялась служебная квартира, также предложили учебу в ординатурах г. Москвы и Ленинграда по организации здравоохранения и Врачебно-Трудовой экспертизе. Направляли суд.мед.экспертом в Нальчик, паталогоанатомом в г.Прохладный. Отговаривали ехать в Терек, где нет свободной должности хирурга, но я настоял, чтобы меня направили на любую должность в Терский район, где прошло мое детство, жили мои родственники, друзья, одноклассники, где ждала меня моя молодая супруга с маленьким трехлетним сыном, где мне обещали выделить квартиру в течение нескольких месяцев. Видя такое упорство, министр направил меня в распоряжение главного врача Терской районной больницы.

Приказом №124, пункт 3 от 02.08-1871 года, меня приняли на работу врачом хирургом терской районной поликлиники. Все пять должностей хирургов в больнице были свободны, хотя в минздраве заявляли, что нет свободных ставок хирурга. Работал в поликлинике и стационаре один единственный молодой хирург, закончивший институт год назад, Жерешдиев Владимир, который тоже собирался уехать в Нальчик. Этим же приказом Жерешдиева утвердили заведущим хирургическим отделением больницы, а мою однокурсницу Канчукоеву Валентину, учившуюся со мной в одной группе шесть лет, назначили районным гинекологом.

Каждое утро приезжал на работу из родного села Каншуей в поликлинику, принимал, более ста больных за смену , затем приходил в стационар помогать Владимиру. Несложные операции делали вдвоем, на тяжелые случаи вызывали по санавиации хирурга и анестезиолога из Нальчика. Могу похвастаться, что ни один больной по нашей вине не умер. Правильно мы молодые хирурги ставили диагнозы, и вовремя вызывали помощь из Нальчика. Бывало, что закончив одну операцию, врачи из Нальчика начинали другую, подвозили беспрерывно тяжелых больных, пострадавших после автоаварии.

В первый день моего выхода на работу, привезли в поликлинику молодого парня из станицы Александровское, кровь хлестала, можно сказать из почти перекушенного языка в результате аварии на мотоцикле. Не было времени направлять его в Нальчик, или дожидаться приезда специалиста по санавиации, истек бы кровью, я быстро наложил швы на рану, остановил кровотечение, затем направил его в стационар нашей

больницы долечиваться. В этот же день, в поликлинику пришла молодая женщина, приехавшая из далекого села Хамидии, показала обломок иголки, заявила, что вторая половина осталась в ладони. Без разреза, без обезболивания, тонким глазным пинцетом, нашел и вытащил оставшуюся половину иглы, повезло мне начинающему хирургу, обычно такую иглу ищут часами опытные хирурги в клиниках под ренгеном, и не всегда успешно. Сразу я прославился из-за этой иголки, на прием стали приходить больше больных, приезжали старушечки, из отдаленных сел района со своими шипами на ногах, с шишками на голове, никому никогда не отказывал, всем помогал.

Министерству Здравоохранения Республики надоела такая сложная ситуация в нашей районной больнице, где круглосуточно пропадали самые лучшие хирурги и анестезиологи республики, направили к нам несколько опытных хирургов из Нальчика, Прохладного, которым администрация и райком КПСС Терека выделили из резервного фонда квартиры в тот же день при поступлении на работу. Все должности хирургов были укомплектованы, кроме врача анестезиолога. Предложили мне пройти специализацию по анестезиологии и реанимации, обещали выделить квартиру после окончания учебы и возращения в Терек. Согласился, уехал на учебу, но квартиру, обещанную мне, пока я проходил специализацию, отдали очередному хирургу – гастролеру.

Вернувшись с учебы, стал работать врачом анестезиологом, перевез семью в Терек из родного села, очень было трудно, оклад 90 рублей, из них 25 рублей за квартиру, три бесплатных дежурства в месяц по больнице, бесконечные ночные вызова на экстренные операции, которые никогда не оплачивались, никто не мог заставить глав.врача оплачивать сверхурочную работу. Целый год я ждал обещанную квартиру, но не дождался. Пришел в военкомат, написал заявление, чтобы меня призвали на службу в армию.

Ровно через год, первого сентября, 1972 года, пришла повестка из военкомата, чтобы я явился в г.Курск, для прохождения воинской службы. Не стал я прощаться ни с кем, зашел только в отдел кадров, предъявил повестку о призыве в армию, забрал трудовую книжку, и отбыл в г.Курск оставив в Тереке мою семью. В управлении железнодорожных войск, которая находилась в г.Курске, мне предложили на выбор три места, в Сибири, в Рязани, на Урале, я уехал в город Рязань. Прибыл в Рязань, где мне предложили на выбор службу в городе Луховицы, в Рыбном, в Воскресенске, я выбрал Луховицы.

Все два года, пока я служил в армии, на все операции, проводимые в Тереке вызывали по санавиации врачей анестезиологов из Нальчика, был даже поставлен вопрос в минздраве о неблагополучной ситуации в Терской райбольнице, из – за отсутствия анестезиолога. Пришлось администрации района выделить мне квартиру, чтобы я вернулся из армии после окончания службы, до них дошли слухи, что я хочу остаться служить в армии, где меня уважали, любили, при каждом случаи поощряли

денежными премиями, награждали грамотами, даже Центральный Комитет ВЛКСМ наградил меня почетной грамотой и нагрудным знаком, присвоили мне досрочно, через год звание старший лейтенант мед.службы.

За два месяца до окончания службы пришла телеграмма из города Терека, где сообщалось, что мне выделили двухкомнатную квартиру в новом доме по улице Бесланеява 3, и чтобы супруга приехала, получила ордер на квартиру. Две недели мы с Заримой думали, возращаться в Терек, или оставаться в армии, где бывший командир моей части, полковник Ральков, получивший повышение, предложил мне службу в военном госпитале, в г.Москве. Посоветовались мы с Заримой с родителями, и выбрали нашу малую Родину, вернулись в Терек.

Решил при первом удобном случае уехать на учебу в клиническую ординатуру. Написал заявление в минздрав, чтобы меня направили в клиническую ординатуру по анестезиологии и реанимации в Москву. Через два месяца я узнал, что министерство отказалось получать путевки в ординатуру в этом году. Приехал в минздрав в начале ноября 1972 года, где мне сообщили, что нет путевок, минздрав России не выделил, что поздно ехать на учебу, опоздал на два месяца. В этот же день, улетел я в Москву, пришел к министру Трофимову и попросил помочь мне. Через полчаса, с приказом о моем зачислении в двухгодичную клиническую ординатуру Казанского медицинского института имени Курашова, я вышел из министерства и улетел в Нальчик, Министр Беров был вынужден подчиниться вышестоящему министру и в свою очередь издал приказ откомандировать меня на учебу в г.Казань. Опять, так - же как перед армией, не стал прощаться ни с кем в больнице, получил трудовую книжку в отделе кадров, и улетел в Казань.

25 МАЯ 2016 ГОДА **МИХАИЛ КАРАШЕВ**

Л У Х О В И Ц Ы

Районный центр Луховицы находится примерно в двух часах езды на электричке от Москвы. Через железно-дорожную станцию небольшого городка Луховицы нескончаемым потоком проходят пассажирские и грузовые поезда, идущие из Москвы на Казань, Уфу, Красноярск, Омск, Новосибирск, а дальше до Китая и обратно в Москву. На привокзальной площади находится банк, почта, аптека и небольшое кафе «Встреча». Примерно в трех километрах, если повернуть налево сразу за небольшим переездом, в сосновом, густом лесу, располагается военная часть «Север» железнодорожных войск, куда я был призван на службу в армию осенью 1972г. Прибыл я на место службы, предъявил документы начальнику штаба Шмакову, высокому, стройному,спортивного телосложения офицеру, который в основном интересовался какими видами спорта я занимался, предлагал приходить на тренировки волейбольных и баскетбольных команд в/ч , которые он возглавлял. С первой минуты и до конца службы я находился под его опекой, всегда он помогал мне в трудных случаях. До сих пор помню обаятельного, вежливого, умного, капитана железнодорожных войск, с черными петлицами и погонами на кители. Вызвал он к себе начальник тыла майора Олейникова, мужчину круглого как колобок , приказал ему привести меня в надлежащий вид, постричь, выдать офицерскую форму, решить вопрос с квартирой, и переезде моей семьи в Луховицы. В течений дня был выполнен приказ начальника штаба. Одели меня в красивую офицерскую форму с малиновыми петлицами и погонами лейтенанта мед. службы, выделили в финансовой части огромную сумму денег, больше пяти тысяч рублей, на эти деньги в магазине военторга, на территорий в/ч можно было купить без очереди легковой автомобиль жигули, 01 модели. А самое главное, в

красивейшем месте, в Луховицах, рядом с голубыми озерами, дали ключи от трех комнатной квартиры.

Голова шла кругом, в Тереке оклад около ста рублей, квартира съемная, а здесь все как в сказке «О золотой рыбке» А.С.Пушкина.

В мед. лазарете меня встречали с радостью, не хватало второго врача, который должен был выезжать в медицинские пункты подразделений нашего в/ч, расквартированных в лесах Московской, Рязанской, Владимирской областей. Особенно рад был моему прибытию начальник лазарета , старший лейтенант медицинской службы Степанов, веселый, жизнерадостный, стройный мужчина лет тридцати, окончивший семь лет назад военно-медицинскую академию в городе Ленинграде. Я был удивлен, почему бравый офицер до сих пор не капитан, или не майор, но не спросил, было неудобно.

Луховицы. Михаил слева, крайний, справа старший лейтенант Степанов.

Познакомил он меня со своими подчиненными, с зубным врачом Зоей, молодой женщиной с красивыми зелеными глазами, за которой, как он сказал прямо при ней, ухаживали все офицеры и солдаты части. Очень мне сразу стал симпатичен фельдшер лазарета, мой тёзка, прапорщик Михаил Глывко, лет под сорок, красивый мужчина. В лазарете он заправлял всеми делами, принимал больных солдат и офицеров, а старший лейтенант был за свадебного генерала, как павлин важно ходил по лазарету, мешал всем, околачивался с утра до вечера в штабе у своего закадычного друга, начальника тыла Олейникова, прибывшего с ним на службу из Ленинграда, постоянно бегал домой к своей маленькой жене, недавно подарившей ему мальчугана, его дом находился сразу за лазаретом на территорий части.

Как я потом узнал, его дважды не представляли к присвоению очередного воинского звания за недостойное поведение офицера. Командир

части запретил ему покидать территорию полка без его ведома. Прапорщик Михаил посоветовал мне, если меня пригласят эти два «закадычных» друга, или кто либо другой офицер из части, в кафе «Встреча», отметить мое прибытие на службу, ни в коем случае не соглашаться. Потом не отмоешься от неприятностей, они начудят, а виноват буду я, который угощал. Мне было смешно, но я прислушался к наставлениям прапорщика и никогда, ни разу, не в кафе «Встреча», или в другом месте не угощал офицеров части, что бы не портить себе репутацию.

Каждое утро пешком приходил из Луховиц в лазарет в/ч «Север» на службу. Шёл по тропинкам, протоптанным через густой сосновый лес.

Мимо голубых озер, покрытых утренним, молочным туманом.

Мимо кудрявых, плачущих берез, стоящих рядом с нашей частью. В лазарете принимал рапорт дежурного санинструктора, и начинал привычный обход всей территорий. В первую очередь приходил на пищеблок, снимал пробы с готовой пищи, проверял меню и санитарное состояние, затем посещал роты, осматривал заболевших солдат, и сразу направлял к себе в лазарет.

С первого дня, после прибытия на военную службу, я сразу включился в работу, к которой мне было не привыкать. На поездах и электричках колесил по всем областям Подмосковья. Из Луховиц ездил за 300-500 километров в глухие леса, на безымянные речки, где строили железную дорогу и возводили мостовые переходы наши солдаты и офицеры, возил специальные вагончики, приспособленные под жилье, кухню-столовую, мед. пункт и баню. При этом полную ответственность за благополучную поездку нес я, как старший по машине, а не водитель солдат.

Красивейшие места Подмосковья, березовые рощи, сосновые леса, цветущие поляны, усеянные белыми грибами, озера полных рыб, безымянные речки, ручейки с прозрачной холодной водой, исчезающие в густой, зеленой траве, дороги шириной 50 и более метров, покрытые огромными бетонными плитами, где можно было посадить любой самолёт без усилий. Ни одной деревеньки, даже избушки на сотни километров, паромные переправы через полноводную реку ОКА, иногда шлагбаумы, где несли охрану солдаты специальных войск, предупреждающие знаки: «Осторожно! Опасность!», и знаки с рисунками животных: кабана, оленя, лося, а иногда встречали нередко самих животных перебегающих через дорогу. Мне нравились такие командировки-путешествия, быстро пролетало время службы, вернувшись в часть получал благодарности от командования, и поощрения - денежные премии. В мед.пунктах,в непроходимом лесу, проводил профилактический осмотр солдат и офицеров. Самое распространенное заболевание у них было фурункулы и карбункулы на шее. Принимал стариков и старух, доживающих свой век в глухих заброшенных деревнях, рядом с которыми наша часть строила железную дорогу, или мост. Нуждающихся в плановом лечении солдат и

офицеров отправлял в военные госпиталя Москвы и Подмосковья, а в экстренных случаях в ближайшие гражданские больницы

Однажды в глухом, непроходимом лесу, в 30-40 километров от посёлка Черюсти, принимал роды у супруги офицера. Разбудил меня в 3 часа ночи старший лейтенант из Майкопа, попросил помочь супруге у которой начались роды, а проехать до ближайшего населенного пункта Черюсти, где был роддом было невозможно, после проливных дождей дороги превратились в непроходимые болота. Обошлось, принял я роды, родился здоровый мальчик. После рождения сына старший лейтенант перевелся на службу в Адыгею, к себе на Родину, больше я его не видел.

Зимой, перед новым 1973 годом пришёл приказ в нашу часть «Север» из управления ж/д войск, о направлений молодых лейтенантов на стажировку в город Ленинград, в Петродворец. В списке был и я, лейтенант медицинской службы. Дотошный начальник штаба позвонил в управление войск и выяснил, что я попал в этот список ошибочно, меня должны были направить на стажировку в город Баку. Утром поступила телеграмма на имя командира части о направлений меня на стажировку в окружной медицинский лазарет города Баку, Азербайджанская ССР.

По пути в Баку, повез я жену с маленьким сыном на Родину, встретили нас на ж/д станций Муртазово в Тереке мои и ее родственники, оставив семью с ними, поехал дальше на этом же поезде в Баку.

Начальник лазарета, кандидат медицинских наук, хирург высшей категорий, капитан мед.службы по фамилий Гинзбург, поселил нас семерых лейтенантов - курсантов в своем большом кабинете. Двое были, как и я из Кабардино-Балкарий, они учились на медицинском факультете в КБГУ, я раньше их не встречал.

Баку. Курсанты- Медики на отдыхе. Слева крайний Михаил Карашев, справа Джамал Макитов из Чегема..

Из других четверых курсантов, один был из Одессы, другой из Сухуми, третий из Батуми, четвертый из Еревана. Научил нас тактичный, с мягким, тихим голосом Гинсбург, как действовать полковому врачу в военное время, профилактике кишечных инфекций в полевых условиях, как выжить без воды и еды. За 3 месяца на курсах в Баку, я узнал столько, что не смог узнать за 3 года учебы на военной кафедре медицинского института.

Как один миг пролетали 3 месяца беззаботной весёлой жили в Баку где мы ходили по музеям, гуляли по набережной, по кварталам старого города, совершали прогулки на яхтах и катерах по Каспийскому морю. Настала время уезжать, а как не хотелось но пришлось. В Тереке, на ж/д станций Муртазово, посадил жену и сына к себе на поезд, и поехал дальше в Москву к себе в Луховицы в воинскую часть “Север”.

Степанова, начальника лазарета «Север» за 3 месяца моего отсутствия дважды хотели уволить из армий за нарушение воинской дисциплины, но оставили с испытательным сроком, пожалели из за маленького ребенка и супруги. По просьбе командира части Ралькова, я взял шефство над своим непосредственным начальником, на работе не оставлял его одного ни на одну минуту, следил что бы не ходил к своему «закадычному» другу. Отобрал ключи у начальника аптеки прапорщика–фельдшера, с которым эти два друга запирались, играли в шахматы. В результате этих игр в аптеке исчез весь неприкосновенный запас спирта. Заставил я этих друзей без шума, пока об этом не узнало командование, восполнить, исчезнувший в никуда, медицинский спирт через гражданскую аптеку за свои деньги.

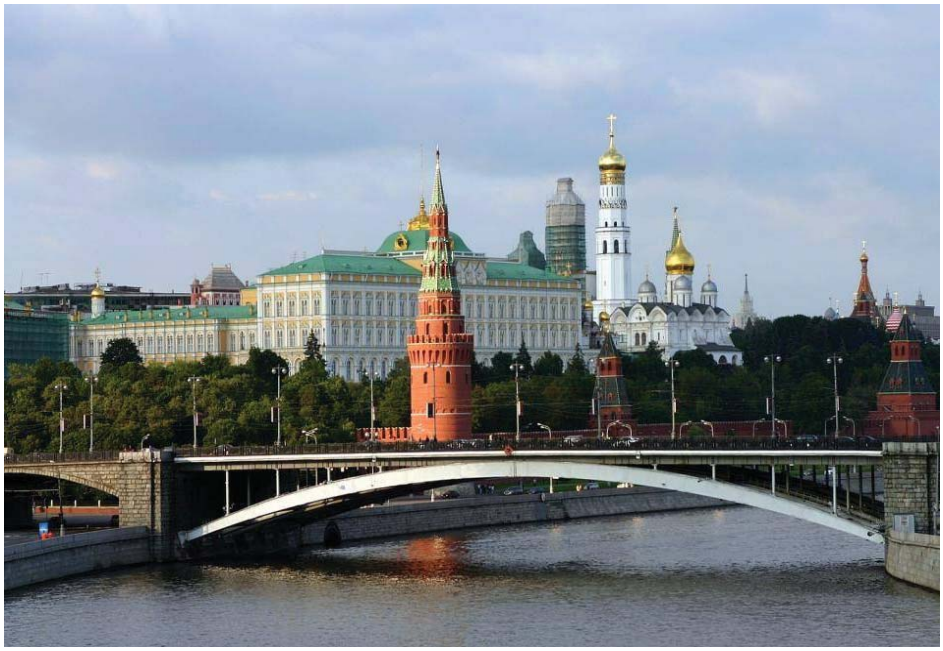
При необходимости выезда Степанова из воинской части по служебным делам в Луховицы, я был рядом, как тень. Как то мы с ним зашли в это злополучное кафе «Встреча» пообедать, предложил я ему бокальчик пива, он категорически отказался. Через несколько месяцев моей опеки, он переменился стал усердно исполнять свои обязанности, не стеснялся учиться у меня практической работе, принимал больных солдат, стал ездить в командировки. Присвоили ему звание капитана медицинской службы, он всегда благодарил меня, говорил, что это моя заслуга. До окончания моей службы, он ни разу не нарушал воинскую дисциплину.

Вместе со мной служили много ребят офицеров из Москвы, большинство из них были образованные, интеллигентные, как Борисов Валерий преподаватель института, кандидат технических наук, его призвали в армию специально, он писал докторскую по ж/д мостам, он строил мосты с солдатами нашей части в глухих местах, в лесу через овраги и безымянные речки. Я несколько раз приходил к нему домой на улицу Малая Грузинская, где он жил. После возвращения из армий, я несколько лет периодически звонил ему.Но были в нашей части лейтенанты, «золотая молодежь», у которых отцы были высокопоставленные чиновники разных министерств. На выходные дни к

ним приезжали на автомобилях «Чайка», родители и забирали домой, через 2 дня привозили обратно в часть не выспавшихся, с бледными, опухшими лицами. Командир части на планерках ругал их, в пример приводил меня. В нашей части среди молодых офицеров проводились забеги-кроссы на три километра, от Луховиц до нашей воинской части «Север». Оторвались от основной массы бегущих офицеров мы двое лейтенантов – Гончаров комсорг в/ч, и я, опередили всех бегущих почти на пол километра, за двести метров до финиша обогнав тяжело дышавшего, уставшего, вспотевшего, с багрово красным лицом комсорга, я пришел первым. Что тут было! Обнимали и поздравляли меня все друзья, медицинский персонал лазарета, заместитель по политической части, капитан Крючков, с которым я дружил. Целую неделю в части разговор был только о моей победе, командир на разводе офицеров объявил мне благодарность за отличную службу и сообщил что документы на досрочное присвоение мне звания старший лейтенант мед.службы направлены в управление ж/д войск. Через 2 месяца присвоили мне досрочно звание старший лейтенант медицинской службы. Я никому не рассказывал, что с детства бегал быстрее своих сверстников, а в школе занимал первое место на стометровке и на забегах, на длинные дистанции, младшие мои братишки, игравшие со мной дома в футбол, заставляли меня надевать тяжелые кирзовые сапоги, что бы я не забивал им большое количество мячей, только один из школы, мой одноклассник Руслан Шорманов мог догнать меня, но не опередить.

Быстро, незаметно для меня, в беготне, в суете военной службы, прошли два года. Отказавшись от предложений бывшего командира части Ралькова, и нового командира Кривошейцева, остаться в армий на кадровой военной службе , возмужавший, уверенный в себе вернулся на свою малую родину, в Терек, в свою больницу, с мечтами и планами вернуться обратно в Москву, на учебу в ординатуру или аспирантуру.

27 мая 2016года. **М.Карашев**



М О С К В А

В столицу нашей родины в Москву, впервые я приехал на новогодние каникулы вместе с младшим братом Вовой, в конце декабря 1963 года, ему исполнилось 16 лет, а мне 17 лет. Вова учился на 3 курсе Нальчикского политехнического техникума, а я в выпускном классе вечерней школы сельской молодежи родного села Каншууей. У нас на руках вместо паспартов были справки, выданные в сельсовете, с наклеенными нашими фотографиями с белобрысыми, удивленными лицами.На поездку в Москву раскошелился наш отец Хазрит, ему выдали на работе премию под новый год. Видимо отец хотел поощрить старших сыночков за успехи и старания в учебе перед началом взрослой жизни и загладить перед нами какую-то вину, что нас малышей оторвал от мамы и маленьких братиков и отправил учиться на долгие годы, меня в интернат, а Вову в техникум. В интернат я попал благодаря Вове, который проучившись всего 1 месяц, категорически отказался от дальнейшей учебы, заявив, что его маленького там обижают, большие ребята. Я занял его место, стал учиться в 5 классе, отзывался на его имя Володя все 4 года, до окончания интерната. Мое настоящее имя Миша, интернатовские друзья узнали только при вручении мне аттестата о восьмилетнем образовании. Перед нашим отъездом в Москву, единственное, что попросил отец нас своих сыновей, чтобы мы купили ему черный, бостоновый, мужской костюм с белыми полосками похожий на костюм Премьер-Министра Великобритании Черчилля, а так же черную шляпу из бархата.

Остановились мы в Москве у Хамбазарова Аниуара, брата нашей невестки Томы Карашевой, супруги Хасана. Жил Аниуар недалеко от метро “Юго-западная” в двухкомнатной квартире, в первом подъезде, на первом

этаже, многоэтажного дома, а в последнем подъезде этого же дома проживала его будущая супруга Тамара со своей младшей сестренкой и мамой. Вова с детства худенький невзрачный мальченка, в техникуме подрос, поправился, набрал вес и стал красавцем парнем к 16 годам. Очень он понравился Татьяне, младшей сестре Тамары, восьмикласснице с длинными косичками, которая в свободное от занятий в школе была нашим гидом, знакомилась с Москвой, водила нас в ГУМ, ЦУМ, ЦДУ. Принарядились, оделись мы с Вовой, купили шапки ушанки из зайчьего меха серого цвета, костюмы, туфли, куртки. Стали похожи на москвичей, тысячами бегающих и толкающихся в метро. Выполнили просьбу отца, купили ему костюм и шляпу, вдобавок китель и трубку курительную как у Черчилля, хотя в жизни отец никогда не курил, даже на фронте. Быстро закончились новогодние каникулы, пришлось уезжать домой. С тяжелым сердцем мы попрощались с Аниуаром, его невесткой Тамарой, и ее сестричкой, и уехали к себе на малую Родину.

После первой впечатляющей поездки в Москву, я стал ежегодно на летних каникулах приезжать в столицу нашей Родины. Не мог налюбоваться красотами Москвы. Ходил на ВДНХ, в музеи, в зоопарк. До того понравилась Москва, что стал мечтать учиться и работать здесь. Повезло мне, призвали в армию, где я служил в Подмосковье, в городе Луховицы, недалеко от Москвы, в медицинском лазарете, в звании лейтенант, а затем старшим лейтенантом медицинской службы. По служебным делам я еженедельно бывал в Москве проездом, за 2 года исколесил на электричках все Подмосковье, Рязянскую, Владимирскую, Воронежскую области. Жил я в городе Луховицы, в трехкомнатной квартире, предоставленной войсковой частью для моей семьи из трех человек, меня, супруги Заримы, и трехлетнего сына Анзора.

Однажды прилетел в Москву мой младший брат Тимофей, учитель математики, работающий в средней школе села Каншууей, посмотреть международный футбольный матч Англия – СССР, встречал его в аэропорту Домодедово, ждал два часа после посадки самолета, прибывшего из Минеральных вод, объявили по радио что его ждет брат но он не появился пришлось мне уезжать к себе в Луховицы без него. Ночью около трех часов, разбудил меня громкий стук в дверь, откройте милиция. Оказалось, что самолет прилетел с опозданием на два часа, прождав меня брат несколько часов, и на последней электрички, идущей из Москвы в Рязань, добрался до Луховиц, обратился к дежурящим на станций милиционерам, чтобы они помогли ему найти брата. Созвонились быстро милиционеры с дежурным по части, выяснив мой адрес, привезли на милицейском уазике моего брата. До сих пор помню этих молоденьких, бравых сержантов. Милиционеров. Несколько дней Тимоша знакомился с Луховицами. Показал я ему город. Голубые озера, реку Оку, паромную переправу, красивейшие леса Луховиц, березовые и кленовые рощи. На

третий день отвез я брата в Москву к родственнику супруги, к Богатыреву Тимофею, оставил его до воскресенья, до 10 июня, когда должен был состояться товарищеский матч по футболу между Англией и СССР. У Тимоши Богатырева в это время жил родной брат моей супруги Анатолий, он приехал в Москву, взяв академический отпуск на 1 год, после окончания третьего курса медицинского факультета КБГУ, устраивался на работу, ждал места в общежитий.

Москва,1973 г.Анатолий Богатырев и Михаил Карашев.

1973 год. Валерий Карашев.

Богатырев Тимоша, односельчанин, близкий родственник моей супруги, в детстве учился со мной в школе села «Каншуэй», но на один класс старше, увлекался боксом, играл в футбол. Как то он принес в школу боксёрские перчатки и лупил нас всех пожелавших с ним сразиться. Закончил университет в Нальчике уехал в Москву работал в большой строительной организаций, инженером, женился на русской красавице Гале приехавшей как и он в Москву на работу, родился сын, выделили молодой семье большую двухкомнатную квартиру по улице Ленина 114. Я со своей супругой и маленьким сыном Анзором часто приезжал к ним домой из Луховиц. Бывало, что мы гостили у них, а ночью к ним приезжала орава родственников из родного села «Каншуэй», или родственники со стороны супруги, на этот случай у него были заготовлены несколько раскладушек, если их не хватало, то спали на полу или на лоджий, никто не жаловался все были довольны, как говориться в поговорке «В тесноте, но не в обиде». Приехали мы в следующее воскресенье, 10 июня 1973 года, всей семьей из Луховиц в Москву, пошли на центральны стадион имени В.И. Ленина смотреть футбольный матч Англия-СССР, с нами были мой брат Тимоша, брат супруги Анатолий и вся семья Богатырева Тимоши. К сожалению наша команда проиграла англичанам со счетом 1:2.

За два года несколько раз навещал свою русскую двоюродную сестру Дигурко Валентину в Мытищах, очень доброжелательно встречала меня ее

семья: муж и мальчик. Часто проведывал Хамбазарова Аниуара, который женился на Тамаре, с которой мы познакомились с Вовой при первой поездке в Москву. Аниуар после окончания института, остался в Москве, защитил кандидатскую диссертацию.

В июне 1973 года прилетел в Москву мой младший брат, самый любимый в нашей семье Валерий, поступать в высшую школу ЦК ВЛКСМ. Валерий закончил среднюю школу в 1969 году на отлично, поступал в Саратовский юридический институт но не прошел по конкурсу. Затем поступил в КБГУ на факультет машиностроения, проучившись семь месяцев, поняв что это не его призвание, бросил все и пошёл служить в армию, служил в Красноводске в авиационном полку. После демобилизации из армии Обком ВЛКСМ нашей республики дал Валерию направление на учебу в Москву, сдал он на отлично Историю и улетел обратно, зачислили его на первый курс или нет должны были ему сообщить через месяц. Попросил он меня за неделю до начала занятий приехать в Высшую школу комсомола и проверить списки, приняли они его или нет. К концу августа приехал я со своим сыном Анзором в комсомольскую школу, а в списках Валерика нет, позвонил я из центрального телеграфа с улицы М. Горького домой, огорчил Валерика, сообщил что нет его в списках поступивших, плюнув на все уехал он загорать на Черное море. Оказалось что он принят, был отдельный список зачисленных без конкурса ребят и девчат закончивших школу с отличием и поступавших по направлению обкомов ВЛКСМ. Первого сентября позвонили из Нальчика маме в школу, спросили почему её сыночек не явился на учебу в Москву. Мама срочно по телефону разыскала Валерика и сообщила ему радостную весть. В этот же день, первого сентября, Валерик улетел из Сочи в Москву. Учился Валерик лучше всех студентов своего курса, закончив с отличием ВКШ, отказался от предложенной работы и дальнейшей учебы в Москве, вернулся в Нальчик, где работал в райкоме, а за тем в Обкоме ВЛКСМ.

Летом 1974 года меня демобилизовали из армии, мне предлагали работу в военном госпитале, в подмосковном Валокаламске, я отказался и уехал к себе на родину, где меня ждали милые, младшие братишки, Вова, Тимоша, Валерик, Саша, Сережа, любимые родители, и супруга Зарима с моим маленьким сыном Анзором.

М.Карашев **10.10.2016г.**

К А З А Н Ь

Поле демобилизации из армии, в сентября 1974 года вышел на работу в Терскую районную больницу. Стал ждать вызова из Министерства здравоохранения КБР, где мне обещали выделить путевку для учебы в клинической ординатуре по анестезиологии и реаниматологии, в городе Москве.

Ждал месяц напрасно, позвонил в Нальчик и выяснил, нет путевки, не выделила Москва, в этом году я не смогу поступить на учебу, опоздал, занятия начались первого сентября, в будущем году выделят для меня именную путевку. Не поверив ни одному слову, взял отпуск по семейным обстоятельствам на три дня, прилетел в Москву первого ноября. В парадной форме старшего лейтенанта медицинской службы пришел в Министерство Здравоохранения России. Министр Трофимов, приятный, вежливый мужчина лет под пятьдесят, выслушал меня. Рассказал я, что служил здесь в Москве и Подмосковье, не захотел оставаться на кадровой службе в армии и хочу продолжить учебу в ординатуре, он сообщил мне, что Министерство нашей республики отказалось от путевки, мотивируя отказ тем, что нет у них желающих учиться в ординатуре по данной специальности. Министр дал распоряжение своему заместителю, выяснить, где у кого имеется возможность принять дополнительно на учебу врача, молодого офицера, только что демобилизованного из Армии, горящего желанием учиться в ординатуре. Через двадцать минут нашли для меня дополнительное место в городе Казани, в медицинском институте имени Курашова, где занятия начинались через 3 дня, надо успеть к началу учебы, к четвертому ноября. Я с радостью согласился, лишь бы не терять целый год, а учиться. Оставив в двухкомнатной квартире, где я не прожил и одного месяца, жену Зариму,

работающую медсестрой воспитательницей в ясли - садике "Малыш" и пятилетнего сына Анзора, я улетел в город Казань.

В Казани работал мой двоюродный брат Толик, сын Ани старшей сестры моей мамы Кати. Приезжая в отпуск домой, он много интересного рассказывал про Казань, Кремль, реку Казанка, Волгу, о знаменитых людях учившихся и работавших в этом замечательном старинном городе: М. Горьком, Ф. Шаляпине, Д. Менделееве.

Опять на два года больница осталась без анестезиолога. Министерство Здравоохранения КБР, наученное горьким опытом, обязало главного врача Республиканской клинической больницы Тлапшокова направлять работающих в этой больнице врачей анестезиологов по графику по одной неделе в Терек, а желающих и на больший срок, накладно было круглосуточно транспортом санавиации доставлять из Нальчика в Терек врача анестезиолога.

Жили приезжие анестезиологи в хирургическом отделении, питались здесь же в столовой для больных. Получали зарплату по основному месту работы, дополнительную зарплату с командировочными в районной больнице. Нашлись добровольцы остававшиеся работать на целый месяц и больше. Главный врач районной больницы, подписывая ведомости на зарплату и командировочные приезжим анестезиологам, каждый раз вспоминал и ругал меня недобрым словом. Он не зная, что я решил никогда не возвращаться в Терек, планирую продолжить учебу в Аспирантуре, в Москве, а то его хватил бы удар.

На стареньком пассажирском самолете АН-24, дрожащем, трясущемся, стонавшем, ревущем как паровоз, целые сутки добирался из Аэропорта Минеральные Воды в Казань. По пути в Казань самолет приземлялся в аэропортах больших городов Приволжья, в Волгограде, Саратове, Куйбышеве, Сызрани, набирал новых пассажиров, заправлялся топливом и продолжал полет. Прилетели в Казань ночью, переночевал в гостинице «Совет», явился в деканат института, где я получил ордер в общежитие и направление на кафедру анестезиологии и реаниматологии, находящееся в клинике сердечно-сосудистой хирургии шестой городской клинической больницы.

На кафедре анестезиологии и реаниматологии приняли меня как равного себе коллегу. Весь коллектив кафедры состоял в основном из молодых ребят врачей ассистентов - аспирантов и самого Заведующего кафедрой, профессора Жаворонкова, высокого, с холеной короткой, рыжей бородой мужчины сорока лет, кроме одного, доцента кафедры Валитова Сулеймана, невысокого, худощавого мужчины лет за пятьдесят. Узнав, что я имею практический опыт работы по анестезиологии - реаниматологии, в хирургии, на скорой помощи, сразу включили в график дежурств по городской клинической больнице №6 и №15, где базировалась наша кафедра. В больнице №6 находилась клиника сердечно - сосудистой хирургии, урологическое отделение, отделение экстренной хирургической помощи, в 15

больнице хирургическое, травматологическое и отделение детской пульмонологии. На дежурствах каждый наш шаг фиксировался, дежурства оплачивались в два раза больше, чем в районной больнице. Я будто прошел ликбез по экономике, выучил все приказы по оплате сверхурочных работ, чтобы после возвращения из ординатуры навести порядок в районной больнице, где годами не оплачивали сверхурочную работу.

Очень тревожные дежурства всегда были в шестой больнице, поступали экстренные больные с острой хирургической патологией, с ножевыми и огнестрельными ранениями. В одно из дежурств за несколько минут поступило пятнадцать раненых в живот. Какой то маньяк напал с ножом на выходивших из ресторана посетителей. Весь медперсонал кинулся спасать, перевязывать истекающих кровью раненых, будто на войне все происходило. Отличились хирурги ординаторы из Нальчика, Дагестана, анестезиологи реаниматологии ординаторы из Казани, Куйбышева, Нальчика. Экстренно вызвали заведующих отделений, заведующих кафедр, работали быстро, слажено, уверенно, всех спасли, пригодились мне знания по военно-полевой хирургии, я ассистировал хирургом. На практических занятиях, где проводились демонстрации обезболивания, ассистент кафедры кандидат медицинских наук Горшенин П., приглашал меня своим помощником, никогда не говорил, но я знал, что он боится поставить дыхательную трубку больному, а в присутствии меня у него все прекрасно получалось. Один раз из операционной хирургического отделения меня срочно пригласили в операционную урологического отделения, где сам зав. кафедрой не смог поставить дыхательную трубку. Вспотевший, с багровым лицом он вентилировал дыхательным мешком легкие больного огромного мужчины, с короткой бычьей шеей. Таким больным дыхательную трубку ставят ларингоскопом с изогнутым клинком. Профессор был уверен, что он справится и с прямым клинком, и вот, осечка, не смог при студентах и ординаторах, поставить дыхательную трубку, потерпел фиаско. За секунды я поставил дыхательную трубку. Спасибо Владимиру Аппаеву, прекрасному человеку, врачу от Бога, который раз и навсегда с первой попытки научил меня ставить дыхательную трубку тучным больным, на первичной специализации в Нальчике. Владимир не был моим куратором, он работал урологом, я даже не знал, что он окончил в городе Куйбышеве, ординатуру по анестезиологии и реаниматологии, работал много лет, затем перешел на работу в урологию, о которой мечтал с института.

Видя, что я интересуюсь, задаю вопросы заведующей отделением Рубцовой Людмиле, он пригласил меня в Онкодиспансер, предупредил меня, чтобы я никому не говорил, что он хирург уролог, подрабатывает анестезиологом в другой больнице. Владимир подарил мне руководство по анестезиологии и реаниматологии, массу других книг, все три месяца тайно обучает меня методам анестезии, которыми он владел. Заведующая анестезиологией РКБ Рубцова Л. ставила меня в пример и предсказывала, что вот выучится врач из Терека и займет ее место и смеялась.

Через два десятка лет повезло мне вновь встретиться с Аппаевым, перешедшему на работу из Республиканской больницы к нам в Городскую, где я работал заведующим отделением Гипербарической оксигенации,. Все сотрудники нашей больницы восхищались им, приходили сами, приглашали к своим больным на консультации, он никогда не оставлял больных без помощи, звонил в поликлинику, родственникам, интересовался судьбой бывшего подопечного, возили его в Москву в институт урологии. Где он, поправился или нет? Вот с таким прекрасным человеком свела меня судьба, стал он моим первым учителем по анестезиологии.

В Казани, зав. кафедрой анестезиологии и реаниматологии Жаворонков В.Ф. предложил мне заниматься научной работой, остаться в аспирантуре, закрепил за мной доцента кафедры Валитова Сулеймана, дал мне тему: "Особенности современной анестезии при митральной комиссуротомии". Вечерами я оставался в лаборатории кафедры в шестой клинической больнице, работал с научным материалом, с тысячами наркозных карт. Не нравилась мне эта тема. В пятнадцатой клинической больнице я овладел методикой бронхоскопии и бронхографии у детей, изучил всю современную литературу по бронхоскопии. Неоднократно упрашивал зав. кафедрой поменять тему, но он не внял моим просьбам. С другой стороны, видимо это было к лучшему, а то я остался бы в аспирантуре и всю жизнь зубрил науку.

Часто мне приходилось заходить домой по служебным делам к доценту кафедры, к моему старшему коллеге, к другу Валитову Сулейману на улицу Школьный переулок дом 9, где его красавица жена Динара угощала меня слоеным яблочным пирогом, который я обожал.

После окончания ординатуры, мой отец Хазрит, участник ВОВ, пригласил Валитова Сулеймана к нам в гости, в село Каншууей, на празднование дна Победы 9 мая. Председатель колхоза, Унежев Хусеин, друг моего отца, предоставил дорогому гостю из Казани свою служебную Волгу на три дня, для ознакомления с прекрасной Кабардиной - Балкарией. Трое суток мы ездили с нашим гостем по родной Кабардино- Балкарии. Заново мы открывали с гостем неописуемую красивую природу нашей республики, начиная с Сунженских и Терских хребтов старых Кавказских гор, где в Малой Кабарде находится мое родное село Каншуей, на стыке границ трех республик Ингушетии, Осетии и Кабардино-Балкарии, и заканчивая высокими горами Центрального Кавказа, где начинается Большая Кабарда, находится седоголовая гора Эльбрус, самая высокая вершина в Европе, на границе Грузии, Кабардино-Балкарии и Осетии. Побывали мы на Голубых озерах хребта Кашхатау, покрытый лесом из огромных буковых деревьев, в Нальчике на курортах Долинска, забирлись на гору Кизиловку. Под глубоким впечатлением от увиденного, гость плакал, когда уезжал, и обещал обязательно вернуться на следующий год к 9 мая, привезти свою семью. Но свое обещание не выполнил. Больше мы его не видели.

За два года в ординатуре я проходил практику во всех клиниках города Казани, на всех факультетах медицинского института и ГИДУВА, на

кафедрах хирургии, травматологии, детских болезней, акушерства и гинекологии, урологии, нейрохирургии, онкологии. В клинике сердечно-сосудистой хирургии, в шестой клинической больнице учился приводить искусственное кровообращение в бригаде анестезиологов - реаниматологов, гематологов и инженеров. Особенно мне нравилось проходить практику в онкологическом диспансере, где проводились тяжелейшие операции больным из всех областей Поволжья. Познакомился со многими врачами хирургами онкологами, подружился с красивой, большеглазой операционной сестрой Нуриевой Аминой, она все время спрашивала про Кушхаканова, работающего главным врачом Республиканского онкодиспансера в г. Нальчике, знаменитого хирурга онколога, он когда-то проходил практику у них в диспансере.

В одной из поездок на Родину пришлось навестить близкого родственника в районной больнице, где его лечили длительное время от воспаления легких, попросил показать мне R снимки, сразу разглядел, что у него абсцесс, в тот же день перевели его в пульмонологическое отделение в Нальчик. Этот случай укрепил мое решение не возвращаться после учебы в Терек, где бедные врачи были вынуждены работать днем и ночью с институтскими знаниями, а министерство и администрация больницы и пальцем не шевелило, чтобы направить их на учебу. С большим трудом я уговорил своего друга Хачима Кумыкова уезжать на учебу в ординатуру по травматологии и ортопедии в г. Ленинград, министерство отказало ему по возрасту. Даже сам Хачим, тихий, стеснительный человек стал сомневаться, надо ему это в возрасте более тридцати лет. Подсказал я ему, наученный своим опытом, куда обратиться и к кому, выделили ему путевку, уехал учиться в г. Ленинград. Но это был единственный случай, другим врачам не повезло, остались они со своим институтским багажом вариться в этом большом котле до ухода на пенсию.

Казань, напоминал мне всегда города Востока: Ташкент, Самарканд, кишевшими густыми толпами орущих людей на ярмарках, базарах. В Казани по улицам, вечно забитым пробками из машин, трамваев, троллейбусов, невозможно было проехать. Приходилось по несколько километров пешком добираться до работы, это было в три раза быстрее, чем на общественном транспорте, только что стали строить метро. Свой автомобиль иметь было не так престижно. Зато у каждого второго жителя Казани был драгоценный катер. У нашего заведующего кафедрой он был особенный, с мощным турбо-двигателем, обгоняющим все лодчонки и катера, как заграничный Мерседес обгоняет наши Жигули. Каждую субботу или воскресенье профессор приглашал нас ординаторов на рыбалку. Целый день ловили рыбу на Волге, причаливали к первому попавшемуся острову, варили уху, гоняли мяч, плавали, прыгали в воду, отдыхали. Возвращались поздно ночью к себе домой, бывало, что ночевали на природе. Кафедра анестезиологии наша соперничала с кафедрой анестезиологии ГИДУВа, где заведующим работал доцент Казанцев. Заведующие кафедр не могли спокойно разойтись при

встречах, спорили, ругались. Каждый заведующий пытался заманить к себе в аспирантуру чужих ординаторов. При негативных отношениях друг к другу, заведующие кафедр никогда не препятствовали своим ординаторам и аспирантам посещать лекцию противника, даже советовали обязательное посещение, а затем спрашивали нас, кто лучше из них? Согласно программы мы слушали циклы лекций на других кафедрах института и ГИДУВа, по хирургии, гинекологии, урологии, нейрохирургии, даже по судебной медицине. Очень интересную лекцию на тему: “Жизнь после смерти”, читал нам зав. кафедрой судебной медицины, старый профессор, постоянно экспериментировавший, проводивший опасные опыты на себе. На его лекции приходили студенты, ординаторы, и аспиранты из других кафедр нашего института. Закончились его опыты для него печально. Очень многому научила меня учеба в ординатуре. Я стал увереннее ориентироваться во всех критических состояниях, в буквальном смысле с того света вытаскивал безнадежных больных. Где бы я в дальнейшем не работал, в реанимации, в терапии, в хирургии, акушерстве и гинекологии, в наркологии и психиатрии меня всегда выручали знания полученные в ординатуре.

Как один миг проскочили два года учебы в ординатуре, не хотелось уезжать из Казани где я оставил частицу своей души, а пришлось. Прекрасные, незабываемые времена молодости, сниться мне старинный город Казань, полноводная река Волга. Скучаю.

28 мая 2016г. **Михаил Карашев**

Моим Казанским друзьям: Жилову Исмаилу, Афаунову Хасаншу и Шугушеву Мухаммеду посвящается.

О Р Д И Н А Т О Р Ы

Прилетев в Казань, я получил в институте направление на кафедру анестизиологии и реаниматологии, где меня дожидались четверо ординаторов, трое молодых врачей, один из города Чебоксар, второй из Набережных Челнов, третий из Казани, а четвертая девушка из Саратова. Теперь у них полностью набралась вся группа ординаторов и они могли приступать к занятиям. Зав кафедрой отпустил нас на три дня, чтобы мы устроились в общежитии и решили все свои дела. Приехал на трамвае в общежитие для ординаторов и аспирантов Казанского медицинского института на улицу Пионерская, дом 14, и опять меня ожидал сюрприз, подселили к двум ординаторам, приехавшим из Нальчика, учившимися со мной в медицинском институте города Орджоникидзе, но на один курс выше. Вернувшись вечером в общежитие, я встретил старых друзей по институту, Афаунова Хасанша – терапевта, и Жилова Исмаила - хирурга, которых я не видел почти пять лет, обоим им было за тридцать лет. До поступления в

медицинский институт у них за плечами была учеба в медучилище и служба в Армии. С ними меня ожидал аспирант Казанского Ветеринарного института, молодой, высокий, стройный парень, мой ровесник, Шугушев Мухамед, общежитие которого находилось в пяти минутах ходьбы от нашего. Все они обрадовались мне, быстро накрыли стол сладостями, чаем и кофе. Целую ночь, мы разговаривали о своих семьях, о своей работе, о своих

планах, Мухамед остался ночевать у нас. С первой минуты Мухамед, веселый, жизнерадостный, кипушии энергией понравился мне. На всю жизнь мы стали неразлучными друзьями. Рано утром он приходил к нам в общежитие, будил меня, завтракали в студенческой столовой и отправлялись на занятия пешком, он к себе в Ветеринарный институт, а я в пятнадцатую больницу, где находился филиал кафедры анестезиологии и реаниматологии.

За два года изучил Казань я, как свой город Нальчик, знал где какая улица, где любая клиника, театры, кинотеатры, парки, стадионы, дворцы спорта. В прогулках по Казани меня сопровождал мой новый верный друг ШугушевМухамед как СанчоПанса Дон Кихота. А старшим друзьям Афаунову Х. и Жилову И. было не до прогулок. Днем и ночью зубрили медицину дежурили в клиниках, зарабатывая на хлеб своим многодетным семьям, живущим в Нальчике. Один раз мы всё же вытянули «взрослых» на прогулку в «Парк имени Горького». Сразу попали в приключение. Мы вчетвером гуляли по парку, спускались к набережной Казани по бетонным бесконечным ступенькам, Мухамед что-то увлеченно рассказывал мне, отстали мы, далеко ушли наши старшие друзья. Решили мы опередить старших, сократить путь, пошли по тропинке вниз с обрыва, покрытого густыми зарослями кустарника, и встретить своих друзей на набережной. Осторожно, держась за ветки кустарника, стали спускаться с обрыва, помогая друг другу. Внезапно раздался крик, помогите, помогите! Ломая ветки, с верху холма катилась девушка, Мухамед, идущий за мной, среагировал быстро, попытался её поймать, сбила она его с ног, покатились они вниз теперь уже вдвоем, Мухамед на спине, а она сверху обхватив мертвой хваткой его за шею, метров сто – на спине, как на санках он довез её до набережной за какой то миг. Сбежался народ, подняли «альпинистов» на ноги. На девушке всего несколько царапин, а на моём бедном друге Мухамеде живого места не осталось, будто пантера напала на него. Рубашка и брюки разорваны в клочья ветками кустарника, кожа на спине висит лохмотьями, кровь сочится, лицо, руки, всё тело в царапинах, в ссадинах, чуть не плачет, в глазах боль. Я тоже получил две-три царапины, пытаясь помочь своему другу и девушке катившимся мимо меня с горы под обрыв. Нагулялись называется. Хасан и Исмаил над нами смеются, рады, что мы не переломали себе кости, остались живы. Мухамед целых две –три недели ходил строевым шагом, с прямой спиной, спал на животе, ел стоя перед столом, садиться не мог. Старшие друзья категорически отказались с нами

ходить на прогулки, боялись попасть в новые приключения. Наученные горьким опытом, мы с Мухамедом ходили только по проторенным путям, соблюдая правила безопасности.

Каждый четверг в Казани был рыбный день, в столовых, в кафе, в ресторанах подавали жареную рыбу, рыбные котлеты и шашлыки из рыбы, уху для любителей. В огромном городе стоял специфический запах рыбы. До того мне этот рыбный день приелся, что я спустя полвека не ем жареную рыбу, могу употреблять ее только в соленом, копченом, вяленом виде.

Казань, 1975 год, Мухамед Шугушев.

Казань старинный красивый город - деревня, одна половина - узкие улицы, ветхие дома из досок, бревен, другая половина строится, видны очертания красивых зданий, широких улиц. В деревне можно для себя вырастить какую то зелень, а здесь в городе хоть шаром покати, в магазинах пусто, на рынках ничего съестного нет. Люди ездили в Москву на выходные дни, запасались впрок продуктами. Бывало мы недоедали. В Москву нам ординаторам было накладно ехать, мясом изредка снабжал нас Мухамед Шугушев, ему для опытов в ветеринарном институте каждый месяц выделяли живого кролика. Забрав необходимые внутренние органы, остальное мясо-тушку кролика приносил нам, друзьям из Нальчика, в этот день мы праздновали, ели жаркое из мяса, мясо жаренное с картошкой. В километрах тридцати от Казани находилась продовольственная база, которая снабжалась из Москвы. Часто заведующие кафедр отдавали нам свои продуктовые талоны, мы ординаторы с удовольствием отоваривались на этой базе колбасами, буженины, тушенкой и всякими деликатесами. Один раз в месяц прилетал в Казань экспедитор-заготовитель из Нальчика за автомобильными шинами для жигулей, родственник одного из ординаторов

работающий на закупочной базе, привозил нам копченую баранину, говядину, сыр кабардинский, в эти дни мы наедались до отвала.
Однажды под новый год, очередной раз прилетел из Нальчика экспедитор А., остановился в гостинице “Татарстан”, в красивом, высотном здании, в центре Казани, пригласил нас, Исмаила, Хасанша, Мухамеда и меня на свой день рождения. Принарядились мы, одели туфли, костюмы, повязали галстуки, и вышли из общежития. Снег выше метра, пурга, из транспорта ходит только один трамвай, другие застревают, проехать не могут. Хорошо, что трамваи ходили в 50 метрах от нашего общежитие по Сибирскому тракту. Пока добежали, окоченели, снег набился в обувь, стоим на остановке, зубы клацают, прыгаем, стараемся согреться. Пришел трамвай, коробка пустая с замершими сидениями, на полу лед, никаких обогревателей, окна в инее, доехали еле живыми до центра. Бегом кинулись в ресторан, в гостинице “Татарстан”, где нас ожидал праздничный стол с именинником. Через 10 минут мы ожили, лица покраснели, в глазах появился блеск, тепло разлилось по всему телу, стали громко смеяться над нашими приключениями. За соседним столом, ужинал симпотичный мужчина лет пятидесяти, он внимательно прислушивался к знакомой речи, мы разговаривали на родном кабардинском. Мужчина подозвал к себе официанта, о чем то его спросил, видимо: “откуда мы и кто такие, и какой у нас праздник?” Через минуту официант принес нам Советское шампанское, армянский коньяк, Посольскую водку, корзину фруктов с апельсинами, мандаринами, яблоками, гроздьями крупного винограда и сказал нам, что это все от Кайсына, вашего земляка, который сидит рядом за соседним столиком. Узнав Кайсына Кулиева, нашего народного поэта Кабардино-Балкарии, мы все вскочили, подбежали к нему, уговорили присоединиться к нам, посадили его на самое почетное место Тамады, за праздничный стол. Представились мы поочереди Тамаде, когда дошла очередь до меня, я напомнил ему, что мы с ним знакомы. С Кайсыном Кулиевым, любимым нашим народным поэтом из нижнего Чегема, наши дороги пересеклись два раза. Первый раз в городе Тереке, его привезли с сердечным приступом в районную больницу, из дома культуры, где проходил творческий вечер народного писателя Кабардино-Балкарской АССР – З.Т., с которым Кайсын сидел в президиуме рядом, внезапно З.Т скончался. В результате такого потрясения у Кайсына появились острые боли в области сердца. Дежурным врачом был я, через пол часа, после экстренной помощи, которую я ему оказал, состояние его нормализовалось, со словами благодарности он уехал в Чегем, приглашал меня в гости, подарил визитку, обещал помочь лишь бы я добрался к нему в Верхний Чегем, где его родовой дом, где живет его любимая младшая

сестренка. Второй раз наши дороги с Кайсыном пересеклись в далекой Казани, здесь за праздничным столом, в гостинице “Татарстан”. Узнав меня, Кайсын чуть не плакал, вспоминал трагедию произошедшую с его другом поэтом, обнимал меня, говорил всем, что я – молодой доктор его спаситель вытащил его с того света, рассказал нам он, что приехал на празднование дня рождения народного поэта Татарстана – Мусы Джалиля.

После закрытия ресторана, всех нас он пригласил в свой номер, где подарил нам сборники своих стихов. Читал нам новые стихи, которые еще не публиковались в печати. Приглашал нас всех к себе в гости в Чегем, а больше всех меня, своего спасителя. Ребята даже стали мне завидовать. В 3 часа ночи, на последнем трамвае, добрались мы до своего общежития на улице Пионерской. Больше наши пути с Кайсыном Кулиевым не пересекались, к сожалению. По пути в общежитие, в трамвае к нам прицепился пьяный мужчина, попросил нас предъявить билеты, а сам показал нам свое удостоверение контролера. Смешил нас всю дорогу до общежития, рассказывал нам байки и анекдоты. Достал откуда то из под пиджака литровую бутылку портвейна, мы хохотали, смеялись всю дорогу, сошли на нашей остановке улица Пионерская, а пьяненький контроллер поехал дальше на конечную остановку в трамвайное депо.

В Казани дружил я с ординатором нашей кафедры Михеевым, живущим в ста метрах от института, у него была красавица жена, как кукла Барби, он был влюблен в нее до потери сознания, души не чаял, но она не нравилась его строгой, властной мамаше, преподавателю Казанского университета. На моих глазах ему пришлось разводиться с ней, плакал, рыдал, но послушался свою мамашу, а жаль. Но долго не горевал, через несколько месяцев женился на медсестре. Продолжал жить у своей строгой мамы вместе с молодой супругой, мама по привычке стала донимать и вторую супругу. Чем закончилась такая жизнь под каблуком мамаши я узнал через несколько лет у одного ординатора, хирурга из Нальчика Низамова Эдуарда. Ушел Михеев от своей мамы, переехал в Москву, куда его пригласил профессор Жаворонков, возглавивший кафедру анестезиологии и реаниматологии в одном из институтов столицы, расстался он со второй супругой или нет я не знаю. Много других друзей ординаторов из Чечни, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Чувашии, Саратова, Куйбышева было у меня в Казани. Вспоминаю часто про одного ординатора М. Хирурга из Дагестана. До сих пор смешно, жил он в общежитии, где и я, но рядом, в соседней комнате, ужинал с нами, заходил к нам за вечер десятки раз, смешил нас своими веселыми байками. Однажды он исчез, не заходил к нам, на практику не ходил, на ночные дежурства в шестую клиническую больницу не являлся. Забеспокоились все, хотели обратиться в милицию, чтобы объявить его в розыск, но посоветовавшись решили повременить, зная что он большой любитель красивых девушек. Явился, пропавший любитель красивых девушек через пять дней, изнеможенный , похудевший, с черными кругами под глазами. Оказалось, как он объяснил нам, ему пришлось

побывать в заложниках, в неволе у одной красивой женщины, с ней он познакомился в трамвае. Пригласила она его красивого, высокого, с тонкими усиками парня к себе домой на чашечку кофе, где ему все эти дни пришлось ухаживать за ней, угождать, выполнять все ее капризы. Женщина оказалась боевая, опытная, не выпускала его из квартиры, двери держала под замком, ключи спрятала, никого не впускала, если и звонили в дверь. Предупредила, что ему некуда бежать, с девятого этажа он сам не захочет прыгать. Пришлось бедному парню терпеть пока не закончились продукты в холодильнике, голодный как пес, он попросил ее сходить в магазин, за продуктами, долго она не решалась, боялась видимо, что он сбежит каким то образом из закрытой квартиры, с девятого этажа, в ее отсутствие. Затем принарядилась, прихватила хозяйственную сумку, положила туда огромные портняжные ножницы, взяла под руку своего красивого "Заложника", предупредила, что убьет при попытке бегства, и повела в близлежащий продуктовый магазин. Нагрузившись продуктами, которых хватило бы на целый месяц многодетной семье из десяти человек, стали возвращаться в свое гнездышко, в двухкомнатную квартиру на девятом этаже по улице Рихарда Зорге. Все это время бедный "Заложник" отвлекал свою "Возлюбленную", заговаривает ей зубы, какая она красивая, веселая, лучше ее никого нет на белом свете! Переходили через широкую дорогу с двумя трамвайными полосами, пропустили один трамвай, на противоположной стороне дороги второй трамвай стал закрывать двери, чтобы тронуться, в этот момент, воспользовавшись тем, что «Возлюбленная» мечтая о продолжении приключений с красавцем "Заложником", отвлеклась от реальных событий, он прыгнул, как барс на охоте, через закрывающиеся задние двери в трамвай и был таков! Бросив сумку с продуктами, бежала за трамваем бедная "Возлюбленная" М., что-то кричала и плакала. Про свои приключения М. рассказывал нам тихим замогильным голосом, ни разу не улыбнувшись, мы со смеху чуть не лопнули. Снова и снова расспрашивали о подробностях и хохотали до слез. Он с новыми подробностями рассказывал, что вагоновожатая дала "газу", что трамвай помчался по рельсам так быстро, как поезд экспресс "Казань-Москва". Отсыпался М. двое суток, проснулся другим человеком, серьезным, вежливым, редко улыбающимся, больше девушек стало уделять ему внимание, но он старался избегать в дальнейшем таких приключений, никогда не соглашался на свидания на незнакомой, чужой территории, приглашал девушек к себе в общежитие и то выборочно.

В Казани по поручению кафедры и деканата приходилось выезжать в города Куйбышев, и Хвалынск, что в Саратовской области, к двум ординаторам, прервавшим учебу без предъявления причин, не оформившим академические отпуска. Институт продолжал исправно начислять стипендию-зарплату, за которой они не обращались, надо было прервать этот заколдованный круг. Взял ведомости на зарплату и деньги, приехал я в город Куйбышев летом 1976 года, он напомнил мне далекий город Терек из детства, здесь так же цвели тополя, пух разлетался по всему городу, залетал в

глаза, людей в городе было мало, все попрятались от летней жары, пропадали на пляжах города. По длинным бетонным ступеням спустился к набережной реки Волга, прогулялся по улицам города, нашел исчезнувшего ординатора, вернее сказать ее, ожидавшую первенца. Взял заявление на предоставление академического отпуска, выдал ей зарплату за несколько месяцев и вернулся в Казань. В город Хвалынск приехал в январе 1977 года, метель, пурга, все дороги замело, занесло непрерывно падающим снегом, будто одно белое огромное одеяло постелили по всей земле, которое накрыло деревья, дома, реку Волга. От железнодорожной станции "Хвалынск" до одноименного города, пассажиров, сошедших с поезда, на огромных железных санях прикрепленных к гусеничному трактору - бульдозеру, часа два пробивавшей себе путь через двух - трех метровый слой снега, доставили в город Хвалынск. Деревянные домики покрашенные в зеленые и голубые цвета, доверху засыпанные снегом, крыши с причудливыми фантастическими формами, людей нет на улицах, в городе эпидемия гриппа, как и везде в Проволжье, в Казани, Саратове, Куйбышеве. Нашел поликлинику, деревянное старинное здание, где работал ординатор, не вернувшийся на учебу. У него оказалась другая причина для академического отпуска, родился второй ребенок, надо было помочь супруге. Главный врач Хвалынской поликлиники упросил меня остаться на несколько дней помочь, врачей не хватало. Всех медиков, студентов, ординаторов, аспирантов и даже профессоров городов Поволжья бросили на помощь населению. Я телеграммой сообщил в деканат, что остаюсь в Хвалынске дней на десять, помогать в ликвидации эпидемии гриппа. Через неделю погода улучшилась, появилось солнышко, эпидемия гриппа прекратилась, на улицы города высыпала многочисленная детвора. Попрощался со своим другом ординатором, у которого эти дни я гостил, с новыми друзьями из Хвалынской поликлиники и уехал в Казань.

За два – три месяца до окончания ординатуры меня стали сватать сразу две кафедры, одна институтская, другая ГИДУВа, чтобы я остался у них в Аспирантуре, я категорически отказался, в нашей республике, в Нальчике была всего одна ставка преподавателя по анестезиологии и реаниматологии на медицинском факультете, которая была занята. С дипломом кандидата медицинских наук по анестезиологии и реаниматологии у нас не возможно было найти работу. В аспирантуре можно было остаться, если бы работу предложили в Москве, но там без квартиры тоже делать было нечего, там своим жить было негде. В Нальчик меня приглашал родственник моей супруги Кушхабиев Виктор, заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии, обещал посодействовать, устроить меня заведующим отделением в одной из больниц.

Быстро пролетели два года учебы в далекой старинной Казани, который стал мне родным. Тяжело было уезжать, расставаться с новыми друзьями. В Казани остался мой верный друг Санчо-Пансо (Мухамед), доучиваться в аспирантуре, остались новые друзья: ординаторы, аспиранты, доценты,

заведующие кафедрами. Попрощался со всеми, обещал приезжать каждый год к ним, приглашал всех своих Казанских друзей к себе на Родину погостить. Получив документы об окончании ординатуры вернулся к себе в город Терек, мечтая о скорой встрече с друзьями и коллегами оставшимися в далекой Казани.

28 июня 2016г. **Михаил Карашев**

Н А Л Ь Ч И К

После окончания клинической ординатуры в ноябре 1977 года я пришел к Министру здравоохранения КБР Берову МухадинуЛ., и попросил, чтобы он направил меня в одну из крупных клиник Нальчика, но он убедил меня вернуться в терскую больницу, отработать два года, показать свои способности, свое мастерство, обещал через два года перевести меня в Нальчик, может быть даже на должность заведующего отделением.

Министр обещал оказывать мне всякое содействие, предоставлять в первую очередь необходимую дыхательно-наркозную аппаратуру. В конце ноября 1987 года вышел на работу в Терскую районную больницу. Здесь, как в старинном пыльном музее, все осталось на своих местах, старые корпуса больницы, старый главный врач, прибавивший в весе килограмм на пятьдесят, врачи трудяги, копошившиеся как пчелы, продолжающие работать по выходным и праздничным дням бесплатно. Но произошли чудесные изменения за эти два года в хирургической службе больницы. Появились хирурги ассы, невесть каким то чудесным образом очутившиеся в далекой районной больнице провинциального города Терека. Одни приехали из Москвы, закончив ординатуру и аспирантуру, другие из Ленинграда, третьи с заграницы. Все они виртуозно владели своей профессией, Кошеров Михаил, умевший все, даже оперировать на сердце, Гоов Заурби прекрасный хирург и диагност, Шарманов Николай отличный хирург, акушер – гинеколог к которому обращались за подошью женщины из всех республик Северного Кавказа, и даже приезжали из Ленинграда, где он учился в ординатуре и аспирантуре. Посмотрев на их работу я даже стал подумывать, а зачем уезжать, может остаться здесь в Тереке. Но опять вскоре появилось новое желание, бросить все и уехать подальше из Терека, где не решались проблемы годами.

В Тереке меня ждали мои коллеги, хирурги, детские врачи, инфекционисты, акушеры–гинекологи. Только один главный врач встретил меня недоверчивым, хмурым взглядом и не зря, заставил я его с первого дня после моего возвращения оплачивать сверхурочные работы, не только мне но и всем работникам больницы санитаркам, сторожам, водителям , медсестрам и конечно «беззащитным» коллегам – врачам «немыми» от природы.

По просьбе начальника гражданской обороны больницы Гоова Х. возглавил санитарную дружину района. Девочек школьниц, учениц старших классов, всю осень и зиму, готовил к республиканским соревнованиям. Санитарные дружинецы схватывали все на лету, могли оказать любую помощь раненным, наложить кровеостанавливающий жгут, повязку на рану, лангету при переломе, научились ходить строем. Весной 1978 года, на стадионе напротив школы – интерната, в Долинске собрались все главные врачи районных больниц, работники министерства здравоохранения и профсоюза медработников. Команды девушек санинструкторов дружинниц из всех районов Республики и города Нальчика, выстроились перед большим жюри. С первой минуты, на всех этапах соревнования, команда из Терского района была впереди всех, стала победителем. Главный врач Шогенов А. вытирал слезы радости.

Здесь на стадионе познакомился с моим будущим главврачом Нальчикской городской больницы Керимовым Борисом Лукмановичем, он сам подошел ко мне, узнав, что мы с ним из одного села, что я отслужил в армии, окончил ординатуру, планирую переехать в Нальчик в следующем году, обещал помочь с работой. После победы на соревнованиях, по пути домой в Терек, главный врач Шогенов пригласил нас победителей в Ресторан-кафе возле села Урух. Девочек угощал мороженым, конфетами, пирожными, лимонадом, родителей сопровождающих сандружиниц и мужчин, холодным шампанским и горячим шашлыком.

И в следующем году наша команда заняла первое место на Республиканских соревнованиях. Молодой, новый главный врач районной больницы, Шорманов Николай, мой односельчанин, отмечал с нами нашу победу в Ресторане – кафе возле моста через Терек, стоящим между границами Майского и Терского районов. На другой день я написал заявление о переводе меня в Нальчикскую городскую клиническую больницу скорой помощи, Шорманов поддержал меня, завизировал заявление. А министерство смирилось, согласилось, уступило молодому, энергичному врачу, возмутителю спокойствия. Сыграло положительную роль несчастье произошедшее с мальчиком пятнадцати лет из Плановского, нечаянно выпившего многократную смертельную дозу раствора карбофоса, хранившегося в бутылке из под лимонада, перепутав со сладким напитком. Вся Республика помогала спасать мне мальчугана, по санавиации каждый день приезжали токсикологи из Нальчика. Звонили из Москвы, из центра токсикологии профессора, консультировали меня, согласовывали лечение. Из всех аптек нашей Республики, соседних районов Осетии и Ингушетии,

выделили весь запас раствора атропина, который был противоядием. Целую неделю мальчуган находился на искусственной вентиляции легких, не мог самостоятельно дышать. Через неделю мальчуган задышал самостоятельно, встал, вышел к своим родителям и к родственникам, стоящим днем и ночью во дворе больницы, ожидая худшего. После этого случая все мои коллеги поняли, что я недолго задержусь в Тереке, а уеду в Нальчик или другой большой город России.

В Тереке меня больные и ихние родственники знали меня как хирурга, а не как анестезиолога, каждому не объяснишь, что он остался жив благодаря мне анестезиологу – реаниматологу, также я не мог понять почему в больнице была всего одна ставка врача анестезиолога – реаниматолога, хотя операции шли круглосуточно под наркозом, поступала масса экстренных больных. После моего отъезда из Терека, в больнице в течение месяца появились 4 ставки врача анестезиолога-реаниматолога.

Обменял квартиру в Тереке на квартиру в Нальчике. Улыбнулась удача мне, никому из моих коллег за долгие годы не удалось совершить такой обмен, сидят в своих квартирах, уйдя на пенсию, и мечтают обменять свое драгоценное жилье на Нальчик, на Москву и другие города России. Некоторые отказавшись от квартиры, бросив ее уезжают. Не нравится приезжим Терек, где нет ни театров, ни музеев, ни дворцов спорта и других мест для нормального отдыха.

Отработав ровно два года в Тереке, после ординатуры, я уехал осенью 1979 года в Нальчик, вместе со своей супругой Заримой, десятилетним старшим сыном Анзором и годовалым Аскерчиком. Этот день, 2 ноября 1979 года запомнился, целую ночь лил проливной дождь, утром повалил снег, лужи покрылись тонким льдом, к обеду выглянуло солнце, все растаяло. Приехал на грузовике мой родственник из Дейского, Шадов Чима и отвез нас в Нальчик. Устроился на новую работу в Городскую клиническую больницу, где заведующий отделением анестезиологии и реанимацииработала десятки лет Большакова Нина Матвеевна, ее не отпускали на заслуженный отдых, не было достойной замены. А здесь появилось сразу три врача, три "вундеркинда", как она говорила шутя, на претендующих на заведование. Карданов Олег, работал и окончил ординатуру в Москве, затем вернулся в Нальчик, в Республиканскую клиническую больницу. Очень красивый, высокий мужчина, старше меня лет на семь. Учился на курс выше меня в Орджоникидзевском медицинском институте. Перевелся в Городскую больницу из Республиканской, месяца два назад, видимо хотел возглавить отделение Реанимации и Анестезиологии. Другой претендент на заведование отделением, Кунижев Борис, тоже вернулся из Москвы по приглашению, первого Президента нашей Республики. Третьим претендентом считали меня, хотя я не имел никаких притязаний на заведование. Лишь бы дали спокойно жить и работать, не дергали по ночам, как в Тереке.

Главный врач Керимов Б.Л. не знал, как быть, кого назначить на заведование, каждый день вызывали его в Минздрав и обрабатывали

соответственно указаниям вышестоящих органов. Назначили заведующим Кунижева Бориса, моего однокурсника по медицинскому институту. С этого дня в больнице все переменилось. Стала поступать новейшая аппаратура, каталки, коляски, специальные койки для тяжелых больных, новые рентгеновские аппараты. Отделение реанимации укомплектовали за несколько месяцев мониторами, наркозными и дыхательными аппаратами, к каждому больному подвели кислород. Пятиминутки в отделении проводились в присутствии главного врача или начмеда. Отделение стало лучшим по всей больнице. Меня, никогда не унывающего, бегающего по огромной территории больницы, то в роддом, то в инфекционную больницу и в другие многочисленные отделения, находившего общий язык со всеми, выбрали председателем Местного Комитета. Предыдущий, председатель МК Зеленская, перешла на работу в инфекционную больницу заместителем главного врача по лечебной работе. Она и рекомендовала меня на освободившееся место, главный врач нашей городской больницы поддержал мою кандидатуру, хотя он многократно перед этим предлагал мне занять должность заместителя по АХЧ, видя мои способности решать любые трудные задачи. На всех мероприятиях, проводимых Обкомом профсоюза медработников и Министерства Здравоохранения Республики, наша больница стала занимать первые места, сотрудники награждались грамотами, денежными премиями, кубками. Ни одна горящая путевка в санаторий не стала пропадать, если отказывались ее получать в других больницах Республики, то звонили нам в МК, где был список желающих поправить здоровье сотрудников, кратно увеличилось число сотрудников, получающих бесплатные путевки в санатории и дома отдыха. Наша больница заняла первое место по шахматам во главе с капитаном команды Фировым Адальби, моим другом, врачом реаниматологом. Обком профсоюзов медработников наградил всю команду бесплатными путевками для путешествия по достопримечательным местам России.

Однажды меня вызвали в Администрацию города, где выделили по разнарядке для нашей больнице чеки на мебель, ковры, бытовую технику, импортную обувь. Оказалось, что чеки предназначались для всех медицинских учреждений города, пока разобрались и спохватились, наши сотрудники выкупили все это добро. Председателей местных комитетов других медучреждений города ругали все кому не лень, ставили в пример меня незаслуженно, хотя я был не причем, просто оказался в нужное время, в нужном месте.

Через год на перевыборах председателя Местного Комитета меня вновь хотели избрать председателем. Какое удивление испытали все, когда я как гром среди ясного неба заявил, что увольняюсь из больницы, перехожу на работу в психбольницу. Некоторые подумали, что я схожу с ума, другие, что не сработался с главным врачом. После долгих споров, сотрудники городской больницы отпустили меня на все четыре стороны с большим сожалением. Поблагодарил я всех за поддержку и понимание и заверил, что я

вернусь через два-три года, когда организую новое реанимационное отделение в Республиканском психоневрологическом диспансере. Забрав документы из отдела кадров, в этот же день приехал к главному врачу диспансера, которому я обещал помочь с открытием новых отделений.

М.Карашев **Сентябрь 2016г.**

Е р е в а н

Первого сентября 1981 года, я с трудовой книжкой явился в психиатрическую больницу, главный врач психбольницы Шаков Анатолий, убежденный холостяк, круглосуточно пропадавший в больнице, оформил меня на работу, выдал путевку на учебу в город Ереван, командировочные, предоставил свою служебную машину «Волгу» с водителем, который доставил меня в аэропорт Минеральные Воды. При этом никто не знал, кроме заведующей отделом кадров психбольницы, о моем поступлении на работу. «Это будет для всех сюрпризом, познакомлю после твоего возвращения из Еревана, после первичной специализации по психиатрии» - заявил он. Вечером этого дня после 19 часов вылетел из Минеральных Вод в столицу Армении, за один день я успел уволиться из одной больницы, устроится на работу в другую больницу и прилететь в Ереван. Встретил меня Ереван яркими огнями нового международного аэропорта Звартноц, напоминающий формами космический корабль, готовый к полету к далеким галактикам, целых пять месяцев, можно сказать, я жил за границей, в другом государстве, в городе стоящем не на семи холмах, а на сотнях, тысячах холмах, где улицы ныряют вниз на 100-200 метров и резко взлетают вверх, дух перехватило, как в самолете от резкого перепада высот. Магазины забитые деликатесами, мясом баранины и сайгаков из Австралии, тушками птиц из Турции, красивой одеждой и обувью местных фабрик, лучшей, чем импортные. Большая разница между Россией и Арменией, не надо было Россиянам ездить за границу, лучше в Ереван, где во много раз интереснее, больше впечатлений.

На проспекте Комитаса, получил в общежитии ГИДУВа одноместную комнату, приехал в психиатрическую больницу, находившуюся на другом

конце города, где предстояло все пять месяцев учиться психиатрии, набираться опыта для самостоятельной работы. На учебу в Ереван прибыли опытные с большим стажем врачи психиатры, заведующие отделениями, главные врачи психиатрических диспансеров из всей России: Чувашии, Чечни, Башкирии, Москвы и Московской области, Мурманска, Оренбурга, Северной Осетии. Все они прилетели в Ереван на четыре месяца с одной целью отдохнуть, набраться впечатлений, получить документы о повышении квалификации, которую требовали при переаттестации по месту работы каждые пять лет. Только двое, я и молодой доктор Геворк Сагомонян, из Еревана должны были овладеть основами психиатрии, пройти пятимесячную первичную специализацию. Кафедру психиатрии ГИДУВа возглавляла молодая, белокожая, красивая, большеглазая женщина профессор, доктор медицинских наук, лет 35-38. Сотрудники кафедры, кандидаты, доктора наук произвели на нас только хорошее впечатление. За эти месяцы они постарались научить нас всему, что они знали сами, читали лекции, где проводили демонстрации сложных больных.

Ереван, 1981 год, Сотрудник Кафедры Психиатрии и курсанты.
В центре Михаил Карашев и Геворк Сагомонян в третьем ряду.

На практических занятиях учили нас выделять из группы опрятно одетых людей, больных с психическими заболеваниями. Знакомили с организацией экстренной психиатрической и наркологической помощи. Служба в армии, учеба в ординатуре и практическая работа помогла мне безошибочно выставлять диагнозы больным. По походке, по взгляду, мимике, по разговору, я за секунды определял, кто здоров, кто болеет, какая

у него болезнь. Никто в группе и не верил, что я не работал в психиатрии. Сотрудники кафедры, согласно учебной программы, возили нас в закрытые психиатрические больницы системы МВД и МО, в богом забытые больницы для хронических душевных больных. Двойственное впечатление от системы психиатрической помощи в Армении, у них наркологию отделили от психиатрии, что с одной стороны положительно влияло на организацию лечения, но без денег ты никому не нужен, плати и лечись, не платишь, выкарабкивайся сам, или отправляйся далеко в горы, в заброшенные больницы для душевнобольных. У нас в России в тысячу раз лучше, никто тебя не бросит, даже спросят с медиков, если помощь окажут недостаточную, единственный недостаток у нас, что не выделили из психиатрии наркологию. Практически здоровым больным и родственникам, посещающим, их было неприятно, что попали или приходят к своим чадам в психиатрическую больницу. Через три года и у нас в России отделили наркологические больницы от психиатрических больниц.

За месяцы учебы познакомились, сдружились мы курсанты врачи между собой. Гуляли по ночному Еревану, на центральной площади часами сидели у поющего фонтана, светящегося разноцветными радугами, взлетающих струй воды, рассказывали о себе, о своих друзьях, ходили всей группой в кинотеатры, смотрели фильм «Бродяга». На концерте песня «81», организованном на стадионе Еревана, чуть не погибли. Предприимчивые дельцы продали в два-три раза больше билетов, чем мест на стадионе. Образовалась давка перед началом концерта, толпа людей сзади напирала на передних, некоторые падали с высоты трех-пяти метров, на них другие. Попав в давку, услышав громкие крики, мы подумали, что начинается концерт, полезли вперед, искать свои места, свои ряды. Вскоре мы поняли, что надо спасать свои жизни, развернулись и пошли напротив толпы, зрители стоящие в начале рядов, на возвышении, над проходом где происходила давка, вытащили всю группу. Спаслись. Несколько дней не могли прийти в себя, были в шоке, женщины плакали. С тех пор я избегаю массовые мероприятия. Учу своих близких опасаться скопления людей, которые в любой момент могут стать неуправляемыми.

В Ереване по выходным выезжали на природу, особенно нам нравилось озеро Севан. Рано утром на озеро отправлялся поезд набитый туристами из России. Поезд зигзагами, большими кольцами, петлями полз в горы, поднимаясь на целый километр и больше, а затем мчался вниз к озеру. Гуляли по берегу Севана, ели шашлыки на природе. Были мы на знаменитом коньячном заводе – дворце «Арарат», добирались до древних монастырей, стоящих на скалистых горах, почти под небом. Незабываемые впечатления остались у меня на всю жизнь, будто я вчера был в этом древнем городе, старше на тысячи лет Вечного Рима, любовался светящими вдалеке вершинами Сис и Мазис горы Арарат, где по приданию причалил Ноев ковчег.

Через 4 месяца разъехались по домам все курсанты, кроме меня и Геворка, нам продлили занятия на один месяц. Вдвоем учиться было интереснее, сотрудники кафедры перехватывали нас перед носом у своих коллег, приглашали к себе на лекции, на практические занятия. Почти каждый день, по пути в общежитие, заходил домой к Геворку, где нас угощала обедом красавица жена Карина, дочь высокопоставленного чиновника. Через месяц нам выдали документы о прохождении пятимесячной специализации по психиатрии. Провожал меня Геворк со своей супругой до аэропорта, долго прощались, обещали звонить друг другу, писать письма, приезжать в гости. Перезванивались несколько лет, поздравляли друг друга с Новым годом, затем все забылось, прошло около четырех десятков лет, как я вернулся из Армении. Каждый Новый год вспоминаю Геворка и Карину, моих друзей, хочу позвонить, но каждый раз никак не решусь.

Михаил Карашев **Октябрь 2016 года.**

С К О Р А Я.

После окончания учебы в Ереванском институте усовершенствования врачей я вышел впервые на работу в психиатрическую больницу, пришел к главному врачу Шакову Анатолию, умнейшему и добрейшему человеку, кандидату медицинских наук, которому я обещал помочь открыть новое реанимационное отделение для наркологических больных, организовать работу скорой помощи по оказанию экстренной и неотложной помощи психиатрическим больным. Главный врач на общей пятиминутке, представил меня, наговорил про меня столько хорошего, что мне до сих пор неудобно вспоминать. В психбольнице работал в четвертом диагностическом отделении, в шестом отделении острых психозов, в наркологическом отделении №1 и №2. В течение месяца организовывал работу скорой помощи. В Ереване я две недели добровольно дежурил в бригаде психиатров, набирался опыта. Очень большая разница была между нашими больными и больными из Еревана, приученными, вышколенными врачами бригад скорой психиатрической помощи, приезжающих в белых халатах, в составе врача и двух огромных детин санитаров. Больные у них не сопротивлялись, безропотно позволяли увезти себя в стационар. А здесь, в Нальчике, целый месяц не могли подобрать достойных санитаров. Главный врач пытался подсунуть санитарок – старух, шоферов – стариков, работающих посменно, отдыхающих по двое – трое суток дома, желающих подзаработать, санитаров из наркологических отделений, не соображающих, что им делать, куда они попали, врачей не ориентирующихся в многочисленных корпусах большой психиатрической больницы, которым самим пора было оказывать психиатрическую помощь. Учились на ошибках и пробах, помог неприятный случай произошедший со мной. Как то ночью позвонил мне главный врач, попросил выехать к больному в близлежащее село возле Нальчика, при

необходимости доставить его в стационар. Предупредил, что за мной заедет машина скорой помощи. Приехала скорая, с двумя санитарами из наркологического отделения, бывшими пациентами этого же отделения. Санитары щупленькие, худенькие, невысокого роста, хвастаются, какие они отличные работники, им послушны все алкоголики, проходящие лечение в отделении. Предупредил я их по дороге, какие опасности могут угрожать при встрече с возбужденным, буйным больным с острым психозом. Доехали до села, встретили нас у ворот мать и сестра больного, во дворе полно родственников, ни слова не сказали об угрозе исходящей от больного. Завели нас в дом, отвлекли нас разговорами, что ждет нас больной с нетерпением, хочет поехать на лечение, что он лечился три раза и успешно, но очередной раз занемог. Проводили к нему в комнату, санитары остались у двери, хотя я предупредил их последовать за мной. Лежит на кровати огромный, двухметровый детина, обложенный топорами, ножами, молотками. Что делать?! Обратного хода нет. Зашел, а выйти невозможно, убьет. Как учили меня на стажировке, быстро присел на кровать к больному, подаю знак «санитарам» , а они боятся зайти в комнату, даже не делают попытку переступить порог, у них шок от страха. Целый час уговаривал больного, что надо поехать с нами на обследование. Кончилось тем, что больному все надоело, схватил близлежащий топор, для этого ему пришлось присесть, чтобы дотянуться до него, спасая свою жизнь, я применил к нему прием, этому меня не учили в Ереване, я знал этот прием со школы, где занимался вольной борьбой, завернул ему руки, упал ему на спину, обхватил его руками, как кольцом, матом пригрозил санитарам, что сам их убью, наконец очнулись они от спячки, вышли из транса и стали помогать, надели на больного специальный халат, завязали руки сзади длинными рукавами халата. В толкотне, в суматохе порвал мне больной новую кожаную куртку, которую я купил в Ереване, разодрал норковую шапку в клочья, новые замшевые брюки, которыми я гордился и щеголял в больнице, порвал халаты на санитарах. Успел он наставить нам всем синяков, оказалось, что он чемпион по каратэ в тяжелом весе. Ни один из многочисленных родственников и соседей, собравшихся во дворе, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь нам, боялись мести со стороны больного после возвращения из больницы. Вдобавок он выплюнул на меня молоко, которым мать его угостила перед посадкой на скорую, несмотря на мои громкие возражения. Утром оба санитара написали заявление, уволились из больницы, заявив, что жизнь дороже. Главный врач, возместил мне причиненный ущерб, выделил мне денежную премию, до сих пор гадаю, откуда он взял деньги, из кассы или из своего кармана? С этого дня санитары из всех отделений категорически стали отказываться выезжать на вызова. Зато в течение двух, трех недель были укомплектованы все три бригады экстренной психиатрической помощи. Набрали в санитары бывших десантников, спортсменов, мастеров спорта, бывших милиционеров, врачей с физической подготовкой, чтобы могли хотя бы убежать при угрозе их жизни. Был издан

приказ по Министерству Здравоохранения и Министерству Внутренних дел, обязывающий врачей выезжать совместно с сотрудниками милиции к буйным больным с острым психозом.

Через месяц меня направили на постоянную работу во второе наркологическое отделение Республиканской психиатрической больницы. Здесь заведующим работал Литвиненко Вальтер, отец Александра Литвиненко, отравленного в Лондоне радиоактивным полонием. С первого дня и все десять лет работы в психбольнице и наркологической больнице у меня с ним установились дружеские отношения, никогда не было между нами конфликтов и споров, понимали друг друга с полуслова. Правдолюбец, честный, прямой человек он не нравился главным врачам, с которыми далее ему пришлось работать, кроме Анатолия Шакова. Литвиненко не любил двойственности, высказывал свое мнение любому не взирая на чины. Главные врачи, пытались его уволить, выгнать из больницы, и все терпели фиаско, один звонок сына Александра из Москвы, работающего в спецслужбах, заставлял главных врачей притихнуть навсегда, а некоторые даже уходили из психиатрии, подобрав себе спокойную работу, где им не мешал жить мой друг Вальтер. Многому научил меня Вальтер, как лечить запойных больных, чтобы у них не возник алкогольный психоз, не верить скользким, липким людям, лезущим в душу со своими гадкими предложениями, как избегать провокации недоброжелателей. Всему он научил меня, а сам все время попадал в истории, то с больными, то с милицией. Однажды прибежала перепуганная медсестра в ординаторскую, кричит убивает наркоман в первой палате Вальтера. Забегаю в палату, наркоман, размахивая большими портняжными ножницами, загнал Вальтера окровавленного с рассеченной бровью в угол, между двумя койками, бежать некуда. Вальтер ослеп, очки потерял, кровь заливает глаза. Увидев меня, наркоман набросился на меня, размахивая хаотично ножницами, целясь мне в живот, защищаясь я инстинктивно нанес ему один удар в лоб, отключил его. Вызвали милицию, составили акт о нападении на врачей, Вальтеру наложили на рану швы в травмпункте. Кто-то из «доброжелателей» написал анонимку о нападении врачей на больного. Целый месяц проверяли наше отделение, уговаривали больного написать жалобу на врачей, нас уговаривали, чтобы мы написали заявление на больного о привлечении к уголовной ответственности. Ничего у них не получилось, отстали они от нас и от больного. Видимо, позвонили из Москвы, и опять притихли «доброжелатели». Где то затерялся Вальтер, старенький восьмидесятилетний наивный старичок, потерявший сына, супругу, свой дом, свою Родину. Жаль его.

На новой работе в психбольнице меня представили к присвоению звания Отличник Здравоохранения Кабардино-Балкарии, но не присвоили, видимо не заслужил, объяснили, что в стаж не засчитали службу в армии, учебу в ординатуре, работу хирургом, председателем Месткома, анестезиологом-реаниматологом, а психиатрический стаж очень маленький

для присвоения такого звания. Так я и остался без награды хоть я и работал усерднее некоторых моих коллег, которым присваивали высшие категории и награды чиновники не нюхавшие пороху, не знавшие где хвост, где голова у коровы. Как говорится в поговорке битый не битого везет.

В последний день 1985 года, нас сотрудников двух наркологических отделений в психбольнице ожидал сюрприз, в результате реорганизации Психиатрической службы Российской Федерации эти два отделения передали в Республиканский наркологический диспансер. Очень было трудно нам расставаться с коллегами из психбольницы. Особенно мне не хотелось уходить из психиатрической больницы, где работал интелегентный, всегда улыбающийся, скромный главный врач Шаков Анатолий который в любую минуту приходил на помощь в трудных случаях. Хотел вернуться на работу в городскую больницу, где меня ждали все четыре года или перейти в поликлиническую службу психбольницы.

Министр социального обеспечения, симпатичная женщина, с которой я познакомился, обращаясь по профсоюзным делам, для решения социальных вопросов, тоже просила меня перейти к ней на работу, предлагала возглавить мне Чегемский дом-интернат для хронических больных, в придачу старенькую машину УАЗ, ферму на сто коров, старую котельную, отапливаемую углем, и массу других нерешенных проблем в этом интернате, откуда сбегали все вновь назначенные главные врачи. Только такой энергичный, молодой врач как я может наладить работу, но я отказался. Вызвал меня на беседу Шаков Анатолий, познакомил меня с главным врачем вновь создаваемого Республиканского наркологического диспансера Арсеном Аркадьевичем Гуржияном. Уговорили меня они вдвоем остаться на работе в наркологической службе, возглавить третье наркологическое отделение, которое впервые открывалось в наркологическом диспансере. Разрешили забрать из двух бывших наркологических отделений всех сотрудников, изъявивших желание работать со мной в новом отделении. Так я остался работать в системе наркологической службы Республики и никогда не жалел. Рядом оставались мои друзья, коллеги из психиатрической больницы с которыми я подружился за эти годы, а самое главное со мной был всегда рядом Шаков Анатолий, верный мой друг на всю жизнь.

Михаил Карашев **Октябрь 2016 года.**

М А С Т Е Р А.

Первого января 1986 года меня назначили заведующим нового, третьего, спецнаркологического отделения диспансера, которое было создано впервые в Республиканском наркологическом диспансере. Также в наркологический диспансер были переданы первое и второе наркологическое отделения Республиканской психиатрической больницы. Целый двухэтажный корпус психиатрической больницы заняли эти три отделения. В течение нескольких часов сотрудники установили оборудование, мебель и подготовили новое отделение к работе. Начали прием больных, которые по состоянию здоровья не могли находиться на принудительном лечении от хронического алкоголизма в лечебно трудовом профилакторий. МВД организовало круглосуточную охрану спецконтингента нашего нового отделения.

Благодаря моему другу, главному врачу психбольницы Шакову А. в новое отделение перевелись самые лучшие сотрудники из психиатрической больницы, санитары, санитарки, медицинские сестры. Ожидали, что в отделение будут поступать не управляемые, озлобленные на всех пациенты. Но в действительности сюда стали поступать отличные мастера, классные специалисты, с высшим образованием, интелегентные люди, попавшие в тяжелые жизненные ситуации по различным причинам, из-за слабохарактерности, из-за конфликтов в семье и на работе.

Как с маленькими детьми возились с каждым пациентом сотрудники нового отделения, ни на одну минуту не оставляли их на едине со своими проблемами, выслушивали все жалобы, помогали советами, учили как преодолевать тяжелые жизненные ситуации без алкоголизации. Основным

методом лечения больных была трудотерапия. Больных устраивали работать на крупные промышленные предпиятия города, иногда даже на прежнее место работы. В сопровождении трудинструкторов каждое утро их развозили на работу, где они трудились под наблюдением бригадиров, мастеров, начальников цехов, так и происходила их реабилитация, возвращение к нормальной жизни. Через месяц, два, родственники больных меняли отношение к ним, обивали пороги диспансера, обращались в суд, чтобы их сыновей, мужей, отцов восстановили в правах и отпустили домой.

1986 год, сотрудники нового спецотделени. В центре, в последнем ряду

Карашев Михаил - заведущий отделением.

Наши больные строили кардиологический центр, детскую больницу, роддом в Дубках. На специальные счета больных поступала зарплата, заработанная ими на предпиятиях города. Через месяц, два невозможно было узнать наших пациентов, за это время решались семейные проблемы или другие конфликты в жизни. Бывшие больные в корне меняли свои взгляды на жизнь, поведение, отношение к родственникам, к друзьям, к работе. Исключали алкоголь из своей жизни, становились трезвенниками. Благодаря этим “мастерам” я заного пересмотрел свои взгляды на жизнь, учился на их ошибках, стал относиться бережнее к людям, попавших в ловушку алкогольной зависимости. На новой работе пригодились опыт полученный на

службе в армии, знания полученные в ординатуре, практические навыки полученные по оказанию экстренной помощи тяжелым больным. Наше отделение стало образцовым среди лечебных учереждений всего города. В отделении появились новые телевизоры, холодильники. Питание больных улучшилось из-за спонсорской помощи предпиятий города и совхоза Нальчикский, где больные помогали убирать урожай ягод, фруктов. Заготавливали сено по разнарядке партийных органов, возложенных на Министерство здравоохранения. Работу выполнил на отлично. Помог даже выполнить план по заготовке сена городской больнице, где я раньше работал.

В отделение работал сплоченный, дружный коллектив, каждый из сотрудников достоин лестных слов. Старшая медсестра Жарикова Т.М. участник Великой Отечетвенной войны, к которой я относился как к родной матери, без ее советов я не делал ни один шаг. Процедурная медсестра Заикина С. была самая опытная в двух диспансерах, наркологическом и психоневрологическом. Милиционер поста охраны Хасан, который был мне как родной брат, на его дежурствах ни один пациент отделения никогда не нарушал больничный режим. Я сам тоже старался из за всех сил на благо коллектива, добился выделения дачных участков для них и всего диспансера, организовал новый автобусный маршрут номер 15 идущий из Александровки в нашу больницу. Партийная организация диспансера выбрала меня секретарем партбюро.

Город Киев, где мы останавливались во время поездки в Венгрию.

Крайний слева, в первом ряду, Михаил Карашев.

По просьбе Горкома Комсомола, где работал мой младший брат Валера, встречал гостей из Никарагуа в своей новой кооперативной квартире.

Готовились целую неделю, за час до прибытия гостей приехал в белой парадной форме, высокий, красивый лейтенант из ГАИ, убрал со двора машины. И вот конфуз, за десять минут до прибытия гостей, какой то пьяный мужчина подложил свинью, заснул на остановке напротив кинотеатра, возле нашего дома. Бедный лейтинат Х, будущий начальник городского ГАИ, в обнимку уводил прямо перед носом у гостей оравшего пьяного мужика за кинотеатр «Родина». Испачкал себе белую рубашку, хорошо, что была запасная зеленая. Угощал я своих гостей национальными блюдами, махсымой, кабардинской халвой, лакумами. Выпросил один из них нагрудный знак ЦК ВЛСМ, которым я был награжден в Армии, осталась у меня только сама грамота. Все гости благодарили меня за гостеприимство. Брата моего Валерия, Горком Комсомола поощрил, а затем Обком Комсомола забрал его к себе на работу секретарем. Мне выделили путевку для поездки в Венгрию.

Через 10 лет, неожиданно для всех, я уволился из наркологического диспансера и вернулся на работу в городскую больницу, в отделение Гипербарической оксигенации. Назначили заведующим отделением. Спасал отравленных угарным газом. Хирурги и гинекологи ходили за мной по пятам, просили взять тяжелых больных на сеансы баротерапии. Выручал всех, никому не отказывал.

В июне 2016 года отмечали сорокапятилетние окончания медицинского института. Было очень интересно встретиться со своими однокурсниками ребятами, которые не изменились за четыре десятка лет, и однокурсницами, повзрослевшими, похорошевшими, ставших похожими на строгих учительниц начальных классов, до того изменившимися, что их невозможно было узнать, а жаль.

15 Июля 2016 г. **Михаил Карашев**

ЧАСТЬ IV. Фотогалерея.

Карашев Хазрит. Гагры.

Карашева Катя.

Карашева Катя со своими шестью сыновьями.

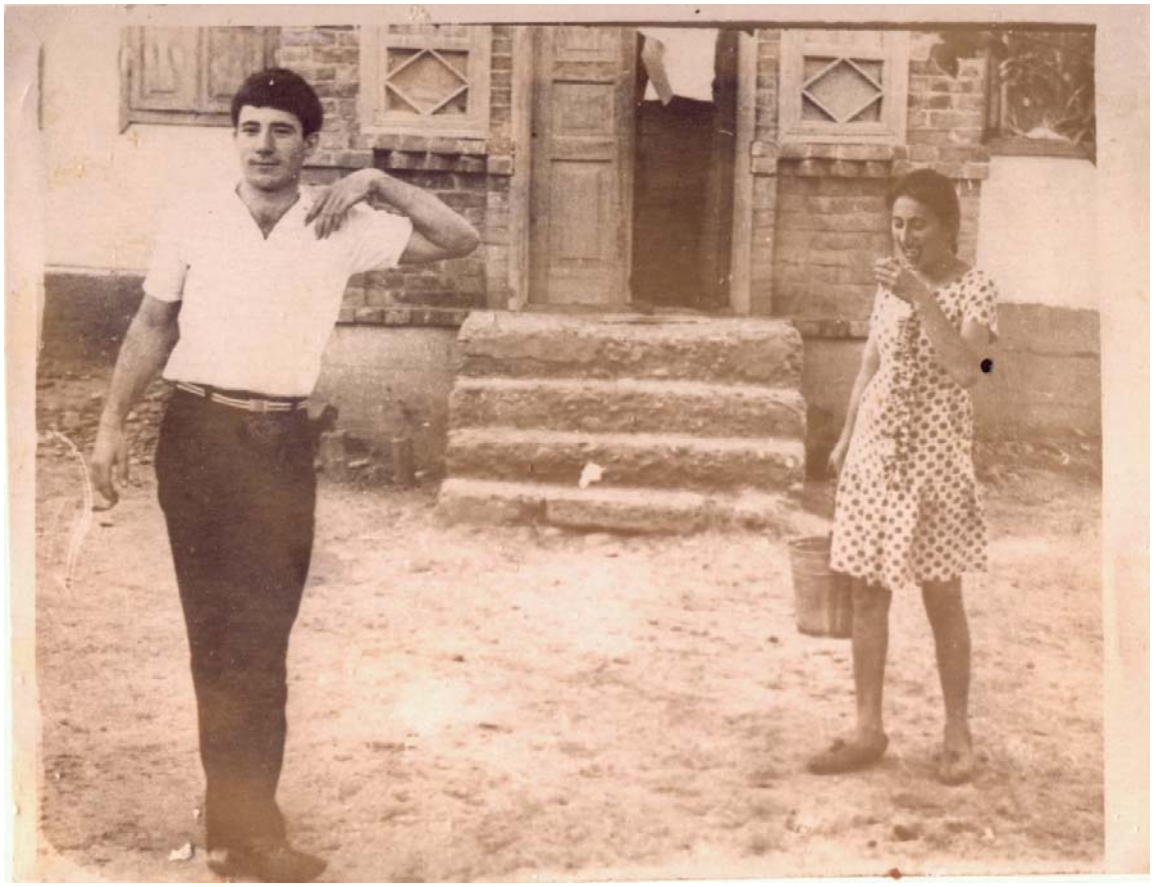
Карашевы провожают Александра, пятого сына Хазрита в армию.

Карашев Хазрит Муридович.

1947 год. Мише 5 месяцев, на руках у мамы Кати.

Карашева Катя со своими детьми и внуками

Карашев Михаил с супругой Заримой в армии



Миша женился.

Миша и Зарима со своими сыновьями Анзором и Аскером.

Зариме, 3 годика.

Зарима и Оля. г. Волгоград.

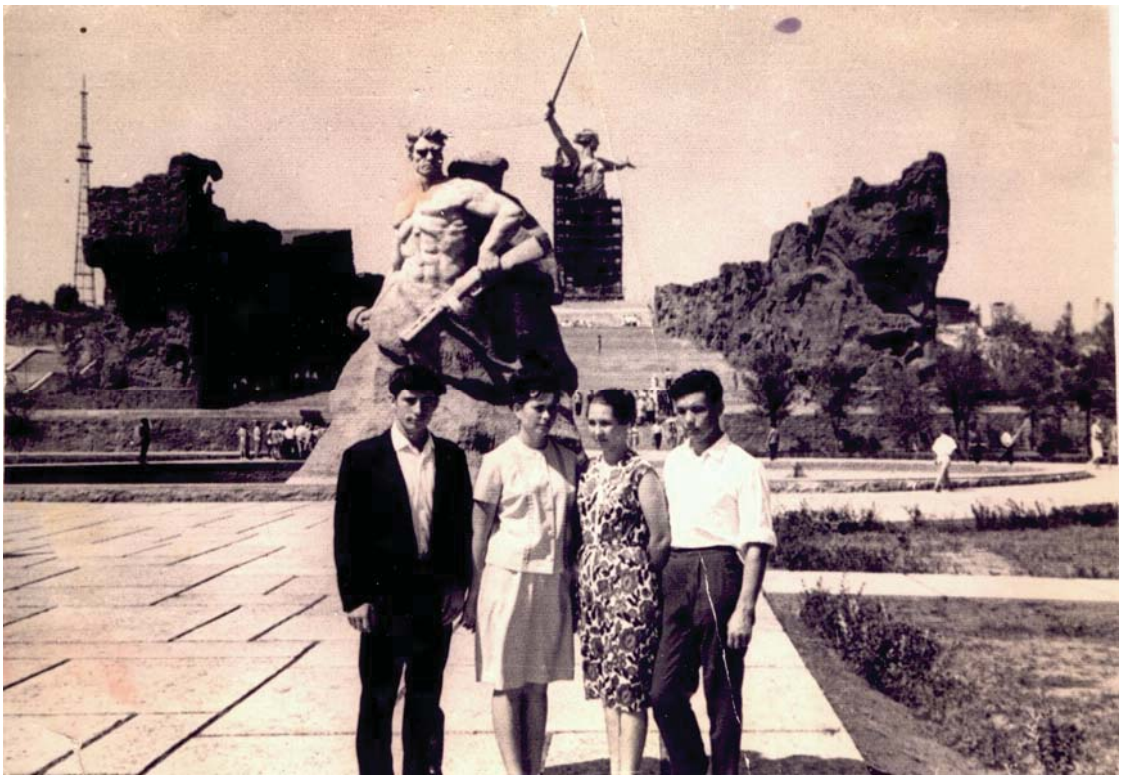
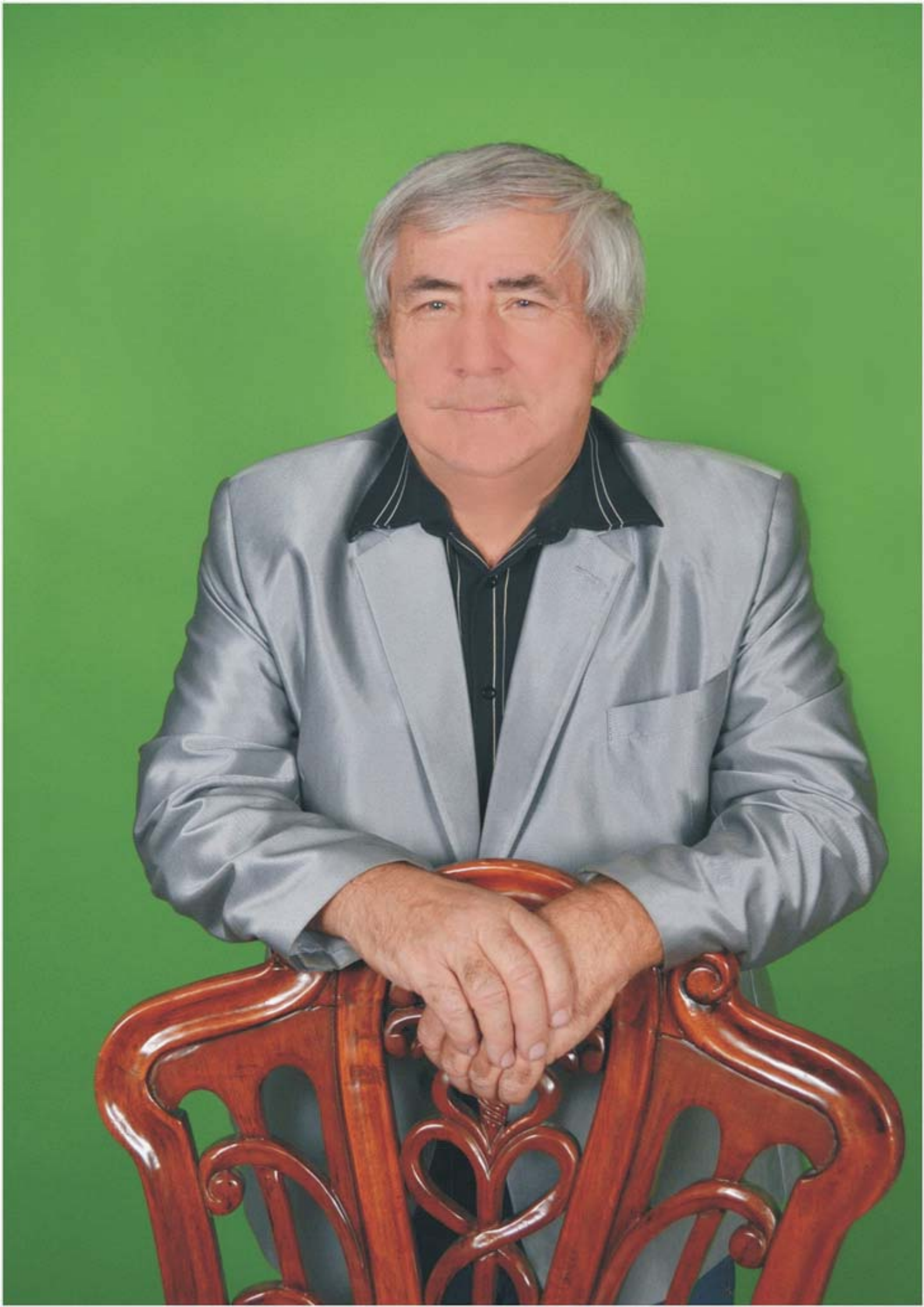
На свадьбе Карашева Мурата.

1968 год. Город Волгоград. Зарима.

Миша и Вова со своими семьями и гостями из Волгограда.

Миша через 40 лет встречается со своими однокурсниками.

Миша с Заримой, зима 1971 года. Город Терек.



г. Волгоград. Миша с родственниками.